

ISSN 2524-0285

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
**Гуманитарные
науки**

1/2017

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки»**

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**.

Заместитель ответственного редактора – д. филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**

Члены редколлегии: д. филос. н., проф. **Т.А. Андреева**, д. филос. н., доц. **Е.В. Андриенко**, д. н. по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д. филол. н., проф. **Ш.Р. Басыров**, д. и. н., проф. **А.В. Бредихин**, д. пед. н., проф. **А.И. Дзундза**, д. филол. н., проф. **И.И. Дяговец**, д. филос. н., проф. **Н.Н. Емельянова**, д. пед. н., проф. **Е.Г. Евсеева**, д. филол. н., проф. **В.Д. Калиущенко**, д. и. н., проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д. пед. н., проф. **М.Г. Коляда**, д. филол. н., проф. **О.А. Кравченко**, д. филол. н., проф. **С.Е. Кремзикова**, д. и. н., проф. **Е.Ф. Криנקо** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д. полит. н., проф. **Т.И. Мармазова**, д. филос. н., проф. **Д.Е. Муза**, д. и. н., проф. **В.Н. Никольский**, д. филол. н., проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), д. филол. н., проф. **Л.А. Петрова** (Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация), д. пед. н., проф. **П.В. Плотников**, д. пед. н., проф. **Е.И. Скафа**, д. филол. н., проф. **В.В. Федоров**, д. филол. н., проф. **А.Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация), д. и. н., доц. **Л.Г. Шепко**, д. филол. н., проф. **Л.Н. Ягупова**

Editorial Board of the journal “Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of History, Associate Prof. **V.V. Razumnyi**

Members of the Editorial Board: Doctor of Philosophy, Prof. **T.A. Andreeva**, Doctor of Philosophy, Associate Prof. **Ye.V. Andrienko**, Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Doctor of History **A.V. Bredikhin**, Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Philology, Prof. **I.I. Dyagovets**, Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko**, Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Political Sciences, Prof. **T.I. Marmazova**, Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **V.N. Nikol'skiy**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **L.A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Prof. **P.V. Plotnikov**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Philology, Professor **A.L. Faktorovich** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of History, Associate Prof. **L.G. Shepko**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: terkulov@rambler.ru, razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.01.00 – Литературоведение; 10.02.00 – Языкознание; 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 5 от 30.05.2017 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2017

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Б. Гуманитарные науки

№ 1/2017

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Борисова Л. П.</i> «О, я недаром в этом мире жил...»: к 85-летию со дня рождения Евгения Степановича Отина	4
<i>Калинкин В. М.</i> Е. С. Отин – редактор ВУЛСа. Статья 1: формула успеха	12
<i>Брысина Е. В., Супрун В. И.</i> Диалектный словарь как отражение народной культуры	22
<i>Колесов В. В.</i> "Третья волна" когнитивной лингвистики	29
<i>Мокиенко В. М.</i> Ономастический словарь Е.С. Отина и фразеология в «Полном фразеологическом словаре русских народных говоров»	42
<i>Касьяненко Н. Е.</i> Функционирование собственных имён в романе В. Забирко «Антропогенный фактор»	53
<i>Киселева Е. В.</i> Англоязычные СМИ как источник окказиональной антропонимической лексики	60
<i>Михальченко М. Н.</i> Смысл и значение оценки в тексте	67
<i>Першина К. В.</i> Фитонимы в ономообразовании (этнокультурное измерение)	72
<i>Сенчина Л. Т.</i> Формирование жанра элегии в русской литературе XVIII в. (Ф. Прокопович, В. Тредиаковский)	79
<i>Соболева И. А.</i> Аксиологический террор современного дискурса войны	83
<i>Филатова Е. В., Филатов В. А.</i> Сопоставительная характеристика синтагм в романе К. Паустовского «Золотая роза» и рассказе С. Моэма «A friend in need»	91
<i>Ярошенко Н. А.</i> Структура и семантика неониминаций лица в современном русском языке (на материале словаря-справочника Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда»)	98
<i>Лыков И. Б.</i> Макроструктурная дивергенция печатных и онлайн-словарей русского языка архитектурно-строительной тематики	107

Педагогика

<i>Алфимов Д. В.</i> Дополнительное профессиональное образование как фактор творческой самореализации педагога	114
<i>Борисова М. В.</i> Эволюция концепции образования взрослых в канадской педагогической мысли (II половина XX столетия – начало XXI столетия)	118
Правила для авторов	128

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series B. Humanities

№ 1/2017

CONTENTS

Philology

<i>Borisova L.P.</i> "I used to live in this world not in vain!": on the occasion of the 85th anniversary of Evgeny Stepanovich Otin	4
<i>Kalinkin V.M.</i> E. S. Otin - editor of «VULS». Article 1: Formula of success	12
<i>Brisina E.V., Suprun V.I.</i> Dictionary of dialects as reflection of folk culture	22
<i>Kolesov V.V.</i> The "third wave" of cognitive linguistics	29
<i>Mokienko V.M.</i> The onomastical dictionary of E.S. Otin and phraseology in the "Complete phraseological dictionary of Russian folk dialects"	42
<i>Kasyanenko N.E.</i> Functioning of proper names in the novel «Anthropogenic Factor» by V. Zabirko	53
<i>Kiseleva E.V.</i> English language media as a source of nonce anthroponyms	60
<i>Mikhalchenko M.N.</i> Content and meaning of evaluation in the text	67
<i>Pershina K.V.</i> Phytonyms in the formation of proper names (ethnocultural dimension)	72
<i>Senchina L.T.</i> Formation of the elegy genre in Russian literature of the XVIII century (F. Prokopovich, V. Trediakovsky)	79
<i>Soboleva I.A.</i> Axiological terror of Modern war discourse	83
<i>Filatova E.V., Filatov V.A.</i> Comparative characteristics of syntagmas in the novel "The Golden Rose" by K. Paustovsky and the story "A Friend in Need" by S. Maugham	91
<i>Yaroshenko N.A.</i> Structure and semantics of person neonominations in Modern Russian (on the material of the dictionary «New faces in the labor market» by N. V. Isaeva)	98
<i>Lykov I.B.</i> Macrostructural divergence of Russian printed and online dictionaries of architecture and construction	107

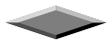
Pedagogy

<i>Alfimov D.V.</i> Additional professional education as a factor of creative self-realization of the teacher	114
<i>Borisova M.V.</i> Evolution of the Adult Education Concept in the Canadian Pedagogy (the Second Half of the XX Century – the Beginning of the XXI Century)	118
Guidelines for authors	128

*К 85-летию со дня рождения
доктора филологических наук, профессора
Евгения Степановича Отина*

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.16

«О, Я НЕДАРОМ В ЭТОМ МИРЕ ЖИЛ...»: К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВИЧА ОТИНА

© 2017. *Л. П. Борисова*

В статье прослеживается жизненный и творческий путь доктора филологических наук, профессора Е. С. Отина (13.04.1932 – 14.01.2015 гг.), заведующего кафедрой общего языкознания и истории языка Донецкого национального университета, широко известного учёного-лингвиста, главы Донецкой ономастической школы. Материал подготовлен в связи с 85-летием со дня рождения человека-легенды, чья судьба навечно вписана в «золотые страницы» истории филологического факультета Донецкого национального университета.

Ключевые слова: Евгений Степанович Отин, память, страницы жизни учёного, история филологического факультета Донецкого национального университета.

Снова долгожданная весна пришла в Донецкие края, над которыми уже два года парит чистая душа замечательного человека, талантливого учёного, нашего друга и Учителя – Евгения Степановича Отина. 13 апреля 2017 года ему исполнилось бы 85 лет, но все весенние цветы, так любимые им, легли в этот день на скромный холмик Щегловского кладбища. На повороте к его могиле из земли торчит снаряд, по какой-то счастливой случайности не разорвавшийся во время жестокого обстрела этих мест украинскими войсками. И невольно вспоминается рассказ Е. С. Отина о таком же неразорвавшемся фашистском снаряде, который попал в их дом в 1943 году и, к счастью, тоже не разорвался. В годы Великой Отечественной войны судьба не раз сберегала жизнь подростку, которому в будущем суждено было стать известным учёным, прославившим своим неутомимым трудом и талантом отечественную лингвистическую науку.

Евгений Степанович Отин родился в Днепропетровске 13 апреля 1932 года. В его семье не было филологов, — отец, Степан Иванович, работал на заводе, а мама, Анна Михайловна, была бухгалтером. Простые скромные люди очень любили единственного сына, но воспитывали его в строгости и уважении к труду. Евгений Степанович часто вспоминал своё босоное детство в дальних районах города и увлечённо рассказывал о довоенном и военном Днепропетровске, о своей неоднократно прерываемой учёбе в разных школах во время войны, а также о пережитой его семьёй фашистской оккупации. Из-за того, что мальчик вместе с родителями некоторое время вынужденно находился на оккупированной территории (ему тогда было 9–10 лет), в дальнейшем он не смог сразу поступить в аспирантуру, куда по окончании университета был рекомендован выпускающей кафедрой. Но Е. С. Отин ни разу не высказал никаких обид по этому поводу и всегда был доволен той судьбой, которая определила направление его трудовой жизни. Он всегда считал себя счастливым человеком. Уже после войны, получив в средней школе № 8 г. Днепропетровска аттестат зрелости, молодой человек поступает на филологический факультет очень престижного в те годы вуза — Днепропетровского государственного университета и с 1949 по 1954 гг. проходит там обучение по специальности «Русский язык и литература». Его любовь к

русской филологии проявилась еще в школьные годы: подросток увлекается русской поэзией и сам пытается писать стихи. Некоторые из них публикуются в местной печати и даже звучат по радио. Этот несомненный талант получает развитие в студенческие годы. В архивных материалах кафедры сохранилась «поэтическая тетрадь» молодого поэта, по содержанию которой можно судить о его пристрастиях и несомненных способностях в области поэтического творчества, сохранившихся до конца его жизни. В студенческие годы пробуждается и другая страсть — склонность к научно-исследовательской работе в области языкознания. Дружба с О. Н. Трубочёвым — будущим академиком и «отцом русской этимологии» — только укрепляет желание еще неопытного студента работать со словом, изучать его природу и историю, развивать новые современные направления в лингвистической науке. В своих воспоминаниях Е. С. Отин с благодарностью говорит о научном руководителе – заведующем кафедрой русского языка Я. А. Спринчаке, талантливом специалисте в области исторического синтаксиса, лексикологии и ономастики. Именно он ввёл первокурсника Евгения Отина в мир большой науки, включил в состав участников студенческого научного кружка и способствовал успешному дебюту молодого человека на этом нелёгком поприще. С тех студенческих лет благодаря постоянному участию в заседаниях лингвистического кружка с обсуждениями актуальных вопросов современной филологической науки установилась и не прекращалась связь двух талантливых учёных — Олега Николаевича Трубочёва и Евгения Степановича Отина. В архиве последнего сохранилась часть их долгой переписки, а некоторые письма были позднее опубликованы в одном из научных сборников уже после ухода из жизни О. Н. Трубочёва в 2002 году. В студенческие годы не прекращались и стихотворные опыты будущего учёного, проявился его интерес к переводческой деятельности, связанный с влиянием на молодое поколение того времени творчества популярных иностранных авторов. Е. Отин принимал активное участие в работе литературно-поэтического кружка, проявляя заметные успехи прежде всего в литературоведческой деятельности. Однако именно в это время он копил в себе силы и знания, чтобы очень скоро раскрыть себя талантливым исследователем русского языка в его синхронном и диахроническом развитии. По окончании университета из-за невозможности поступить в аспирантуру молодой специалист делает правильный выбор, определяющий его гражданскую позицию, и по направлению вуза отправляется в далёкий Казахстан, где в это время энтузиасты и романтики осваивали целинные земли. К этому времени Евгений Степанович был женат. Его избранницей стала однокурсница Нинель Витальевна Максимова – надёжный друг, советчик, любимый и любящий человек. С 1954 по 1956 гг. они работают учителями русского языка и литературы в Мамлютской средней школе им. М. Горького, расположенной в маленьком посёлке Северо-Казахской области Казахской ССР. На фотографиях этого времени видно, что учитель был не на много старше своих учеников, но работал он «по-взрослому», увлечённо, азартно, постигая основы педагогического и профессионального мастерства, которые оченьгодились ему в будущем. И хотя эти годы для Евгения Степановича, как он сам утверждал, были самыми счастливыми, они, без сомнения, стали для него временем серьёзных испытаний мужского характера, проявления ответственности не только за себя, но и за еще совсем молодую жену, девочку, оторванную от теплого родительского дома. Условия жизни были трудными, быт требовал дополнительных усилий для того, чтобы семья могла находиться в тепле, нормально питаться, иметь возможность полноценно работать, поскольку учительский труд был связан с постоянной подготовкой к урокам. Поэтому каждый день приходилось колоть дрова, топить печь,

приносить воду, создавать комфортные условия для организации домашнего быта, ходить на рыбалку, ловить и ощипывать кур для того, чтобы приготовить обед, и многое другое. «Так закалялась сталь», — скажем мы сегодня. И действительно, этот первый жизненный экзамен был сдан молодыми людьми на «отлично». В этих сложных условиях Е. С. Отин продолжает серьёзно заниматься наукой и усердно готовит себя к серьёзным испытаниям: от своей мечты учиться в аспирантуре он не отказывался никогда.

В 1956 году семья возвращается на Украину и переезжает в г. Жданов (ныне Мариуполь) к родителям жены. В этом городе Евгений Степанович продолжает работать учителем русского языка и литературы в сменной школе рабочей молодёжи № 15 и только в 1957 году выдерживает трудные экзамены в заочную аспирантуру Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (МОПИ). Научным руководителем молодого аспиранта был назначен профессор МГУ Сергей Алексеевич Копорский, о котором его благодарный ученик всегда вспоминал с глубоким уважением и признательностью. Предстоящая защита кандидатской диссертации требовала наличия публикаций, но у Евгения Степановича к этому времени была только одна. В 1960 году в поисках новых возможностей опубликовать результаты своего труда он приезжает в Донецк. Здесь и произошла судьбоносная встреча учителя-аспиранта с доцентом Г. И. Рихтером, заведующим кафедрой русского и общего языкознания Сталинского педагогического института. С первой встречи они очень понравились друг другу. Прочитав первую публикацию молодого учёного и оценив его научные способности, Г. И. Рихтер, не задумываясь, пригласил Е. С. Отину на работу в пединститут, и уже 21 сентября 1961 года тот был включён в штат преподавателей филологического факультета в должности ассистента кафедры русского языка. С этого времени началось продвижение молодого преподавателя к научным вершинам, к вершинам славы, почета, признательности и уважения, что достигается только упорным трудом и талантом.

На кафедре русского языка Е. С. Отин работал долгое время и на разных должностях. Здесь он прошёл все ступени преподавательского роста и с октября 1965 года, уже после защиты кандидатской диссертации, был переведён сначала на должность исполняющего обязанности, а с октября 1967 года доцента кафедры. Коллектив, в котором трудился молодой преподаватель, имел давнюю историю, — кафедра русского языка в составе педагогического института была открыта ещё 1937 году. Там работали опытные, уже защитившиеся к тому времени профессионалы своего дела — доценты Л. Н. Саркисова, Г. П. Цыганенко, Э. В. Кузнецова, М. В. Ионина и др.). Большим авторитетом пользовался и заведующий кафедрой — доцент Г. И. Рихтер. Поскольку Е. С. Отин оказался самым молодым среди них, на него в первую очередь возлагались обязанности общественного характера, и он с ними успешно справлялся. Несколько лет назад в газете «Университетские вести» были опубликованы страницы истории профсоюзной организации нашего вуза (автор — доцент исторического факультета Н. П. Троян). В представленном материале мы обнаружили следы активной деятельности Е. С. Отина в этой важной сфере общественной жизни. Его имя несколько раз упоминалось в связи с проведением каких-то значимых мероприятий, заседаний и отчётов об успешно проделанной работе в составе профкома. Он охотно выполнял и другие поручения: был куратором студенческой группы, возглавлял молодёжь филологического факультета в осенних поездках на уборку урожая (постоянная помощь селу входила тогда в план идейно-воспитательной работы), принимал участие в рейдах ДНД (добровольной народной дружины) и занятиях гражданской обороны, — т.е. делал всё, что входило в круг общественных обязанностей преподавателя высшего

учебного заведения. Вспоминая начало своей карьеры в университете, Е. С. Отин рассказывал, какое серьёзное внимание уделялось тогда качественному составу кафедр и как нелегко было «сохранять лицо» в то сложное, «партократическое» время. Научный и творческий потенциал кафедры русского языка был очень высок, и это обязывало молодого преподавателя соответствовать всем требованиям. Определённые трудности возникали из-за того, что Е. С. Отин был беспартийным. Именно по этой причине он попал в сложную ситуацию, из-за которой мог вообще лишиться возможности работать в высшей школе, т. е., как говорили тогда, «получить белый билет». Эту историю Евгений Степанович вспоминал много раз, поэтому в нашей памяти сохранились имена людей, имевших к ней непосредственное отношение. Конфликт возник из-за того, что Е. С. Отин, назначенный тогда заместителем декана по научной работе, посоветовал старшему преподавателю А. П. Билык, закончившей к тому времени аспирантуру в Киевском университете, ускорить работу по защите диссертации. Этот совет, видимо, не очень понравился Александре Прокофьевне, которая была парторгом кафедры, и она пожаловалась в партком института «на притеснение» её как члена КПСС со стороны беспартийного заместителя декана. Разгорелся большой скандал, который старательно «подогревали» недоброжелатели и завистники талантливого, с чувством собственного достоинства молодого преподавателя, который, кстати, никогда не стремился к партийной карьере, хотя она и давала многим значительные преференции. По поводу случившегося было много различных заседаний, к разбору ситуации подключились даже городские и районные партийные власти. Беспартийному преподавателю грозило увольнение. Но на каком-то этапе ситуация изменилась. За Е. С. Отину вступились старые и очень авторитетные коммунисты, среди которых были С. А. Ксенофонтов и Т. Т. Духовный (в истории нашего университета они занимают не последнее место). Не без труда им удалось довести решение партийной комиссии до положительного результата, и Евгений Степанович остался работать на факультете в той же должности и с теми же обязанностями. Вступить в ряды Коммунистической партии Е. С. Отин будет вынужден значительно позже, когда после защиты докторской диссертации его назначат заведующим кафедрой общего и исторического языкознания. Без партбилета он не смог бы сохранить за собой эту должность. С точки зрения наших молодых современников эта история может показаться нелепой и смешной, но она позволяет судить о мужественном преодолении тех искусственно создаваемых трудностей, которые в то время представляли серьёзную угрозу для трудовой и научной карьеры талантливого человека. Кстати, когда в годы развала Советского Союза многие коммунисты демонстративно разрывали свои партийные билеты, отказываясь от прошлого, Евгений Степанович сохранил эту красную книжечку, которую он получил тогда, когда его карьера как ученого, преподавателя, руководителя уже состоялась.

В августе 1967 года Е. С. Отин был рекомендован для поездки на стажировку в Польскую народную республику (г. Краков), где он изучал польский язык и параллельно преподавал русский язык на специальных курсах. Всё это время он продолжал усердно трудиться над своей кандидатской диссертацией. Несомненный талант лингвиста-исследователя был замечен уже по первым его публикациям. Вторая статья «Из истории частиц», которая при поддержке Г. И. Рихтера появилась в Ученых записках Сталинского пединститута в 1961 году, содержала уникальный фактический материал, собранный по редким, ранее никем не использованным источникам. Уровень научной эрудиции молодого исследователя, прочность методологических установок, способность чётко и доказательно аргументировать главные тезисы работы уже тогда

вызывали у специалистов искреннее восхищение. Автору той статьи было только 28 лет, но его наблюдения и сегодня представляют несомненный научный интерес [2, с. 19–24]. Ко времени публикации второй статьи Е. С. Отин уже закончил аспирантуру и готовился к защите кандидатской диссертации по теме «Модальные отношения в конструкциях чужой речи и средства их выражения в русском языке XIII–XVII вв.». Защита состоялась в 1963 году в стенах родного Днепропетровского университета. Ровно через 11 лет Е. С. Отин станет первым доктором филологических наук, выросшим в стенах Донецкого университета. В это время ему исполнилось 42 года. Тема его докторской диссертации «Гидронимы Юго-Восточной Украины» была связана с ономастикой, абсолютно новым в то время направлением лингвистической науки. Успехи в этой области принесли ученому заслуженный авторитет, сделали его имя известным в научном мире. Защита докторской диссертации Е. С. Отина проходила в 1974 году в Киеве, в стенах очень авторитетного тогда Института языкознания АН Украины. Это была первая в стране докторская диссертация по гидронимии, положительно отмеченная многими известными учёными, среди которых следует, прежде всего, назвать академиков Д. С. Лихачева и Н. И. Толстого. Они постоянно наблюдали за успехами молодого учёного, общались с ним на научных конференциях и были в числе тех, кто первыми прислали искренние поздравления с успешной защитой. «Ваш труд, — писал Н. И. Толстой, — заполняет еще одну «пустую» клеточку на стыке славяно-иранском, клеточку важную для определения славянской прародины и взаимоотношения славян с их индоевропейскими соседями. Ваш труд входит в один ряд с трудами Шмилауэра, Безлая, Фасмера, Топорова, Трубачева, польских ономастов». Много положительных отзывов пришло позднее и на монографию «Гідроніми Східної України» (Киев-Донецк, 1977 г.), составленную на материале защищённой докторской диссертации (подробнее об этом см. [1]). Следует напомнить, что уже в середине 70-ых годов прошлого века на Украине при составлении планов издания научной (и другой) литературы первостепенное внимание уделялось работам, написанным на украинском языке. Стремясь ускорить процесс публикации своей первой монографии, Евгений Степанович потратил некоторое время на перевод уже готовой работы на украинский язык. В более-менее короткий срок появился значимый для ономастической науки труд, который академик Д. С. Лихачев назвал «очень полезной книгой» [там же]. В своей дальнейшей научной практике Евгений Степанович всегда свободно переходил с русского языка на украинский, воспринимая и оценивая их как равноправные и равнозначные. Он неплохо владел и другими языками, знал польский и болгарский, свободно читал и переводил тексты, написанные на других славянских языках, знал греческий и латинский, любил старославянский язык. Е. С. Отин и в обыденной жизни, и в науке считал себя интернационалистом (к сожалению, это слово сейчас перешло в пассив и почти не используется). Лингвистическая наука, которую он активно развивал и которой посвятил всю свою жизнь, не имела для него ни национальности, ни партийности. Главной ему всегда представлялась та историческая правда, которая присутствовала в исследуемом им фактическом языковом материале, исключая любые фальсификации и возможные подтасовки. Замечательной чертой характера Е. С. Отина, как точно заметил профессор В. М. Калинин, была его ответственность перед филологией как наукой: «Факты должны были быть убедительными, а теории — произрастать только из хорошо удобренной ими почвы» [2, с. 23].

В 1976 г. Е. С. Отин был избран заведующим кафедрой общего и исторического языкознания, которая в 1987 году была переименована в кафедру общего языкознания

и истории языка. Этим коллективом профессор Е. С. Отин руководил до 14 января 2015 года, однако и после смерти он остаётся в этом статусе. Его имя навсегда вписано в новое название – кафедра общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина.

В 1986 г. профессор Е. С. Отин был избран деканом филологического факультета, хотя до этого дважды отказывался от этой должности, считая, что административная работа – не его призвание. За период с 1986 по 2013 год сферу образования постоянно лихорадило, шли поиски новых путей развития высшей школы. Время было непростое, и оно требовало от руководителя терпения, сдержанности, политической мудрости и профессионализма. Евгений Степанович всегда чётко выражал свою гражданскую позицию, был патриотом Донецкого региона и за эти годы смог стать и мудрым политиком, и тонким дипломатом в решении разных проблемных вопросов, в том числе связанных с поспешной украинизацией Донбасса. Очень сложно этот процесс проходил в сфере высшего образования. Однако декан умел найти общий язык с любой аудиторией и даже с теми неуправляемыми «дядьками» из «Просвіти», которые в далёкие девяностые годы врывались на заседания совета университета или в деканат филологического факультета с требованиями немедленно отказаться от русского языка, признать героев УПА, открыть монумент в память о В. Стусе и т.д. Никогда в истории филологического факультета, который возглавлял Е. С. Отин, рассмотрение подобных вопросов не доводило до острых конфликтов. Все разногласия заканчивались в стенах деканата, потому что сам декан был честным, предельно открытым человеком, смело аргументировал свою, как правило, «трезвую» точку зрения, не любил интриг, пресекал их и никогда не был участником каких-либо «подковёрных игр». За это его искренне любили и уважали.

Под руководством Е. С. Отина филологический факультет постоянно развивался, пополняясь новыми престижными специальностями. Вспоминаются большие трудности, которые возникли при открытии специальности «Журналистика». По требованию (если не сказать – капризу) областной администрации надо было в течение месяца (а это был май) подготовить пакет необходимых документов и утвердить их во всех многочисленных инстанциях, чтобы с 1 сентября осуществить первый набор студентов. В какой-то момент казалось, что это невозможно. Но имя Отина стало тем ключом, который способен был открыть любые двери в официальном Киеве.

Е. С. Отин был очень ответственным администратором. Его рабочий день начинался с 8.00 и заканчивался после 17.00. К нему в любое время можно было попасть на приём, получить консультацию, договориться о сотрудничестве. В деканате при нем никогда не было строго установленных часовых рамок для обеденных перерывов, — двери 333 аудитории в любое время были открыты для студентов и преподавателей. Он был демократичным человеком, с ним было легко общаться и маститым учёным, и студентам-первокурсникам. Наделённый чувством юмора, обладающий выразительной, яркой и грамотной речью, он всегда располагал к себе любого собеседника, и даже самые строгие члены разных комиссий (их количество трудно перечислить) не могли устоять перед его обаянием. Настоящая мужская дружба связывала Евгения Степановича с ректором университета В. П. Шевченко, в прекрасных отношениях он был со всеми его заместителями, особенно с проректорами В. В. Христиановским и А. Б. Ступиным. У него были прекрасные отношения с деканами других факультетов, с руководителями всех вспомогательных служб (бухгалтерии, планового отдела, отдела кадров, АХЧ и т.п.). Евгений Степанович знал по именам и отчествам многих работников нашей замечательной библиотеки, потому что постоянно сотрудничал с ними. В должности декана он никогда не переключивал

самую ответственную работу на других: сам писал все отчёты, готовил доклады и другую важнейшую документацию в рамках своей компетенции и ответственности. Он был в курсе всего, что происходило на факультете, и все направления работы коллектива ненавязчиво контролировал. Имея такого декана, сотрудники филологического факультета всегда чувствовали себя защищёнными и были уверены в его поддержке и помощи.

Труд Е. С. Отина как учёного и работника высшей школы был неоднократно оценён высокими наградами, но он никогда не придавал этому большого значения. Назовём только главные из них: 19 декабря 1992 года он получает Почётное звание «Заслуженный деятель науки и техники Украины»; 27 октября 1993 года избирается членом АН высшей школы Украины; 13 ноября 1997 года становится членом-корреспондентом Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), а со 2 декабря 1999 года действительным членом этой Академии; одним из первых (под № 3) 22 июня 2001 получает Диплом Заслуженного профессора Донецкого национального университета. Среди других высоких наград, полученных в разное время, есть медаль имени А. С. Макаренко «За заслуги в области образования и педагогической науки» (1991 год), медаль имени А. С. Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка в мире» (2010 год), орден «За заслуги» III степени (2013 год).

Сегодня об Е. С. Отине чаще всего говорят как о создателе и главе Донецкой ономастической школы, но его дар учёного всегда ярко проявлялся и в учебной работе. Он был прекрасным лектором, тонким знатоком истории и диалектологии русского и украинского языков, хорошо знал историю русской и украинской литературы. Евгений Степанович разработал рекордное количество оригинальных спецкурсов. Своей учебной работой он был постоянно связан с такими фундаментальными дисциплинами, как «Историческая грамматика русского языка» и «Основы исторической лексикологии и фразеологии». Евгений Степанович мечтал о создании новых циклов лекций, обеспеченных содержательными методическими пособиями и специальными словарями. Он не только постоянно говорил об этом, но активно создавал необходимую для своих учебных курсов базу. В тяжёлое военное лето 2014 года вышли из печати два уникальных словаря – «Словарь русского языка X–XVIII веков» и «Частотный словарь «Жития» протопопа Аввакума», которые дополнили перечень других его словарей, уже хорошо известных и признанных любителями русской словесности. Это словарь жаргонных слов и выражений «Все менты – мои кенты» и «Словарь коннотативных собственных имён».

Евгений Степанович всегда боялся остаться без работы. Заканчивая очередной трудоёмкий процесс, он приступал к реализации другого проекта, — его творческая энергия была неистощимой. Он не умел отдыхать в привычном для нас понимании. В последние мирные годы Евгений Степанович любил летом бывать в Крыму, особенно в Феодосии. Но морю, солнцу, прогулкам по побережью отводилась лишь ничтожная часть утреннего времени, — остальное было заполнено неутомимым трудом над тем, что в это время лежало на его столе. А это, как правило, были сотни карточек, которые вручную классифицировались, расписывались, дополнялись и уточнялись. Евгений Степанович был великим тружеником. Составляя очередную картотеку или пополняя старую, он никогда не пользовался компьютером. В последнее время у него были серьёзные проблемы со зрением (перенёс две операции), и эта техническая работа требовала от него сильного напряжения. Но ничто не могло оторвать его от любимой работы! Главной радостью его существования всегда была Наука, хотя и другими проявлениями активной, разнообразной жизни он умел наслаждаться в полной мере.

Евгений Степанович всегда сторонился разговоров о смерти, не любил развивать эту тему, но, когда редко говорил об этом, хотел бы уйти из жизни на рабочем месте. Так и случилось 14 января 2015 года! Его сердце остановилось в тот момент, когда он уже почти заканчивал вычитывать свою последнюю статью и находился за своим письменным столом. За несколько минут до смерти он ещё общался со своими коллегами по телефону, делая обычные распоряжения по текущим делам кафедры и техническому оформлению своей, к сожалению, уже последней статьи [3, с. 8–9].

Евгений Степанович очень любил русскую поэзию, много знал наизусть. Среди его любимых поэтов был и Николай Заболоцкий, который в стихотворении «Завещание» когда-то написал: «О, я недаром в этом мире жил! И сладко мне стремиться из потёмков, чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой потомок, доделал то, что я не довершил». Первая строчка этого четверостишия легла в название этой статьи. Со светлой грустью ежедневно вспоминаем мы дорогого Друга и Учителя. Время не способно стереть эту память в наших душах и сердцах. Но он оставил после себя то драгоценное научное наследие, которое мы обязаны не только сохранить, но и приумножить. Дело талантливого учёного обязательно будет продолжено его учениками и последователями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евгений Степанович Отин: Биобиблиографический указатель: к 75-летию со дня рождения / Составители: В. М. Калинин, К. В. Першина, Л. П. Борисова. — Донецк : ООО «Юго-Восток, Лтд», 2007. — 142 с.
2. Калинин В. М. Е. С. Отин – подвижник науки и человек / В. М. Калинин // Реквием филологический. Памяти Е. С. Отина. Сб. науч. тр. / ФГИИ «Азбука». — К. : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2015. — С. 16–50.
3. Борисова Л. П. Е. С. Отин – учёный, преподаватель, педагог / Л. П. Борисова // «Актуальные проблемы изучения славянских языков»: Материалы I Международной научной конференции студентов и молодых учёных памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2016 г.) ; отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. — Донецк : ДонНУ, 2016. — Вып. 1. — С. 4–9.
4. Заболоцкий Н. А. Столбцы и поэмы. Стихотворения / Н. А. Заболоцкий. — М. : Худ. литература, 1989. — 352 с.

Поступила в редакцию 15.04.2017 г.

“I USED TO LIVE IN THIS WORLD NOT IN VAIN!”: ON THE OCCASION OF THE 85th ANNIVERSARY OF EVGENY STEPANOVICH OTIN

L.P. Borisova

The article is dedicated to the life and creative path of Doctor of Philology, Professor E. S. Otin (13.04.1932 – 14.01.2015) – Head of Department of General Linguistics and History of Language at Donetsk National University. He was a well-known scholar and head of Donetsk school of onomastics. The material is prepared on the occasion of the 85th anniversary of Professor E.S. Otin, as his fate is forever inscribed in the “golden pages” of the history of Faculty of Philology in Donetsk National University.

Keywords: Evgeny Stepanovich Otin, memory, life path of a scholar, history of Faculty of Philology in Donetsk National University

Борисова Людмила Петровна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры общего языкознания и истории
языка имени Е. С. Отина.
E-mail: donnuborisova@yandex.ru

Borisova Ludmila Petrovna.

Candidate of Philology, Docent
Donetsk National University
Associate Professor of General Linguistics and History
of Language Department named after E. S. Otin.
E-mail: donnuborisova@yandex.ru

УДК 81'373.2

Е. С. ОТИН – РЕДАКТОР ВУЛСа. Статья 1: ФОРМУЛА УСПЕХА

© 2017. *В. М. Калинин*

Представлены размышления о «Востокукраинском лингвистическом сборнике» (ВУЛСе) – издательском проекте Е. С. Отина. В первой статье основное внимание уделено замыслу, в определённой степени отражающему историю формирования Донецкой ономастической школы. Отмечен вклад сборника в развитие и пропаганду ономастических наук. Подробно представлен первый выпуск.

Ключевые слова: ВУЛС, ономастика, Отин Е.С., публикация, редактирование.

О том, как Евгений Степанович Отин редактировал, а занимался он этим постоянно и был не только ответственным редактором нескольких сборников, вестников и журналов, но и работающим (!) членом редакционных коллегий ряда периодических изданий, можно слагать легенды. Часто бывало непонятно, как он умудрялся совмещать дотошную придирчивость и непримиримость ко всякого рода “фальши” с открытой всем и каждому доброжелательностью, с готовностью снова и снова работать с авторами, помогая, доводить иногда сырой материал статей до требуемого высокого уровня научности при публикации. Редакторская работа отнимала у безусловно занятого человека, без малого четыре десятилетия возглавлявшего кафедру и в течение двадцати семи во всех отношениях сложных лет руководившего филологическим факультетом, чрезвычайно много времени, которым он не просто дорожил, а берёг каждую минуту для главного дела своей жизни – ономастической науки. Любой, кто видел Евгения Степановича за работой, знает, что его стол был буквально завален материалами его собственных исследований и чужими рукописями. Работал он... Хотелось сказать, “не поднимая головы”. Но это было бы неправдой. В любое время Евгений Степанович был готов не только решать тьму-тьмущую хозяйственных и административных вопросов, но и встречаться с коллегами, и принимать студентов. Никто и никогда не был обойдён его вниманием. Но как только за посетителем закрывалась дверь, он тут же возвращался к отложенной работе.

Между 1994 и 2014 годами пролегло двадцатилетие, отмеченное на филологическом факультете Донецкого университета выпуском пятнадцати «Востокукраинских лингвистических сборников». Сегодня, увы, пришло время подвести итоги. ВУЛС был детищем Е. С. Отина, которым он очень гордился и работать над которым любил. Сборники были разнообразны по содержанию и представляли достижения донецких (и не только) учёных в различных областях языкознания. Но была в них и примечательная особенность, которой я собираюсь посвятить основное внимание этого сообщения. Дело главного редактора, а тем более, основателя периодического издания, состоит, в первую очередь, в определении генеральной линии развития издательского проекта и только затем разных других вопросов, включая взаимоотношения с авторами. Поскольку я неоднократно обсуждал с Е. С. Отиним различные стороны этой его работы, учился у него, а с 1996 года стал постоянным помощником ответственного редактора ВУЛСа, мне известно многое из касающегося этой его деятельности, о чём он не писал и официальных заявлений не публиковал, но своей линии придерживался.

Первый выпуск ВУЛСа, скромный по объёму (всего 113 страниц), набранный петитом, самым “маленьким” шрифтом, томик в желтоватой бумажной обложке

положил начало “большому проекту”, осуществлявшемуся вплоть до ухода из жизни Е. С. Отина в самом начале 2015 года. В предисловии к книге он написал: “Сборник задуман как первый в серии будущих ежегодных выпусков (разрядка моя. – В.К.), которые позволят своевременно информировать научную общественность Украины и России о результатах исследований, которые проводятся в Донецком университете в области теоретического языкознания, русистики, украинистики и славянской ономастики” [1, с. 3]. Кроме прочего, это было знаменательное событие в жизни филологического факультета, который в условиях всё усиливавшегося давления на русский язык всё-таки “обзавёлся” собственным лингвистическим изданием на русском языке¹

Тогда уже просто зарегистрировать издание с названием на русском языке было проблематично. Но сборник вовсе не задумывался как только русскоязычный. Он был открыт для умных публикаций на любом языке. Должен, попросту обязан, однако, сказать, что “держава” денег на этот проект, теперь можно подытожить, как сразу не предусматривала, так никогда и не выделила. Ну, а природная скромность декана и нежелание слышать “шушукания” по поводу “нерационального использования” скромных бюджетных возможностей факультета довершили дело. С этого началось, и так осталось навсегда: и первый и все последующие выпуски ВУЛСа оплачивались стараниями ответственного редактора из средств спонсоров. Так, финансовую и техническую поддержку первому выпуску оказал Подловский Константин Александрович. Помогали и другие люди, остающиеся (пока) неизвестными, но чаще всего Евгений Степанович оплачивал сборник из личных сбережений. Этим, собственно говоря, объясняется и тот факт, что заданный проектом темп не был выдержан до конца, и за двадцать лет сборник был напечатан всего пятнадцать раз.

Основатель и руководитель Донецкой ономастической школы (в то время, правда, этим понятием ни на кафедре, ни на филфаке не пользовались) сразу же решил, что главное место в сборнике обязательно должны занимать публикации результатов исследований в области ономастических наук. В уже цитировавшемся «Введении» он специально отметил: «Одно из ведущих направлений научной деятельности кафедры (имелась в виду кафедра общего языкознания и истории языка. – В.К.) – изучение топонимии Восточной Украины, а также сопредельных районов бассейна реки Дон и России, составление на этом материале историко-этимологического словаря географических названий юго-восточной Украины и каталога гидронимов Донского бассейна, а также активное участие в работе секции русской ономастики, организованной, согласно академическому проекту “Русская энциклопедия” (председатель проекта – академик РАН О. Н. Трубачёв), при институте “Русская энциклопедия” в Москве. Часть материалов <...> сборника представляет собой “заготовки” словарных статей для многотомной “Русской энциклопедии”, работа над которой уже началась. Такие публикации будут помещаться и в следующих выпусках ВЛС, и редколлегия приглашает учёных России, Украины и других стран СНГ к дальнейшему участию в подготовке подобных пробных статей» [1, с. 3]. Но было ещё и то, о чём Евгений Степанович не сказал, что осталось в подтексте.

Организованная им на заре его собственной ономастической деятельности группа молодых исследователей онимного пространства стала впоследствии называться

¹ Учреждённый в 2006 году на кафедре украинского языка сборник «Лінгвістичні студії» был по большей части синтаксическим, и, в основном, украиноязычным, что отражало научные и иные интересы его главного редактора.

“Донецкой ономастической школой” вовсе не потому, что местом работы или, в недавнем личном прошлом, учёбы большинства из них был Донецкий университет, а потому, что главным вектором научного поиска в ней были топонимия и (факультативно) антропонимия Донетчины, разыскания о происхождении географических названий Донбасса, а в целом, ономастическое и, шире, филологическое краеведение Большого Донбасса. Вручая мне в июле 2014 года свою книгу «Происхождение географических названий Донбасса», Евгений Степанович посетовал: «Это, можно сказать, часть первая, “ДНР”. А хочется ещё и вторую, “ЛНР” издать, а может, и вообще “Большой Донбасс”». Не успел. А подготовительные материалы у него уже были. Во всяком случае, гидронимия была представлена с исчерпывающей полнотой.

Приняв решение об ономастической по преимуществу направленности сборника, Евгений Степанович уже в первом выпуске разместил 12 (из 18 всего) ономастических статей, определив, таким образом, тематическую модель последующих выпусков. Ведущее место в них вплоть до учреждения в 2006 году журнала «Λογος ονομαστικῆ», который тоже возглавил Е. С. Отин, занимала ономастика. С появлением в 2000 году на филологическом факультете универсального сборника «Филологические исследования», в котором Евгений Степанович был членом редколлегии, и в нём стали регулярно публиковаться ономастические статьи. В общем, филологический факультет Донецкого университета в годы работы в нём Е. С. Отина был, по-настоящему, “родным домом” для ономастических исследований.

Однако Е. С. Отин был универсальным учёным-филологом и даже на собственной кафедре всячески поддерживал и одобрял разные направления филологических исследований. Поэтому в первый же выпуск вошли и другие, не ономастические работы. В четырёх разделах сборника “Теория языка”, “Развитие словарного состава русского языка. Лексикография XVIII века”, «Материалы к “Русской энциклопедии” и “Историко-этимологическому словарю топонимов юго-восточной Украины”» и “Поэтическая ономастика” были, во-первых, представлены труды преподавателей кафедры общего языкознания Донецкого университета (девять статей, шесть из которых были посвящены различным аспектам ономастических исследований). В то время на кафедре, из числа опубликовавшихся авторов, занимались теорией языка член редколлегии сборника проф. Н. А. Луценко и учёный-полиглот Е. И. Царенко. Ономастике, преимущественно региональной и литературной, отдавали дань К. В. Першина, А. Ф. Михина, В. И. Рогозина, Л. П. Борисова, Н. Е. Касьяненко. Словообразованием и лексикографией занимались А. Е. Симоненко, Н. Е. Касьяненко, Л. П. Борисова.

Евгений Степанович, задумавший при посредстве этого издания, кроме прочего, обеспечить “своим” пространство для публикации результатов научной работы, приглашал, во-вторых, печататься аспирантов и соискателей своей и других кафедр.

В-третьих, принять участие в первом сборнике ответственный редактор предложил выдающемуся физикогеографу, топонимисту и историку географической науки Э. М. Мурзаеву, вместе с которым Евгений Степанович работал над «Русской энциклопедией». Эдуард Макарович опубликовал в сборнике свои «Материалы к “Русской энциклопедии” (Алтай. Байкал. Каспийское море. Personalia)». Если словарные статьи об известнейших географических названиях России в специальном представлении, как говорится, не нуждаются, то часть публикации под названием “Personalia” нужно “расшифровать”. Э. М. Мурзаев написал о В. А. Жучкевиче, М. Н. Милхееве, А. И. Попове, и Л. Л. Трубе. Сведения эти очень важны, особенно для

историков ономастической науки. Белорусский учёный Вадим Андреевич Жучкевич, автор 330 публикаций, из которых 57 были посвящены топонимике, в том числе, монографические «Происхождение географических названий Белоруссии» (1961), «Общие и региональные закономерности топонимики» (докторская диссертация, 1970), «Топонимика Белоруссии» (1968), «Общая топонимика» (1965, 1968, 1980), «Толковый словарь географических названий Белоруссии» (1974). Матвей Николаевич Мелхеев географ и топонимист. В числе его монографий Э. М. Мурзаев указал «Местные географические термины Сибири» (1958), «Происхождение географических названий Иркутской области» (1964), «Топонимика Бурятии. История, система, происхождение географических названий» (1969), «Географические названия Восточной Сибири. Иркутская и Читинская области» (1969), «Топо-, этно- и антропонимические связи в ономастике» (1974), «Географические названия Енисейской Сибири» (1986). Александр Иванович Попов, разносторонне эрудированный учёный, физик и математик, историк и языковед оставил ряд ономастических исследований, в том числе «Топонимика Белозёрского края» (1947), «Топонимическое изучение Восточной Европы» (1948), «Из истории лексики языков Восточной Европы» (1961), «Географические названия» (1965), «Названия народов СССР» (1973), «Следы времён минувших» (1981). Лев Людвигович Трубе, исследователь марийской и мордовской топонимии, кроме публикации большого числа ономастических статей, осуществил топонимическую экспертизу пятитомного «Географическо-статистического словаря Российской империи» П. П. Семёнова-Тян-Шанского и стал автором книги «Остров Буян. Пушкин и география» (1987) [2, с. 69-72]. Имена этих учёных, их не утратившие ценности книги, должны быть не просто известны ономастам, а обязательно учтены в конкретных исследованиях.

Учёный из Воронежа Г. Ф. Ковалёв, известный, в первую очередь, трудами в области литературной ономастики, но изучающий также и этнонимы, выступил с кратким сообщением «Этнонимия древней Руси», в котором рассказал о структуре славянских этнонимов Древней Руси, известных по «Повести временных лет» и древнерусскому переводу хроники Георгия Амастрола (Мниха), высказал мнение относительно этимологии некоторых этнонимов и о названиях неславян в этих источниках.

Дружба и сотрудничество с одесской ономастической школой отразилась публикацией ещё трёх ономастических статей: «Днепр», написанной “вождём” одесских ономастов Ю. А. Карпенко, «Квазитоном Род», подготовленной его учеником и сподвижником Н. И. Зубовым и «Мифонимы Голубиная книга и трясовицы», представленной А. В. Юдиным.

Ю. А. Карпенко кратко изложил исторические сведения о разных именовании реки *Днепр*, дал подробный историко-этимологический очерк об античном ониме *Борисфен*, и предложил свою версию относительно этимологии функционирующего ныне названия главной реки Украины. Он признал, что это композит, состоящий из двух корней *Дн-* и *-епр*. Первая часть является иранской, точнее, скифской и значит ‘река, вода’, а вторая (при всех неясностях происхождения) – ‘широкая’, возможно ‘глубокая’.

Н. И. Зубов представил свои соображения относительно онима *Род* и существительного, как правило, множественного числа *рожаницы*. Опираясь на скудные материалы апологетов христианства, дошедшие до наших дней, и разыскания академика Б. А. Рыбакова, автор сообщения предложил считать оним *Род* квазимифонимом. Словообразовательная единица *квази-* должна, по его мнению,

указывать на ложность или мнимость отнесения имени существительного *Род* к мифонимам.

А. В. Юдин, собравший сведения о мифониме *Голубиная книга*, представил две версии его происхождения: 1) традиционную, идущую от Веселовского, трактующую оном как искажение прилагательного *глубинная*, т.е. касающаяся тайного, основного знания и 2) принадлежащую А. А. Архипову, полагавшему этот мифоним калькой др.-евр. названия Пятикнижия Моисеева *sēfer tôrâ* “книга Закона”, переосмысленного как *sēfer tôr* “книга голубя”. Словарная статья *Трясовицы* представила версию автора, касающуюся происхождения и функционирования мифонима, переводящегося как “лихорадки”. Представляет интерес попытка отождествления *Трясовицы* с апокрифической Иродиадой.

Подробнее остановлюсь на ономастических публикациях сотрудников кафедры общего языкознания. Сам Е. С. Отин в первом выпуске опубликовал историко-этимологические заметки о гидронимах *Дон* и *Донец*. В них было отмечено, что древнейшие названия реки, известной нам под названием *Дон*, обнаруживают индоиранскую природу. Согласно Плинию Старшему, отмечено в статье, существовали два скифских названия реки: *Tanaïm ipsam Scythæ Sinum vocant* (сам Танаис скифы называют *Sinu-*). Это скифское название через целый ряд сопоставлений с различными упоминаниями древними авторами событий, происходивших вблизи Дона, дало основание Е. С. Отину изложить интересную, хотя и нуждавшуюся, по его мнению, в уточнениях, гипотезу о том, что народно-этимологическое продолжение синдоарийского топонима *Sinu-* связано с атрибутивными названиями *Синья вода*, *Синий Дон* и *Синее море*. Продолжая изложение исторических сведений о названиях Дона, автор статьи отметил, что, у Геродота, т.е. задолго (едва ли не за пять веков) до Плиния, Дон назван *Μαίητις*. “Это географическое имя отразило господствовавшее в античную эпоху представление об Азовском море как об огромном экстуарии Дона, впадающем в Чёрное море через Керченский пролив, т.е. как о “матери Понта”» [3, с. 56]. Античное название Дона *Танаис* было общеизвестным и распространённым в Западной Европе вплоть до конца XVI века. А гидроним *Дон*, встречающийся уже в древнейших памятниках русской письменности, [его происхождение Е. С. Отин, как и все исследователи, соотнёс со скифо-сарматской основой *dān-* (*don-*) – ‘вода’, ‘река’] появился в связи с длительным пребыванием на территории южной России ираноязычных скифо-сарматских племён. О названии *Северский Донец* (самый крупный правый приток Дона) Е. С. Отин собрал обширную информацию, свидетельствующую о том, что в древности Северский Донец и Дон от слияния этих двух речных потоков до гирла именовали *Доном* или *Доном Великим*. И лишь во времена, когда представления о том, что является главной рекой, а что её притоком, изменились, появилась и объективная необходимость переименования. Здесь, как и в случае с именем *Дон*, Е. С. Отин предложил обширный историко-этимологический экскурс в проблему. Отметив, что в восточнославянской гидронимии отсутствуют названия крупных рек с уменьшительным суффиксом *-ец*, автор статьи высказал предположение, согласно которому *Донец* следует рассматривать как производную уменьшительную форму не от современного гидронима *Дон*, а от *Дона* древнерусской эпохи, в среднем и нижнем течении получившего определение *Великий*. А суффикс *-ец* “пришёл”, “спустился вниз” от прежде локально ограниченного одного из “верховских Донцов” (которых, как известно, существует несколько) – *Донца Северского* и вытеснил прежнее название *Дон* и *Дон Великий*. Вообще пересказывать содержание информативно исключительно насыщенных текстов Е. С. Отина дело сложное и

непродуктивное. Поэтому могу добавить только, что эти материалы, естественно, в переработанном и дополненном виде вошли в фундаментальный двухтомный каталог Е. С. Отина «Гидронимия Дона». Их чтение доставляет огромное эстетическое и интеллектуальное наслаждение. А ещё (в связи с заданной названием статьи темой сообщения) добавлю: Е. С. Отин всегда стремился к представлению в печать только образцовых публикаций и его ученики и последователи, имея эти блистательные образцы, старались “не ударить лицом в грязь”, не подвести ответственного редактора, руководителя научной школы и Учителя.

К. В. Першина, одна из первых учениц Е. С. Отина, в первом выпуске ВУЛСа поделилась лингвокраеведческими наблюдениями, опубликовав статью «Из истории ойконимии Донбасса». Нужно сказать, что к этому времени в активе у неё уже было несколько выступлений на конференциях, касающихся именно ойконимии Донбасса. Причём работать с этим материалом исследовательница начала ещё студенткой в составе организованной Е. С. Отиним на филологическом факультете ономастической группы. Из её публикаций, наиболее близких представленной в первом ВУЛСе тематически, назову «Словообразовательные типы топонимов Донбасса»², «О путях формирования ойконимии Донбасса советского периода»³, «Номинация селений в условиях близкородственного двуязычия (ойконимия Донбасса)»⁴, «Особенности функционирования названий селений в Донбассе»⁵, «Динамика ойконимических номинационных моделей и проблемы именованья и переименования селений»⁶, «О номинационных традициях и инновациях в ойконимии Донбасса»⁷, «Отражение этнической истории Донбасса в названиях его селений»⁸. Её работа, как и остальные публикации раздела, представляет собой материалы к “Русской энциклопедии” и к “Историко-этимологическому словарю топонимов юго-восточной Украины”. В связи с началом работы над проектом «Филологическое краеведение Донбасса» надеюсь, что эти материалы займут достойное место и в пока только “замышляемой” «Энциклопедии Донбасса». Отметив, что формирование и развитие ойконимии Донбасса, характеризовалось активными трансформационными процессами и усилением роли апеллятивной лексики как источников номинации, К. В. Першина предложила ряд материалов к словарным статьям: *Белояровка, Ближнее, Весёлая Гора, Восход, Днепроэнергия, Дружба, Дружное, Зоряное, Коминтерново, Комсомольский и Комсомольское, Красногорка, Кременная Балка, Курахово, Мирное, Нижняя Крынка, Прогресс, Русско-Орловка, Ставки, Холодная Балка, Широкая Балка* [4].

² Опубликовано в: Питання словотвору східнослов'янських мов. Матеріали міжвуз.респ.наук.конф-ції. – К.: Наукова думка, 1969. – С.126-127.

³ Опубликовано в: Питання ономастики Південної України. Доклади и сообщения V респуб. міжвуз. конф-ції (Николаев, май. 1974). – К.: Наукова думка, 1974. – С.122-124.

⁴ Опубликовано в: Двуязычие в советском обществе (двуязычие и многоязычие как характерная особенность общественно-политической и культурной жизни советского общества). Тезисы респ. науч. конф-ции. – Винница, 1988.

⁵ Опубликовано в: Осуществление ленинской национальной политики в Донбассе. Тезисы респ. науч. конф-ции. Донецк, 21-24 февраля 1990. Ч.2. – Донецк: ДонГУ, 1990. – С.108-109.

⁶ Опубликовано в: Шестая республиканская ономастическая конференция. Тезисы докл. и сообщений. Ч.2. Описательная и прикладная ономастика. 4-6 декабря 1990 г. – Одесса, 1990. – С.90-92.

⁷ Опубликовано в: Исторические названия – памятники культуры. Тезисы докл. и сообщений на Всесоюзной науч.-практич. конференции 3-5 июня 1991 г.: в трех выпусках. Вып.2. – М.: Совет. фонд культуры, 1991. – С.134.

⁸ Опубликовано в: Первая региональная научно-практическая конференция «Донбасс: прошлое, настоящее и будущее». Тезисы докладов и сообщений. – Донецк, 1992. – С.30-32.

Л. П. Борисова представила материал, посвящённый названиям природных и искусственных водоёмов Донетчины. В нём характер завершённых словарных статей получили *Батманівка, Біле, Берхівське водосховище, Блоха, Бовдурів Яз, Богодухівський, Брусове, Бююк, Валитарам, Вейсове, Водокачка, Ганзівський, Гарбаро, Гирлове, Глинки, Гнилуша, Гольмівський, Городок, Горлівське море, Гуен, Двадцять Перший, Дзеркальний, Дикий, Дніпровський, Довгенька Балка, Донецьке море, Дружба, Жабівка, Желанівський, Забочанське, Завод, Западне, Западний, Запірне, Запретна Вода, Затон, Зорянський, Землянський, Зимовок, Іллічевський, Кабичка, Казан, Колдибані, Копиратор, Капусне, Кириша, Кицине, Кленовий Лист, Комариний, Короленківські, Костиків Брідок, Кьосчохрах, Котлован, Кошове, Краматорське море, Крестьянский, Кукусеве, Куликове, Кутувий, Лебяже, Лиман, Лиманчик, Линькове, Лисенки, Логвині Ставки, Лосівські Ставки, Луганські озера, Лутугинський, Любви, Макортина, Мартинчино, Мартиненкове, Масляківське, Матнівський, Маяцке, Молочарівка, Молочний, Москвине, Мотояма, Мочак* [5].

А. Ф. Михина отчиталась о проделанных исследованиях статьёй «Состав и функции именованной мужских персонажей в народных песнях болгар Украины и Молдавии». Знаток и исследователь болгарской антропонимии на территории юго-восточной Украины, посвятившая захватившей её теме не одно десятилетие, в 2014 году опубликовала в Болгарии итоговую монографию⁹. По мнению автора, народные песни болгар Украины и Молдавии своим онимным материалом отражают антропонимические традиции выбора личного имени, мотивации выбора, семантику личных имён и её влияние на жизненный путь персонажей народных песен. Кроме того, несмотря на длительное проживание вдали от метрополии, болгары в фольклорных песнях в основном сохранили репертуар именника, однако со временем в суффиксах, флексиях, членной форме личных мён стали отражаться формирующиеся диалектные особенности новой антропонимии, развилось параллельное употребление диалектных и литературных форм.

В. И. Рогозина в статье «Антропонимная номинация в романе В. Дружинина “Державы российской посол”» представила литературно-ономастическое направление исследований, которое начал развивать при посредстве своих учеников Е. С. Отин. Исследовательница отметила многообразие антропонимных формул, отражающих реальное состояние именника изображённой в романе эпохи, показала широкое использование различных детерминантов, указывающих на социальное положение, род занятий, черты характера, воинское звание референтов имён. Результатом анализа различных вариантов номинации персонажей (номинационных рядов) стал вывод о том, что именно антропонимная система произведения вместе с детерминантами, сопровождающими именование персонажей, стала главным средством создания речевого колорита эпохи и основой стилизации в романе [6].

В сборник вошла ещё одна ономастическая публикация. Аспирант кафедры С. А. Реммер отчитался о проделанной работе статьёй «Русская хрононимия». В ней было представлено 7 групп имён, обозначающих религиозные, общенародные и государственные праздники, памятные дни, исторические периоды, войны, общественно значимые события (конференции, съезды, встречи, переговоры и т.д.), даты и периоды, отражающие особенности культуры народа или его быта. Исследователь обозначил наиболее типичные способы образования хрононимов –

⁹ Михина А.Ф. Антропонимия болгарской диаспоры Северного Приазовья / Главен редактор: проф., д.ф.н. Е.Отин; отговорен редактор: проф., д-р Кирил Цанков; научен редактор: доц., д-р Н.Ярошенко; научен консултант: доц., д-р М. Ангелова-Атанасова. - Велико Търново : Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2014. – 606 с.

онимизацию апеллятивов и трансонимизацию – и типы хрононимной номинации – назывной, квалификативный, относительный, посессивный и смешанные. Были предложены и обсуждены различные классификации хрононимов: по особенностям референтов, по объёму денотатов, по сфере бытования. Была также предложена структурная классификация хрононимов, дополненная классификацией по составу и первичности образования. Автор уделил внимание и семантике хрононимов, которая строится на осуществлении ими кумулятивно-культурной функции, и случаям ономастического варьирования хрононимов, их стилистической окрашенности. Кратко была отмечена современная тенденция употребления в роли хрононимов онимии других классов (чаще всего – топонимов).

Как уже отмечено выше, ономастическая направленность сборника не стала препятствием для публикации других работ. Статья Е. И. Царенко «О взаимодействии языковых уровней», открывавшая первый раздел «Теория языка» и сборник в целом, получила продолжение и во втором выпуске. Е. С. Отина всегда волновало избыточное, порой чрезмерное, увлечение лингвистов новой терминологией. Вместе с тем он считал, что изучение даже хорошо известных явлений новыми методами неизбежно приводит к обновлению метаязыка. Поэтому он с особым вниманием отнёсся к работе своего сотрудника. Е. И. Царенко статью «О взаимодействии языковых уровней» начал с утверждения, касающегося популярности слова «уровень» в лингвистических исследованиях и неизбежной (в случаях неответственного употребления) терминологической его девальвации. Вместе с тем, как теоретик языковедческих исследований он исходил из необходимости навести порядок во множестве уровневых концепций языка. Поэтому, подвергнув критике обогащение лингвистики новыми терминами, мало что вносящими в понимание механизмов языка, Е. И. Царенко предложил при определении уровней языка двигаться «от языковой единицы к уровню» [7, с.4]. Само по себе это не было новостью. Достаточно обратиться к библиографии работ, проанализированных при подготовке публикации. Но, продолжая анализ, автор рассмотрел возможные типы связей между уровнями языковой системы и во второй части своей публикации (во втором выпуске ВУЛСа, о котором речь впереди) предложил интересную схему межуровневого взаимодействия, снимающую, по его мнению, противоречия других подходов. Поскольку в этой публикации подробный анализ работ, не относящихся к проблемам ономастики, не планировался, могу только порекомендовать специалистам по теории языка обратиться к представленной только что работе Е. И. Царенко. Она, несмотря на два десятилетия, отделяющие её от современного читателя, не устарела.

Широкая эрудиция и глубокое проникновение в анализируемые явления всегда были отличительной чертой работ профессора кафедры общего языкознания Н. А. Луценко, выступившего в двух (1 и 2) выпусках ВУЛСа со статьями, посвящёнными проблемам сравнительной фонетики. В статье «Переход задненёбных в аффрикаты в славянских группах kv, gv» анализировались факты преобразования задненёбных в группах kv, gv перед гласными переднего ряда в восточно- и южнославянских языках в отличие от западнославянских. Исходя из концепции, трактующей необходимость разграничения свойств языка и диалекта, Н. А. Луценко представил картину типологического состояния явлений перехода задненёбных в аффрикаты и показал, что близость по контрасту в пранализированных группах в одной части славянских идиомов¹⁰ была заменена близостью по употреблению. «При этом

¹⁰ Термин «идиом» был использован автором для обозначения понятия, недифференцированно охватывающего «язык» и «диалект».

переход задненёбного в аффрикат происходил одновременно с сужением следующего за ним гласного. Самой общей причиной данного изменения является <...> внутриидиомный сдвиг “диалект – язык”. Из конкретных причин главная – особенности ударения» [8, с.20].

Е. С. Отин как учёный традиционной филологической культуры всячески поощрял развитие на факультете и на кафедре общего языкознания и истории языка, в частности, лексикографическую работу, поскольку считал словари главным отчётным документом лексикологов и ономастов. Статья старшего преподавателя кафедры А. Е. Симоненко «Из истории лексикографии “малых” форм: вводно-терминологические разделы в книгах XVIII в.» была просто очередной (если точно, десятой) в серии его публикаций, посвящённых истории лексикографии. А две из них: “Глоссы в русской книге гражданской печати I-й половины XVIII в.”¹¹ и “Об источниках русских притекстовых терминологических словарей XVIII в. (словари В. Суворова, Д. Аничкова, Н. Курганова и Е. Войтяховского)”¹² были связаны напрямую с затронутой темой. Забегая вперёд, отмечу, что в ВУЛСах А. Е. Симоненко опубликовал несколько работ, вошедших позднее в его монографическое исследование: «Очерки по истории и теории русской терминологии XVIII – I-й пол. XIX вв.» [9].

Лингвоисториографическое осмысление проблем ономографии нашло отражение и в статье Н. Е. Касьяненко «Онимы и отонимные образования в русской лексикографии XVIII в. (объём, состав и способы словарного описания)». Этот первый опыт исторической ономографии молодой исследовательницы, с одной стороны, был определённым образом связан с её топонимическими интересами, а с другой, отразил становившуюся всё более популярной на кафедре линию изучения словарного дела вообще и терминологической, в том числе, за пределами словарей, лексикографии в русской науке XVIII века.

О том, как Е. С. Отин “собирал силы”, отбирал работы в “редакционный портфель” ВУЛСа, как принимал некоторые редакторские решения, речь пойдёт в следующей публикации. В завершение отмечу только одну важную черту его работы: Е. С. Отин как руководитель специализированного учёного совета придерживался правила “зелёной улицы” для аспирантов, заканчивающих или уже завершивших диссертационное исследование и, по естественным причинам, нуждавшихся в наличии публикаций по теме диссертации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. // Сост. Е. С. Отин [научн.ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1994. – 118 с
2. Мурзаев Э. М. Материалы к "Русской энциклопедии" (Алтай. Байкал. Каспийское море. Personalia) // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. // Сост. Е. С. Отин [научн.ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1994. – С.66-73.
3. Отин Е. С. Дон и Донец // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. // Сост. Е. С. Отин [научн.ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1994. – С.55-63.
4. Першина К. В. Из истории ойконимов Донбасса // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. // Сост. Е. С. Отин [научн.ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1994. – С.86-92.
5. Борисова Л. П. Названия природных и искусственных водоёмов Донетчины // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. // Сост. Е. С. Отин [научн.ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1994. – С.79-86.

¹¹ Опубликовано в: “Язык, стиль, культура: Сб. науч. трудов”. – Донецк, 1992. – С. 22-34.

¹² Опубликовано в: “Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации: Сб. научн. статей”. – Донецк, 1993. – С. 54- 72)

6. Рогозина В. И. Антропонимная номинация в романе В. Дружинина "Державы российской посол" // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. // Сост. Е. С. Отин [научн.ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1994. – С. 109-115.
7. Царенко Е. И. О взаимодействии языковых уровней // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. // Сост. Е. С. Отин [научн.ред.] и др. – Донецк: ДонГУ, 1994. – С.4-11.
8. Луценко Н. А. Переход задненёбных в аффрикаты в славянских группах kv, gv // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. // Сост. Е. С. Отин [научн.ред.] и др. – Донецк: ДонГУ, 1994. – С.11-22.
9. Симоненко А. Е. Из истории лексикографии “малых” форм: вводно-терминологические разделы в книгах XVIII в. // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. // Сост. Е. С. Отин [научн.ред.] и др. – Донецк: ДонГУ, 1994. – С.32-43.

Поступила в редакцию 04.05.2017 г.

E. S. OTIN AS EDITOR OF «VULS». Article 1: FORMULA OF SUCCESS

V. M. Kalinkin

Reflections on the «East-Ukrainian linguistic collection» [(Vostochnoukrainsky lingvistichesky sbornik (VULS)], the publishing project of E.S. Otin, are presented. In the first article, the focus is made on the idea, which to a certain extent reflects the history of the formation of the Donetsk onomastic school. The contribution of the collection to the development and propagation of onomastics is emphasised. The first issue is presented in detail.

Keywords: VULS, onomastics, E.S. Otin, publication, editing.

Калинкин Валерий Михайлович
Доктор филологических наук, профессор.
Донецкий национальный медицинский
университет им. М. Горького.
Заведующий кафедрой русского языка.
E-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

Kalinkin Valeriy Mikhailovich
Doctor of Philology, Professor.
Donetsk National Medical University named after
M. Gorky.
Head of Russian Language Department.
E-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

УДК 811.161.1'373.611

ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2017. *Е. В. Брысина, В.И. Супрун*

В статье проанализировано отражение народной культуры в диалектном словаре, рассматривается структура и содержание словарной статьи, делается вывод, что в ней не должны содержаться узкоспециальные сведения, которые не знакомы среднестатистическому носителю говора, непонятны ему, не присутствуют в его обыденном сознании. Лексемы и фраземы, связанные с этнологическими понятиями, характеризующие особенности бытового уклада диалектоносителей, их хозяйство и семейные отношения, обряды, обычаи, промыслы и т.д., могут дефинироваться как филологические, так и с элементами энциклопедического описания. Труды Е.С. Отина способствуют более точному пониманию перспектив развития диалектной (этнолингвистической) лексикографии.

Ключевые слова: Е.С. Отин, лексикография, словарь, лингвокультура, диалектоноситель, дефиниция, речевая культура, картина мира.

Евгений Степанович Отин в своих трудах затронул значительное число актуальных лингвистических проблем, разработка многих из них только сейчас находит продолжение в трудах учёных. Существенный вклад внёс донецкий лингвист в лексикографию, прежде всего ономастическую; его словари коннотативных онимов [12], географических названий Донбасса [14], активное участие в составлении словаря «Русская ономастика и ономастика России» [15] изменили содержание этой лингвистической науки; являются образцом новых подходов к лексикографической деятельности. Практически во всех своих работах Евгений Степанович в той или иной мере затрагивает проблемы лингвокультуры, отражению в языковых единицах культуры народа.

Собственно, диалектологических исследований у Е.С. Отина немного, однако в них проводится тонкий и тщательный анализ лингвокультурного потенциала диалектных единиц. В опубликованной в 1969 г. в журнале «Русская речь» статье учёный исследует возникновение наречия *на-гора* в профессиональной речи шахтеров, связанное с их первичным диалектным окружением [13: 437-439]. На широком культурно-языковом фоне автор рассматривает этимологию и историю слова *харч(и)* и его производных в русском и других славянских языках [10: 71-93]. Современные словари определяют это слово как *народно-разговорное* [2: 1439] и *разговорно-сниженное* [6/3: 750], что свидетельствует о его диалектном происхождении.

Учёный подробно анализирует диалектные слова, возникшие благодаря переходу собственных имён в апеллятивы через стадию коннотонимов; рассматривает причины появления у диалектизмов референтных коннотаций и отконнотонимных производных [9]; анализирует конкретные случаи проникновения в микротопонимию коннотативных топонимов, участвующих в процессах вторичной номинации (*Камчатка, Сахалин, Шанхай* и др.) [10: 219-234]; данные единицы представлены в микротопонимии Волгоградской области, фиксируются в ходе этнолингвистических экспедиций. Большое внимание уделяется Е.С. Отиным гидрографическим терминам в топонимии бассейна Дона, их ареалам, частотности и представленности в различных группах топонимов [13: 7-27]. Особо учёный останавливается в ряде работ на значении и географическом распространении лимнографических апеллятивов *ильмень* и *лиман*, отражении их в русской и украинской топонимиях [10: 395-406]. Значительное внимание донецкий лингвист уделяет топонимам (прежде всего гидронимам) Дона:

этимологизирует названия *Дона*, его притоков *Донец* [13: 213-225], *Хопёр* [13: 183-186]. В качестве примера в одной из статей рассматривается ойконим *Урюпинск* [11]. При работе над диалектным материалом и его лексикографическим описанием волгоградские лингвисты опирались на теоретические взгляды Е.С. Отина и практическое их применение в его трудах.

Словари полидиалектные и монодиалектные, полные и дифференциальные, толковые и этимологические, прямые и обратные, мотивационные, синонимические, антонимические, идеографические и др., в которых фиксируются особенности живого народного языка определённой территории, стали признаком современного состояния диалектной лексикографии. Такие словари не просто сохраняют диалектные слова и выражения, в них представлено прошлое и настоящее носителей языка, они являются памятниками народной духовной и материальной культуры, источником этнокультурной информации, отражают своеобразие жизни, быта, традиций народа в разных регионах, специфику мирозерцания, мировосприятия, аккумулируют такой объём этнокультурной информации, который включает в себя самые разные стороны жизни диалектоносителей, свидетельствуют о богатстве, яркости, выразительности русского языка (см.: [3, 4; 16: 241]). Инвентаризация лексико-фразеологического фонда народного языка, осуществляемая лексикографами, необходима для познания сущности языка, выявления его кумулятивной и когнитивной функций. Материал, зафиксированный словарями, всегда остаётся необходимой эмпирической базой лингвистических построений. В то же время смена исследовательских парадигм, изменение взгляда учёных на характер происходящих языковых перемен определяют новые подходы к диалектной лексикографии, уточняя объект лексикографирования, концепцию словаря, его информативную составляющую.

Стремление к постижению сущности диалекта через языковую личность диалектоносителя в конечном итоге привело к пониманию такого феномена, как диалектная языковая картина мира, которая может быть более или менее полно интерпретирована в рамках диалектного (этнолингвистического) лексико-фразеологического словаря.

Современные диалектные словари аккумулируют такой объём этнокультурной информации, который включает в себя самые разные стороны жизни диалектоносителей. К примеру, Словарь русских донских говоров Волгоградской области содержит интереснейшую информацию, характеризующую особенности *речевой культуры* казачества. С одной стороны, сам тезаурус словаря – показатель яркости, неординарности, выразительности донского казачьего диалекта. Он включает в себя наименования разных видов деятельности (*бить по рукам* ‘договариваться о чём-л., заключать договор’, *балабонить* ‘говорить быстро и невнятно’, *казаковать* ‘нести службу в казачьих полках’, *мазикать* ‘затирать стены смесью песка и глины’ и др.), названия предметов быта, посуды и продуктов питания (*хлуд* ‘палка для ношения тяжестей’, *калган* ‘деревянная миска’, *мазурки* ‘каша из муки, изготовленной из семян дыни’, *калабашка* ‘небольшой хлебец, колобок’, *каныш* ‘ватрушка или слоёная булочка из сдобного теста с начинкой из творога’ и др.), орудий труда (*хадур* ‘коса с короткой ручкой для невысокой травы’, *бархотный подпил* ‘напильник с очень мелкой нарезкой’ и др.), названия одежды, обуви, головных уборов (*харбара* ‘украшение на одежде, бахрома’, *капелюх* ‘тёплая, зимняя шапка’, *файшетка* ‘чёрная кружевная косынка’, *повойник* ‘головной убор замужней казачки’), названия животных, растений, явлений природы (*хмелина* ‘хмель, цветы хмеля’, *фиксель* ‘фикус’, *финовник* ‘озёрное растение с ядовитыми корнями, которыми лечили ревматизм и радикулит’, *хмара* ‘туча’, *маштак* ‘лошадь по третьему году’, *маечка зелёный* ‘майский жук’, *панас*

‘ледяная корка на снегу, наст’, *малык* ‘ручей, образующийся от таяния снега, льда’), названия различных видов строений (*мазанка* ‘небольшой жилой дом, стены которого обмазаны глиной’, *хижка* ‘летняя кухня’, *халабуда* ‘большой шалаш’, *флигель* ‘казачий дом из двух комнат’, *курень* ‘жилой казачий дом, чаще большой, добротный’), наименования самого человека по разным признакам – внешности, опрятности, трудолюбию, чертам и свойствам характера и др. (*галда* ‘болтун, тот, кто надоедает своими разговорами’, *галмат* ‘плохой, ненадёжный человек’, *пасынок* ‘помощник пастуха’) и многое другое (здесь и далее примеры из [17]).

С другой стороны, это такие феномены народно-разговорной культуры, как *плеоназмы* (*мост мостом* ‘густо’, *хвостом хвостить* ‘вести разгульный образ жизни’, *лето летинское* ‘долго, все лето’), многочисленные *сравнения* (*как у собаки хвост* ‘кто-л. непостоянен, ненадёжен’, *как байбак в норе* (сидеть, спать) ‘лениться, ничего не делать, вести праздный образ жизни’, (сбегаться) *как собаки на махан* ‘о чрезмерно любопытных людях, желающих посплетничать, посудачить по поводу какого-л. скандального события’), *олицетворение* (*оброгатиться* ‘раскинуться (о ветвистом дереве, у которого ветви растут в разные стороны’), *гипербола* (*запирать ворота пирогами* ‘жить в полном достатке, ни в чём не испытывать нужды’, *муха крылом пробьёт* ‘о легком, непрочном материале’, *оборкой (шнурком) хлеб резать* ‘бедствовать, голодать’), *метафора* (*хвостец* ‘волосной шнурок на конце кнута’, *золотая волна с-под углов бьёт* ‘о полном достатке, богатстве’, *водяной бугай* ‘выпь болотная’), *алогизмы* (*лови куцего за хвост, а комолого за рога* ‘о заведомо неудачном деле’, *ловить мух ноздрями* ‘ротозейничать’) и др. Всё это вместе взятое в полной мере характеризует богатство и неповторимость народной речевой культуры, глубину и оригинальность коллективного языкового сознания донского казачества, даёт целостное представление об особенностях языковой картины мира диалектоносителей.

В словаре содержится богатая этнографическая информация, позволяющая сформировать глубокое представление о своеобразии быта, культуры, жизни казаков в целом:

КАЙМА'К [кайма'к], -а, -и, чаще ед., м. 1. Густые пенки (сливки), снятые с кипяченого или топленого молока. *Складывали на улицы гарнушку и ставили в неё казан с малаком, падержывали малинький агонь, давадили малако да кипения, памешывали. Кагда малако сварицца, йиво вынимають ф казане из гарнушки и ставят на улицы астужать. Эта и есть каймак* (ст. Пугачёвская.). *Каймак так делают. Ф печку утрам малако ставят, а к вечеру вынимають и на халоднае места ставят ф погрип в лёт и пакрывают саломай аржаной. А на утра из этава халоднава места вынимають иё, вирхушку сымають, вот эта-та вот каймак самый зажаринный. А малако патом куда хочити. Хочити – скисаитъ, хочити – пусть творах или ирян (х. Иловлинский). Смятана таплёная фкуснея с корачкай. Эта и есть каймак. Эта сичас яво каймак называют, а раньше то смятана была (х. Клетско-Почтовый). Блинцы с каймаком фкуснея будутъ (х. Фроловский.). Малако кипятятъ, атстаивають, снимають то, што аказываицца навярху, ставят ф халадильник на время. Эта каймак (ст. Клетская). Малако ф пячи утапливають, выносьють ф халодная места, а патом каймак сымають (х. Качалинский). Зажаривали в русской пячи малако, атстаивали на холади, затем с этава малака снимали пену. Эта пена и есть каймак. Каймак – плёнка ат таплёнава малака. Делали каймак так: ставили малако на медлинный агонь на 3-4 часа, сверху палуцаицца плёнка, ана и называицца каймак (х. Тормосин). □ Спросите у русского человека, любит ли он каймак. В ответ чаще всего недоуменье: «Что это за штука?». Наверное, и вправду донской наш, казачий край – не Россия. Потому что свой народ, коренной ли, завзятый казачура или просто*

в наших краях поживший, тут же заулыбается, замаслятся глазки, а губы сами собой причмокнут: «Каймачок...». И весь тут ответ. <...> Но конечно же за каймаком лучше пойти ли, поехать утром во двор, где держат коров и делают каймаки. На тот же хутор Камыши, он рядом. Надбежишь ко времени, хозяйка улыбается: «Сейчас буду снимать». Именно «снимать», каймаки снимаются. «Каймачный съём» называется. Один съём, два съёма... Вот приносится с холода тяжёлый казан или просторная кастрюля с молоком, и на твоих глазах деревянной лопаткой ли, ложкой снимается вершок – пышный, ноздреватый блин застывших топлёных сливок, огромная пенка в густых подтёках, сочная и душистая. Одним словом, каймак. Благодарю хозяйку, расплачивайся и правься к своему базу утренний чай пить со свежим каймаком. Желательно с горячими пышками. Отламываешь горячей пышки кусок, наверх – холодный каймак, который тут же начинает плавиться, подтекать. Скорее в рот... Пахучая горячая хлебная плоть и холодок тающего на языке душистого каймака. Ешь – не уеешься. Не баловство, не лакомство – лишь каймак. Он в наших краях с детства до старости. Даже на поминках, после горячего хлеба, обязательно подают со взваром щедро намазанные каймаком пышки (Б. Екимов. Память лета). □ На каймаке мама рыбу протомит – прямо с костями летит (Б. Екимов. Осенним днём). □ Там лежали у неё припасённые продукты: кусок сала, два десятка яиц, махотка каймаку (Е. Кулькин. Раздоры). □ Заворачивал в хутора, в погребках ополовинивал черепушки с молоком, махотки с каймаком прихватывал с собой (Е. Кулькин. Смертный грех). □ Подоила коров, напекла пышек с каймаком... (А. Серафимович. Фетисов курень). □ Длинные, наглухо закреплённые полки сплошь завалены и заставлены всякой всячиной: пироги и пирожки; жареное мясо и сало; каймак и молоко... (Н. Сухов. Казачка). □ Уж о молоке и каймаке говорить нечего: этим добром хоть пруд пруди (В. Когитин. Сказки-пересказки). 2. Сметана. Каймак — сметана, сипарируют сичас (х. Зимняцкий).

Практически каждая словарная статья несёт в себе культурологические сведения о предметах быта казаков, характере межличностных отношений, особенностях ведения хозяйства, о занятиях и интересах, об отношении к природе, освоении разных видов деятельности и т.д. Языковое сознание выделяет и номинирует всё то, что представляет значимость в повседневной жизни, что ценно как традиция, культурное наследие прошлого.

Языковая картина мира диалектоносителей, отраженная в диалектном словаре, является результатом непрерывного процесса «воссоздания мира посредством слова», идущего в конкретном языковом сообществе; в конкретном виде она предстает как система систем, включающая лексические средства языка (результаты уникальной концептуализации мира силами данного языкового сообщества), фразеологические средства (отражающие этническую логику и фантазию, присущие членам данного сообщества), синтагматические возможности (словообразовательные ресурсы языка как потенциал его дальнейшего развития и расширения; синтаксические модели как закрепленный в сознании носителей языка каталог жизненных ситуаций) [7: 12]. Когнитивную сущность данного понятия составляет результат обобщенного отражения мира в коллективном сознании определенного этноязыкового сообщества.

Диалектная речь воссоздает специфический образ окружающего, своеобразную интерпретацию носителями диалекта постигаемого мира. Так как лексика и фразеология любого языка являются основной областью категоризации действительности, то следует признать, что прежде всего в значениях слов и фразеологических единиц и следует искать особенности языковой картины мира диалектоносителей. Именно это и позволяет рассматривать диалектный словарь как

целостный этнокультурный текст со специфическими законами построения и особым характером отношений между элементами.

Отражение в сознании носителей языка «одухотворенной» действительности и наименование её при помощи тех или иных языковых единиц – процесс творческий, преобразующий. «Языковое обозначение исходит не просто из отражения действительности в человеческом сознании или мышлении, <...> но из чего-то гораздо более сложного и важного, чем отражение, а именно из акта вмешательства в действительность, из акта выбора из нее того, что нужно человеку для общения с другим человеком» [8: 13]. В ходе освоения человеком окружающего мира происходит «трансформация элементов когнитивного сознания в языковые пресуппозиции, которые, подвергаясь речемыслительным и модально-оценочным преобразованиям, перерастают в культурно-прагматические компоненты языковой семантики, отражающие соответствующие фрагменты национально-языковой картины мира» [1: 8].

Диалектная речь воссоздает специфический образ окружающего, своеобразную интерпретацию носителями диалекта постигаемого мира. Так как лексика и фразеология любого языка являются основной областью категоризации действительности, то следует признать, что прежде всего в значениях слов и фразеологических единиц и следует искать особенности языковой картины мира диалектоносителей.

Лексическое (фразеологическое) значение реально существует только в сознании говорящего, неизбежно включая в себя индивидуальное и коллективное. При этом значение слова или выражения (не столько реальность, сколько конструкт), по словам А. Вежбицкой, должно опираться на наиболее устойчивые, общепринятые всем говорящим коллективом признаки, на то, что люди имеют в голове, когда употребляют данное слово, хотя контекст, ситуация, знания и установки могут значительно корректировать инвариантное содержание [5: 321]. Словарные дефиниции, безусловно, должны ориентироваться на эту инвариантность.

Понятие инвариантности дефиниций в диалектном словаре тесно связано с вопросом о степени их научности и характере подачи диалектного материала. Что должно отражаться в дефиниции – веками накопленный опыт, сформировавший языковую картину мира, опирающуюся на донаучные, наивные, знания, или научная картина мира, результаты научного познания, которые известны далеко не всем носителям говора? Эти вопросы поднимаются многими исследователями (А. Богуславский, А. Вежбицкая, А. Гудавичус и др.), но не нашли пока ещё однозначного решения.

Данная проблема касается в первую очередь формы представления в областном словаре бытовых терминов и специальных наименований. В словарных дефинициях должно отражаться то, что хранится в сознании среднего говорящего, что присутствует в нем как наивное знание, которое он приобрел в итоге ценностной деятельности – что он определил как полезное или вредное, опасное или благоприятное, нужное или бесполезное и т.д. в его повседневной жизни. Именно эти понятия и представления и составляют основу языковой картины мира диалектоносителей. В таком случае словарные дефиниции диалектных бытовых терминов (наименования растений, животных, орудий труда, предметов производства и др.) должны исключать указание на таксономические группы (семьи, отряды, виды и под.), их латинские наименования, узкоспециальные сведения, которые не знакомы среднестатистическому носителю говора, непонятны ему, не присутствуют в его обыденном сознании:

Остря'к [астря'к], -и, -и, м. Острец (сорная степная жесткая несъедобная трава).
Да яво, астряка, и каса-та ни бирётъ (Зем.).

Сбо'рник [збо'рник], -а, -и, м. Женский головной убор, присборенный сзади. Б-баб.

Рассматривая проблему отражения в областном словаре языковой картины мира носителей диалекта, мы должны также чётко разграничивать филологическое и энциклопедическое толкование диалектных слов. Чаще всего в диалектных словарях даётся филологическое толкование (**Ободво'рина** [абадво'рина], -ы, -ы, ж. Ближнее поле. Остр.), но иногда его бывает недостаточно для адекватного понимания слов. Обычно это касается слов и выражений, связанных с этнографическими понятиями – характеризующими особенности бытового уклада диалектоносителей, их хозяйство и семейные отношения, обряды, обычаи, промыслы и т.д., поэтому использование здесь элементов энциклопедического описания вполне оправдано: **Пай** [пай], -я, -и, м. Участок земли, луга, леса, выделяемый из общего фонда на каждого мужского члена семьи; земельный и луговой надел. *Кристьянский пай* (Мхл.).

Нередко энциклопедические сведения, помогающие полнее, точнее раскрыть семантику диалектного слова, содержит в себе иллюстративный материал:

Сапе'тка [сапе'тка], -и, -и, ж. Круглая корзина из прутьев. *Ф сапетки хранят оващи* (Торм.). *Сапетка – эта карзина для фруктаф, жьылудей* (Зем.). *Сапетки пляли для рыбакоф* (Стж.). *Сапетка рядом с яслями ляжыть* (Н.Ябл.). *Пляли сапетки бальшыи, а карзины – угольчатыйи* (Зимн.). *Атец принёс ф сапетки сена* (Прлз.). *С сапеткай можна на рынак итти* (Клет.). *Сапетки, бувала, пляли – хоть салому таскать, хоть сену* (Ман.). *Салому таскають сапетками* (Ман.). *Сапетки для лука, памидор* (Прлз.). *Сапетки пляли – кашолки такийи* (Клет.). *Сапетки пляли круглыи* (Клм.). Ел., Крсн., Ктв., Нех., Остр., Прк. □ *И отправился пятнадцатилетний Иван в станицу Усть-Бузулукскую обучаться новому для себя ремеслу – плести корзины, сапетки по-казачьему* (Н. Степыгин. Корзинки от деда Ивана // ВП 28.08.1998, с. 4). □ *Стешиа как-то под пасху носила ему кусок сала и сапетку яйц* (Е. Кулькин. Смертный грех). // *Корзина с крышкой для рыбной ловли. Плили их и хадили на рыбалку, были с крышычкай, штобы рыба ни высигивала* (Ал.). *Сапетки пляли для рыбнай ловли: удачкай ловиш и кладёш* (Стж.). // *Металлическая ёмкость для пойманной рыбы. Ф сапетку складають пойманную рыбу* (Нех.).

При всех сложностях, связанных с оформлением словарных статей и размещением в них культурно маркированной информации, диалектные словари являются уникальной формой хранения и передачи сведений об особенностях мировосприятия народа, его мироощущении, многоаспектно отражая языковую картину мира диалектоносителей, их многовековой языковой опыт. Труды Е.С. Отина способствуют более точному пониманию перспектив развития диалектной (этнолингвистической) лексикографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурсивно-концептуальное описание русской фразеологии как этнокультурного феномена / Н.Ф. Алефиренко // Русский язык на рубеже тысячелетий: Матер. докладов и сообщений Всеросс. конф. в 3-х томах. Том 1: Актуальные проблемы лингвистической теории и практики преподавания русского языка и культуры речи. – СПб., 2001.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
3. Брысина Е.В. Диалектный словарь как форма отражения языковой картины мира диалектоносителей / Е.В. Брысина // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Вып. 27. – Воронеж, 2004. С. 104-109.
4. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества: Монография / Е.В. Брысина. – Волгоград: Перемена, 2003. – 293 с.
5. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М., 1997.

6. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. / Т.Ф. Ефремова. – М.: АСТ; Астрель, 2006.
7. Закуткина Н.А. Феномен диалектной картины мира в немецкой философии языка XX века: Дисс. <...> канд. филол. наук / Н.А. Закуткина. – М., 2001.
8. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию / А.Ф. Лосев. – М., 1983.
9. Отин Е.С., Борисова Л.П. Из этимологий диалектных слов, возникших благодаря деонимизации / Е.С. Отин, Л.П. Борисова // Русская диалектная этимология: Тез. докл. межвуз. науч. конф. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. – С. 27-29.
10. Отин Е.С. Избранные работы / Е.С. Отин. – Донецк, 1997.
11. Отин Е.С. Коннотативные топонимы с созначениями 'далекая окраина', 'провинциальное захолустье' и их производные в русском языке (фрагменты коннотационного словаря русских онимов) / Е.С. Отин // Слово и мысль: Вестник Донецкого отделения Петровской академии наук и искусств. – Вып. 1. – Донецк, 1999. – С. 98-105.
12. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2004. – 412 с.
13. Отин Е.С. Труды по языкознанию. – Донецк, 2005.
14. Отин Е.С. Происхождение географических названий Донбасса / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 199 с.
15. Русская ономастика и ономастика России: Словарь / Под ред. акад. РАН О.Н. Трубачёва. – М., 1994.
16. Рут М.Э. Этнографические материалы в диалектном словаре: проблемы подачи / М.Э. Рут // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). – М.: Наука, 2002. – С. 241-251.
17. Словарь донских говоров Волгоградской области / Сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун / Под ред. Р. И. Кудряшовой. – Волгоград: Издатель, 2011. – 704 с.

Поступила в редакцию 12.04.2017 г.

DICTIONARY OF DIALECTS AS REFLECTION OF FOLK CULTURE

E. V. Brisina, V. I. Suprun

The article analyses the reflection of folk culture in a dictionary of dialects. It considers structure and content of a dictionary entry. The conclusion is made that it should not contain highly specialized incomprehensible information, which is not familiar to an average native speaker. Lexemes and idioms related to ethnological concepts of everyday life style of dialect speakers, their household and family relationships, rituals, customs, crafts, etc., can be defined as linguistic and encyclopedic elements of the description. The research work of E. S. Otin helps to see the prospects of modern dialectal lexicography.

Keywords: E. S. Otin, lexicography, dictionary, linguistic culture, dialect speaker, definition, speech culture, world view.

Брысина Евгения Валентиновна,
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный социально-
педагогический университет,
заведующая кафедрой русского языка и методики
его преподавания,
декан факультета филологического образования,
e-mail: filolog@vspsu.ru

Brisina Evgenia Valentinovna,
Doctor of Philology, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Head of Department of Russian language and its
teaching methods,
Dean of Philological Education Faculty
e-mail: filolog@vspsu.ru

Супрун Василий Иванович,
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный социально-
педагогический университет,
профессор кафедры русского языка и методики его
преподавания,
e-mail: suprun@vspsu.ru

Suprun Vasilii Ivanovich,
Doctor of Philology, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Professor of Department of Russian language and its
teaching methods,
e-mail: suprun@vspsu.ru

УДК 81'374.3=161.1

"ТРЕТЬЯ ВОЛНА" КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

© 2017. В. В. Колесов

В статье описаны этапы и линии развития теоретической лингвистики в трёх проекциях: традиционной формальной, современной американской и современной русской, у последней — в трёх направлениях: контенсивная, когнитивная и концептуальная лингвистики. Показаны переходы от одного типа к другому и парадигматическая завершенность всех указанных программ, поскольку каузальный ряд последовательных преобразований (*условие – причина – цель*) закончен, и проблема нуждается в создании новой парадигмы.

Ключевые слова: формальная лингвистика, ментальная лингвистика, контенсивная, когнитивная, концептуальная грамматики, семантическая константа, каузальный ряд.

Я собираюсь говорить о том, что, в общем, хорошо известно, хотя и не отстоялось в сознании многих, и что находится в постоянном обсуждении как спорный предмет научного знания. Я хочу рассмотреть вопрос, является ли современное языкознание продолжением традиционного или же составляет своего рода «революцию» в познании, как некоторые опрометчиво утверждают. Мой ответ таков: перед нами хороший пример последовательного познания «тайн языка» в бесконечно развертывающейся системе переходов от простого (внешнего) к сложному (сущностно глубинному) специально в области знания языка. Логическая последовательность в смене лингвистических форм дана как приближение к *пониманию* сущности живого языка в его антропологическом измерении.

Для начала сопоставим основные различия, существующие между формальным и ментальным языкознанием в их крайних, инвариантных, различиях, без указания переходов и оттенков, представленных в трудах отдельных ученых (чтобы не множить цитат, здесь и ниже представлены *собирательные* различия, извлеченные из обширной литературы по когнитивной и формальной лингвистике).

Формальная лингвистика	Когнитивная лингвистика
<p>перспектива от слушающего, от речи к языку, от вещного слова к идее, «восходим» к категориям, семасиологический подход, синтагматика в центре, мысль и язык разведены в сознании, стратегия «форма осмысляется», структурализм отношений, номинализм в широком смысле, аналитический подход к языку, формальная парадигма к слову, в центре — толкование смысла, причина как основание, структура знаков, система форм, тропы как сопутствующее средство, историческая проекция</p>	<p>перспектива от говорящего, от языка к речи, от идеи к слову как результату, «исходим» из категорий, ономасиологический подход, парадигматика важнее, мысль и язык совмещены в сознании, стратегия «смысл оформляется», функционализм отношений, неореализм в широком смысле, синтетический подход к языку, семантическая парадигма к смыслу, в центре — осознание смысла, основание как причинность, структура смыслов, система значений, тропы как содержательные составы, философски реальная проекция</p>

Комментария требуют несколько пунктов.

Соотношение слова (знака) и идеи дается по составам семантического треугольника; представление о категории вытекает из этого же. Соотношение «синтагматика – парадигматика» условно, поскольку и когнитивная (ментальная) лингвистика также опирается на синтаксис (см. ниже); речевая деятельность Л. В. Щербы и речевой акт западных когнитологов предполагают особую роль синтаксиса. Категория Причина выступает в формальной лингвистике как связывающая все языковые отношения, как *основание* знания; в когнитивной лингвистике каузальность представлена шире, и причина в данном случае предстает всего лишь частью каузального ряда, состоящего из *основания* как первоисточника («все в мире имеет свое основание» — Лейбниц) и связанных с ним составов Причинности, а именно условия, причины и цели. Форме формальной лингвистики противопоставлено значение как основополагающий принцип когнитивной лингвистики, для которой важна не форма, а смысл, пополняющий сумму знания. Тропы в когнитивистике выступают в качестве системообразующих моментов развития смысла, ср. «концептуальную метафору» западных когнитивистов и вообще расцвет исследований в области метафористики. Наконец, исторический подход к изучению языка сменился философским осмыслением языка, который предстает теперь как аккумуляция новых знаний, готовящих смену научной парадигмы.

Формальная лингвистика в научном плане развивалась два столетия и прошла следующие моменты развития:

1. *Сравнительно-исторический* метод XIX века сменил чисто описательный подход школьной грамматики; это стало *условием* научного исследования языка с основным заданием: «*как произошел сам язык*».
2. *Структурный метод* начала XX века стал *причиной* развития научного знания о языке, он поставил проблему о том, «*как устроен сам язык*».
3. *Функциональный метод* развил достижения структурализма ради достижения конечной *цели* исследования – уяснить, «*как работает этот язык*».

Тем самым формальная лингвистика исчерпала все, стоявшие перед нею, задачи. Все четыре, в принципе возможные в действии, каузальные, вытекающие друг из друга, причины Аристотеля, включая исходную, *основание*, а именно *предмет* изучения, язык, — были исполнены. Логика развития продолжала наталкивать мысль на новый поворот в познании. Новый поворот всегда лежит в недрах прежнего состояния, так случилось и теперь. Именно, момент *функциональной* грамматики стал *точкой перехода* к когнитивной лингвистике нового типа. *То, что действует — уже есть*, немецкий философ Николай Гартман выразил эту мысль ярче: «если экзистенция (существование) есть, есть и эссенция (сущность), и если есть эссенция — есть и экзистенция». В результате, совпадение и взаимозамена *существования* и *сущности* в их развитии «*направлены сдвигающимися тождествами*», а потому рано или поздно становятся *одним и тем же*. Иными словами, если нечто *существует*, значит, присутствует и его *сущность*. Это прямое следование требованиям философского реализма: *каждому явлению соответствует его сущность*. В нашем случае: если существует форма – существует и соответствующее ей содержание (сущность). Какая же сущность соответствует формам языка?

Язык действует в *речи субъекта*. Встает задача определить смысл действий субъекта, и лучше всего это сделать с точки зрения самого субъекта. Перспектива исследования меняется: прежняя *обратная*, от языка к исследователю, сменилась новой, *прямой* – от исследователя к языку. Антропоцентричность позиции достигает

крайних пределов и теперь не скрывается под маской прагматического «объективизма». Нам необходимо проникнуть в сущность языка.

Осуществить эту задачу можно последовательным рядом приближений.

А. В. Кравченко в своем исследовании [1] показал, каким образом в западном языкознании (на примере американского) изучение языка проходило путь «от языкового мифа к биологической реальности» — от символического уподобления к чисто биологической функции организма.

Всё завершённое в конечном счете проходит три этапа развития (автор называет их «волнами»); то же имеет место и здесь. Изложу эти этапы в виде сопоставительной схемы, пока описывая их типологически, опять-таки без имён (общее представление признаков различения окончательно не выверено, возможны дополнения и поправки).

Этап 1	Этап 2	Этап 3
объективизм подхода внешний дуализм аналитический подход описывает номинализм вещи язык внетелесен компьютерная парадигма врожденные идеи образ замена в треугольнике синтактика отражает мир язык, <i>параллельный</i> миру познание как цель	субъективизм подхода внутренний дуализм аналитический подход истолковывает концептуализм символа язык телесен культурная парадигма интуиция символ перемена в квадрате семантика выражает мир <i>приспосабливает</i> мир знание как цель	«третий путь» монизм (холизм) синтетический подход объясняет реализм идеи язык биологичен органическая парадигма инстинкт концепт как концептум изменение в круге прагматика система в своей среде язык <i>преобразуется</i> рефлексия как цель

Объективизм предполагает понимание языка вне субъекта, по-сосюровски «в себе и для себя». Субъективизм утверждает тесную связь языка («язык телесен») с субъектом, он существует в субъекте речи. «Третий путь» допускает среднюю линию связей: язык представлен в субъекте, но одновременно он отражает объективную «среду». Под *внешним дуализмом* имеется в виду позиция, при которой язык и мышление резко противопоставлены, под *внутренним* — что язык есть одновременно часть когниции (познания) и часть мира. Монизм (признание одного начала) предполагает их слитность в их *целом* (холизм). Предполагается также различие в философском подходе к предмету через формы языка: первая «волна» номиналистична (понятия обозначают лишь конкретные предметы), вторая действует в рамках концептуализма (признает и существование общих понятий независимо от конкретных предметов), третья — (нео)реализм (признает объективное существование общих понятия – универсалий). Общим термином *концептум* здесь обозначено «зерно первосмысла», «толчок», задающий движение составам концепта. Под треугольником имеется в виду семантический треугольник, соединяющий вещь, идею и знак синергичной (взаимно действующей) связью; здесь возможна только *замена* одного состава другим. Под квадратом имеется в виду концептуальный квадрат с его содержательными формами (образ, символ, понятие и первосмысл концептума), которые могут только *меняться* местами, оставаясь теми же самыми. Под кругом имеется в виду психологический круг («круг Айзенка»), постоянные повороты

которого рисуют спираль с пополнением нового знания при каждом новом повороте. Остальные позиции ясны из определений.

Сопоставление позиций показывает, что движение исследовательской мысли от первой «волны» к третьей представляло собой сужение точки обзора от онтологически реального до гносеологически идеального, с переходом от обратной перспективы («от вещи») к прямой («от субъекта»). Одновременно с тем: от разбросанности *предмета* к содержательным формам *объекта* (от событий к фактам), от отражения мира в образах к его объяснению в концептах, от приспособления языка к его *преобразованию* в своей среде, и т.д., в конечном счете, к последовательному развитию сознания на «крыльях» языка, неустанно развивавшего рефлексивные возможности человека. Самое главное и принципиальное достижение третьей волны – в установлении механизма «толчка» в развитии мыслительного акта, определение того *организма* (а не механизма!), который запускает последовательную цепь семантических движений. По мнению авторов, это нейронные цепи мозга в составе ДНК человеческого организма. Таков крайний взгляд на «сущность», представленную в органическом виде. Это не окончательный результат, а только первое к нему приближение; моя идея *концептума* как «первосмысла=первообраза» также требует доработки [2], но, в отличие от нейронной теории, *концептум* все же более идеальная единица сознания, что позволяет сохранить ее в рамках философского реализма, тогда как отсылка к нейронам возвращает нас в сферу номинализма.

Необходимо помнить, что все три этапа («три волны») касаются действий современной *когнитивной* лингвистики и охватывают последние полвека. Стремительность развития когнитивистики поражает воображение, если только упустить из внимания, что перед нами не последовательное развитие «волнами», а типологическая схема, совместившая результаты работы *различных* научных школ и направлений американской лингвистики, действовавших *одновременно*. Н. Хомский, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, У. Матурана современники.

Каким образом указанные результаты можно соотнести с работой отечественных языковедов? Это тем более важно, что постоянное «равнение» на *передовую* науку Запада весьма характерно для многих наших лингвистов, прошедших научные школы германистики и романистики. Тут ответ неоднозначен. Творческие потенции наших ученых также достаточно продуктивны, с тем только отличием, что они в своих результатах менее формальны и вполне реалистичны (в философском смысле). Отличие лишь в том, что западные ученые постоянно рефлексируют, четко отражая последовательные этапы своего развития (ср. [3]), а отечественные, в силу присущей русской ментальности неорганизованности понятийного мышления (в пользу образно-символического), представляют собою несобранную массу работ, впрочем, иногда даже превышающих по качеству зарубежные. Русской ментальности свойственно избегать конечных результатов в виде «сумм» и компендиумов, поскольку всегда признается *открытость* науки для дальнейших пополнений: наука развивается.

На все три «волны» западной лингвистики в области когнитивистики легко накладываются результаты отечественной науки – один к одному в виде *контенсивной*, *когнитивной* и *концептуальной* лингвистик, действующих и в настоящее время. Опять-таки, без уточнения деталей и без привлечения имен укажу различия между ними – на фоне западных «трех волн» когнитивистики. Но сначала опишем различия между этими тремя «волнами» отечественной когнитивистики.

Последовательное развертывание исследовательских методов с переходом от конкретного к абстрактному, а затем снова к конкретному проходит два пути:

компаративистика > *структурализм (семиотика)* > *функционализм* >
 X X X
концептология < *когнитивистика* < *контенсивная* <

Первая линия дана в обратной перспективе от предмета описания, вторая – в прямой перспективе от субъекта, что также понятно, поскольку исследуется механизм его познавательного процесса с целью получения знания. Знак X указывает на исходную связь с типами формальной лингвистики. Таким образом, исследование возвращается в точку своего начала, но обогащенного представлением о *единстве* формы и содержания.

Хронологические рамки развития того или иного из русских направлений когнитивистики можно установить только приблизительно.

Самым ранним является органически «русский» подход к проблеме, основанный на *реализме, концептологический*. Условно это можно датировать 1928 годом, когда была опубликована статья С. А. Аскольдова о *концепте* [4]. Приближение к этому следует возвести к 1909 г., когда была напечатана диссертация Аскольдова, в которой прослеживаются некоторые мотивы классической публикации 1928 г., а также сопутствующие этому публикации автора. Затем наступила тишина, объясняемая внелингвистическими причинами, пока в 1993 г. Д. С. Лихачев, вспоминая своих учителей, в академическом журнале не напомнил о работе С. А. Аскольдова и ввёл новый термин *концептосфера* [5]. Это стало сигналом для сосредоточения многочисленных и разрозненных работ многих университетских ученых, до того работавших в данном направлении, главным образом в области *семантики*, но пока еще без своего «флага». Оформилась *концептология*.

Датой рождения *контенсивной* лингвистики следует признать 1945 г., когда вышла основная книга И. И. Мещанинова [6], подводившая итоги изучения «грамматических категорий», но и это направление на время замерло, опять-таки по причине политических дискуссий. Работа продолжалась в рамках *функциональной* лингвистики и оживилась в связи с выходом в свет книги А. В. Бондарко «Грамматическая категория и контекст» [7] и С. Д. Кацнельсона «Типология языка и речевое мышление» [8], а также последовавших затем других их работ и создания Ленинградской академической группы по работе в этом направлении. В основном составе участников здесь представлены германисты, отсюда общая тяга к *номиналистической* позиции в исследованиях.

Условной датой появления *когнитивной* лингвистики можно признать выход в свет небольшой книжки Ю. С. Степанова «Семиотика» [9], но серьезные работы в этом направлении начались в Московской академической группе под руководством Н. Д. Арутюновой после 1986 г. В 1988 г. вышла первая тетрадь коллективных трудов «Логический анализ языка», которая дала толчок дальнейшим исследованиям и в данном направлении. В этой группе много романистов, почему и намечается склонность к концептуализму как типичной форме сознания у романских народов.

Все три направления когнитивистики развивались исподволь и имеют свои исследовательские корни. Контенсивная лингвистика развивалась из функциональной на структурном фундаменте. Когнитивная восходит к старым культурологическим исследованиям, захватывая проблемы ментальности и культуры (лингвокультурология). Концептуальная связана с семантическими исследованиями XX века, а, кроме того, также соотносится с ментальными исследованиями начала этого века. Работы XIX века, например, труды А. А. Потебни, по результатам соотносятся со всеми тремя «волнами» на принципах исходного синкретизма.

Итак, первой научной по времени была *контенсивная* лингвистика (от content ‘содержательный’), которая предвосхитила свое время и не была понята; более того, она была безжалостно дискредитирована научными противниками. Контенсивная лингвистика образовалась первоначально в виде функциональной лингвистики; А. В. Бондарко именно так и называет свои работы.

Основная задача этой лингвистики состояла в изучении *процесса формирования значений* в определенном контексте («*смысл* оформляется»). По понятиям этой лингвистики, *функция* — это действие, а *значение* — *содержание* знаков. Значений нет в готовом виде, их формирует субъект; в этом утверждении замечается первое «уклонение» в когнитивистику. В центре исследования находятся *семантические категории*, они же логические *универсалии* (первоначально поименованные как «понятийные категории»). Поскольку все это происходит в определенной *среде*, возникает философское двоение: грамматические категории предстают как проявления *системы* (например, вид, время, залог и т.п.) и образуют *ядро* семантического *поля* этой среды (соответственно аспектуальность, темпоральность, залоговость). В данном случае, это не проявление реализма, как можно было подумать в связи с парными соответствиями типа *вид* — *аспектуальность*. *Система* и *среда* здесь одинаково вещны в *понятийном* выражении предметного мира, а это все-таки проявление философского номинализма. Общая совокупность признаков близка тем, которые отмечены у «первой волны» западной когнитивистики, с которой контенсивная лингвистика сближается и по ряду второстепенных признаков. Характерно, что первыми критиками теории Н. Хомского были как раз представители этого направления; близость позиций позволяла лучше увидеть изъяны американской версии.

Общность исходных ментальных позиций и целей исследования у всех представителей контенсивной грамматики заключается:

1) в направленности анализа прежде всего на изучение самого *содержания* рассматриваемых *категорий*,

2) в таком соотношении содержания с формой языкового выражения, которое стремится выявить *воздействие формы* на представление выявленной семантики,

3) в стремлении изучить взаимодействие разноуровневых языковых средств.

«Контенсивная типология» всё ещё не является сложившейся лингвистической дисциплиной. В её основе лежит система *содержательных функций* («категоризация функций»), которая основана на речевой деятельности и проявляется в высказывании, конкретно в предложении. Подчеркивается «примат синтаксиса в языке и логике на основе типов валентности», что и определяет состав «мыслительных категорий» (см. [8] — ниже цитируется этот автор). Исследуется процесс *выражения* мысли в речи, противопоставленной языку как орудию *формирования* мысли. Говорится о трех ступенях формирования мысли, а преимущественный интерес к языковой форме определяет основной тезис: «*форма осмысляется*». Это позиция «слушающего», выдающая номиналистическую тенденцию исследования. Под *значением* понимается отражение реальности, значение и слово автономны, поскольку «слово само по себе ничего не говорит о реальных фактах», а каждое слово соотносится со своим «денотатом» (= референтом, вещью) через значение (= десигнату). Базовым различием признается *семантическая* противоположность при *формальной* тождественности лексического значения и понятия; первое отражает национальную специфику понимания, второе — «общечеловеческую». Выделяются *предметные* (денотаты) и «*призначные*» (десигнаты) значения слов; первые представлены в предметной лексике (*дом, стол* и т.д.), вторые — в отвлеченной (*белый, белизна, белость*). В согласии с

А. А. Потемной признается, что «отвлеченные существительные – это особый способ представлений в языке», когда признак мыслится самостоятельным независимо от какого-либо комплекса признаков. Предметные значения соотносятся с понятиями, «лексические» значения (десигнаты) – с символами. Говорится о «глубинных структурах сознания» и о «скрытых категориях языка», в конкретном исследовании соединяются все три когнитивные категории: язык и *сознание* (понимается как *сознание*) представлены как «совокупности знания о мире» посредством *познания* в категориях и понятиях, «своеобразно и в противоречиях отражающих объект». Интересно сказано об образном понятии типа *белый дом*: «атрибутивные значения выполняют актуализирующие функции» – что верно. Таким образом, замена содержательных *форм* концепта на содержательные *функции* в речи ведет (между прочим) к отрицанию *общих* значений в языке, подменяя их значениями *основными*.

Когнитивная лингвистика в узком смысле (в широком все три направления относятся к когнитивистике) изучает концепт не с целью *познания* (как контенсивная), это ее инструмент, а ради получения *знания*, в условной среде *дискурса* - в отличие от концептологии, которая изучает *концептум* первосмысла в составе концепта («родовой признак» семантического подхода). Тем самым концептология ближе всего соотносится с «третьей волной» американской науки, которая единственно занимается исходной точкой развития смысла, «запускающей» его развитие.

Как научное направление (как вид познавательной когнитивистики) когнитивная лингвистика шире концептологии потому, что не ограничивается областью только языка, а распространяется на все сферы речемыслительной деятельности, что ясно из постановки: в центр внимания *знания*, которое, в принципе, получают разными путями. «Ненаблюдаемые ментальные сущности» в конечном пределе – это «общечеловеческие универсалии», следовательно, в центре интересов лежит преимущественно *понятие* – понятийный уровень знания, обогащаемый приращениями смысла (например, в результате метафоризации), что соответствует представлениям концептуализма. Но в этом смысле когнитивная лингвистика как вид уже концептологии, которая не ограничивается образно-понятийной стороной, но изучает и образно-*символический* мир сознания. Дело в том, что наше современное сознание навсегда подчинено *понятию* как воплощенной форме «первосмысла»; понятие находится в центре знания, а именно получение знания и является основной задачей когнитивистики. Отсюда вытекает общая установка на все реальные отношения с миром – прямая перспектива, цвет как тон, а не как интенсивность и яркость, а также пределы действия звука и всякого чувственного восприятия вообще. *Мы живем в мире, созданном нашим мозгом*. Наука подчиняется этому давлению, забывая о тех достижениях, которые были получены прежде того, именно в образных представлениях и в традиционных символах.

Рассмотрим когнитивную лингвистику в сопоставлении с контенсивной и концептологией.

В отличие от концептологии, когнитивная лингвистика в принципе не нуждается в онтологии, поскольку ее интересует всего лишь «процесс концептуализации» внешнего мира (соответствует «второй волне», см. работы Р. Лангаккера). Всё, с чем имеет дело когнитивист, есть «мир, неосознанно созданный мыслью», это сознанием «проектированный мир». Не что иное, как американский инструментализм в законченном виде, в котором онтология подменяется эпистемологией (современной формой теории познания) В некоторых случаях [10] когнитивную лингвистику прямо сводят к *герменевтической* интерпретации текста. Это очевидное сужение когнитивис-

тики в пользу пассивной грамматики слушающего. В целом, основные постулаты когнитивной лингвистики как вида сводятся к следующим трем [11]:

1) исследуются *не наблюдаемые* действия, символы и стратегии, а их ментальные соответствия,

2) в связи с конкретным их реальным содержанием,

3) основанным на влиянии культурной среды, которая формирует человека.

Концептуалист твердо признает наличие общих значений, которые отрицают представители других направлений когнитивистики. Общее значение всегда представлено в концептуме и является неизменным составом концепта, например, в концепте ДОМ – это значение ‘кров’. Когнитивистика отрицает общие значения, говоря о сети словесных значений, в своей иерархии порождающей *смысл* знака. Это направление ограничивается автономным знанием событий, напрямую связывая их с языком, тогда как концептология исследует каузальную последовательность событий, представляя их фактами сознания (*факты* помысленны, в отличие от реальных *событий*, которые они выражают, их отражая).

В принципе, любой разграничительный признак, равно – между «волнами» или между типами, не является абсолютным, потому что это всегда признак, преобразующийся и развивающийся в столкновениях научных школ. Возьмем в качестве примера один из важнейших для речевой деятельности – синтаксический. Синтаксис находится в центре грамматики первой волны (хомскианцы), развивается во второй (когнитивистика, например, Дж. Лакофф и особенно Р. Лангаккер) и в третьей представлен как действующий компонент «среды». У нас контенсивная лингвистика исходит из синтаксических отношений, а когнитивная просто на нее опирается. Но можно вспомнить, что первый «менталист» Гумбольдтианского призыва, А. А. Потебня также много занимался синтаксическими проблемами, А.М.Пешковский и А. А. Шахматов создали два варианта формального синтаксиса, имплицитно ментальных по содержанию, а Л. В. Щерба специально выделил речевую деятельность, на Западе известную как речевой акт.

Возникает вопрос: на каком изломе действующей традиции формальных исследований произошло движение от формальной лингвистики к ментальной? В какой момент общего развития научного знания Текст как форма перестал удовлетворять и взамен появился термин «дискурс» как ментальное соответствие реальному «тексту»? Между Текстом и Дискурсом есть нечто общее, это их смысловое единство. Но если текст *логически* последователен, то дискурс представляет собой смысловой *круговорот* – в полном соответствии со значением латинского слова *discursus* ‘бегание туда-сюда, круговорот’, ‘разрастание, разветвление’.

Согласно с «лучшим до сих пор определением дискурса» (Ю. С. Степанов), данного В. З. Демьянковым, «дискурс — *произвольный* фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или *независимой* части предложения. *Концентрируется* вокруг некоторого опорного *концепта*; создает общий *контекст*, определяясь...тем *общим* для создающего дискурс и его *интерпретатора* миром, который «*строится*» по ходу *развертываемого* дискурса, — это точка зрения «*этнография речи*» (цит. по: [12, с. 37]; выделения мои – В.К.).

Ключевые слова: *фрагмент текста*, произвольно избранный *говорящим*, *общий мир*, который строится, и *концепт*, который определяет *смысл*, — выстраиваются в систему семантического треугольника, в котором место идеи занимает концепт, место знака – фрагмент текста, место вещи — общий мир. Конечная цель *построения* дискурса – выявление национальной *этнографии* конкретной речи на основе

представленных текстов. Наблюдается некоторое сходство с процессом построения семантической константы, в которой фрагмент текста есть *условие*, общий мир – *причина*, концепт – *цель*. В этом случае справедливо толкование Ю. С. Степанова, который понимал дискурс как «язык в языке», представленный в *социальной* данности и в русской грамматической традиции равный *стилю*. Это развернутый на плоскости текста «*другой* язык со своими особыми правилами истинности и своим собственным этикетом — «возможный (*альтернативный*) мир» в полном смысле этого логико-философского термина... Дискурс – это новая черта в облике Языка, каким он предстал перед нами к концу XX века» [12, с. 37]. Иными словами, Дискурс есть отраженная форма текста в ментальном его преломлении, и в 1970-е гг. «англо-саксонские лингвисты осознали, что «дискурс» — это не только «данность текста», но и некая стоящая за этой «данностью» система, прежде всего грамматика» [12, с. 37]. Да, термин *дискурс* связан с переходом исследований от формы к смыслу, когда категория Смысл облеклась в только ей присущее представление «смыслового единства» — и по форме, и по содержанию одновременно. Таким образом, контенсивная лингвистика исходит из Текста, когнитивная – уже из Дискурса.

Под *концептуализацией* концептолог понимает живой процесс порождения новых смыслов в содержательных формах концепта. Для когнитивиста же это результат обобщения вещей в ментальном плане, а концептуальная метафора — простая *аналогия* в сравнении близкочуждых предметов. Концептуалист работает по принципу «сходим» (от понятия к образу), когнитивист – предпочитает движение «восходим» (от образа к понятию).

О движении «сходим – восходим» следует сказать подробнее.

В самом конце XV века нестяжатель Нил Сорский, излагая свою концепцию познания в духе средневекового символического мышления, выразил идею, которая в XX веке на понятийном уровне прозвучала в устах когнитивистов: основные понятия когнитивной лингвистики суть *концептуализация* и *категоризация*. Нил, простая душа, выразился по-русски, с упором на этику: «сходим лучше, чем восходим». Казалось бы, что общего между этими двумя заявлениями, которые разделены полутысячелетием? Много общего, если не всё – но в ментальном плане, а не только в словесной форме выражения.

Обе позиции совпадают в принципе. Речь идет о *восхождении* к понятию (*категоризация* современного языкознания), формирующему понятийные гиперонимы современных литературных языков, и о *схождении* от абстрактного понятия к *образу* (с заглублием в символ концептума, это нахождение «зерна первосмысла», т.е. *концептуализация*), сохраняющему образную систему «естественной речи». За этой оппозицией, восходящей к далеким временам, когда в ходу были еще простейшие эквивалентные (равнозначные) противопоставления, многое что скрывается. Это не просто логическая *оппозиция*, а выражение *антиномии* познания, которая в своей диалектической связи, по-видимому, никогда не будет решена.

Противопоставление двух подходов теперь достигло степени противоположности. На уровне коммуникативного акта – это противоположность говорящего слушающему, на логическом уровне – противоположность смысла значению, на этическом уровне – противопоставление сознания совести, которые некогда (во времена Нила) представляли как нечто общее, как одно и то же, и т.д.; в конечном счете, противопоставление сущности явлению, которое столь значимо для реалиста. Отсюда же еще одно важное различие, существующее между направлениями когнитивистики: контенсивная лингвистика носит *типологический* характер, когнитивная –

сопоставительный (именно в ее границах изучаются в сравнении концепты разных языков), концептология в принципе *исторична*, она не сравнивает разные языки в пространстве, а изучает свой родной язык во времени.

В целом, можно представить соотношение всех выявленных направлений в истории отечественного языкознания следующим образом:

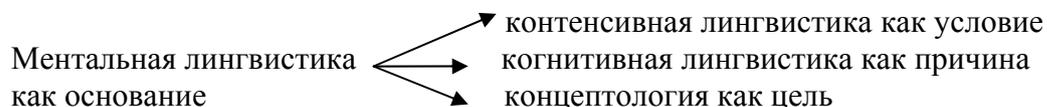
Языкознание	формальное	ментальное
Условие (как?)	компаративистика	контенсивная
Причина (почему?)	структурализм	когнитивная
Цель (зачем?)	функциональная	концептология

С точки зрения концептологии, не в понятии, как полагает когнитивная лингвистика, т.е. не в *оперативном*, на данный момент выявленном, проявлении *концептума*, но в его законченном, *фундаментальном* проявлении в виде символа завершается цепь последовательного каузального развития составов *концепта*, после которой необходим поиск новых оснований. Новые же основания отыскиваются в дискурсивном следовании произвольно выбранных текстов. «Мышление по природе своей символично... Разумным человека делает его способность к *символизации*» [13, с. 29].

Все эти направления находятся в дополнительном распределении, и каждое ответственно за решение своей собственной задачи. Контенсивная лингвистика познает *содержательный смысл текстов*, когнитивная озабочена моментом обогащения концепта новым смыслом (*новым знанием*), данным в *дискурсе*, концептология пытается найти разгадку содержательной тайны *концепта* в его *исходном* смысле.

Таким образом, здесь описывается развитие научного языкознания (основание — *что?*) в двух традиционных видах лингвистики — формальной и когнитивной, действующих в процессе познания ради получения достоверного знания. Совокупный ответ на все четыре вопроса аристотелевых причин, описанный в терминах семантической константы, намечает приемлемые пути в развитии современного языкознания. В конечном счете, логическая последовательность в смене лингвистических форм показана как приближение к пониманию *сущности* живого языка в его антропоцентрическом измерении. «Три волны» формальной лингвистики в своем *аналитическом* дуализме сменились «тремя волнами» когнитивной лингвистики в *синтетическом* единстве смыслов. Произошло замещение позиции изучения: от пассивного «языка» слушающего к активному «языку» *говорящего*.

Построение семантической константы может быть произведено следующим образом.

Таким образом, условно говоря, первая волна исследований установила ментальную составляющую языкового знака в *познании*, вторая разработала условия обогащения этого знака новыми *знаниями*, третья определила «пусковой механизм» такого роста нового знания в *сознании* (в нейронных связях мозга или в неявном концептуме). С такой точки зрения в отечественном языкознании американским «волнам» соответствуют: первой — контенсивная (содержательная) лингвистика с ее понятийными категориями, второй — когнитивная (познавательная) лингвистика с ее интересом к метафоре, третьей — концептология с ее установкой на ментальный механизм запуска содержательных форм концепта, в нашем случае — концептума. Так

выстраиваются парадигмы, каждая из трех составов: *формальная лингвистика* (*что-лингвистика*, основание) представлена компаративистикой (*как-лингвистика*, условие), структурализмом (*почему-лингвистика*, причина) и функциональной лингвистикой (*зачем-лингвистика*, цель). В ментальной лингвистике (*что?*) этим формальным составам соответствуют лингвистики — *контенсивная* в познании (условие *как?*), *когнитивная* в знании (причина *почему?*) и *концептология* в сознании (цель *ради чего?*). Первая *ищет* концепт в тексте (объективно *вещь* – номинализм), вторая – в дискурсе (субъективно в *идее* – концептуализм), третья – в концептосфере концептов (в *знаках*, соединяющих вещи с идеей – «третий путь»; реализм). Первая опирается на «врожденные идеи», вторая – на инстинкт, третья – на интуицию (*наитие* в ментальном плане). В сущности, все три позиции заполнили всю возможную парадигму в сфере реальных отношений семантического треугольника, синергичной триады, семантической константы и общей категории причинности. Четвертой позиции в принципе быть не может, поскольку каузальный ряд вытекающих друг из друга последствий уже заполнен. В учении о *мере* Аристотель утверждал *четырёхчастность причин*, которые в их совместности предстают как *целостность организма* в его отличии от *механизма* – «как вообще совпадают в одной нераздельной точке все четыре основных принципа универсального одушевления» [14, с. 345].

Последовательность в проявлении языковых признаков предстает в виде содержательных форм концепта: *образ – понятие – символ – образ – понятие – символ*. Последовательность в проявлении логических признаков: *конкретное – абстрактное – конкретное – абстрактное – конкретное – абстрактное*. В результате совмещения логических и лингвистических признаков, например, в когнитивном секторе: контенсивная лингвистика выражает абстрактный образ как отражение вещи (номинализм), когнитивная лингвистика выражает конкретность понятия как выражение идеи (концептуализм), концептуальная лингвистика выражает абстрактный символ как воплощение знака (реализм). Совмещенность логического и лингвистического – основная характеристика когнитивистики, логическая последовательность переходов из одного состояния в другой – основная особенность развития исследовательского метода, направленного сменой (но не заменой!) в развитии научных парадигм. Таково следование описанных методов в их *инвариантом* составе (в исследованиях отдельных ученых возможно смешение позиций).

Таким образом, в самом общем виде, развитие языкознания подчиняется «закону четырех причин», связанных последовательной сменой результатов.

Появление сравнительно-исторического языкознания, ответив на вопрос «*что* это такое», стало *основанием* науки лингвистики; структурное языкознание, ответив на вопрос «*как* это работает», стало *условием* дальнейшей разработки языка; функциональная лингвистика, ответив на вопрос «*почему* это работает», стало *причиной* развития нового направления – когнитивной лингвистики, снявшей противоположность между лингвистическим и логическим, что и стало, в самом общем виде, ответом на вопрос «*зачем* это работает» – конечной *цели* предшествующих движений науки.

Скорость развития наук сегодня такова, что на протяжении одного столетия, фактически на протяжении полувека, в разных странах языкознание активно развивалось, и теперь мы можем отметить те шаги, которые почти одновременно были сделаны на поле лингвистики. Контенсивная лингвистика, исследуя поверхностные *понятийные* категории, отвечает на вопрос «*что* это такое» и становится *основанием* когнитивистики. Когнитивная лингвистика (в узком смысле), сосредотачиваясь на

образно-символической сфере языка, отвечает на вопрос «как это работает» и вырабатывает условия для создания новых направлений, прежде всего лингвокультурологии. Концептология проникает в сущностные стороны языка, говоря о «двигателе» языковых форм (ранее неопределенно представленном в виде «внутренней формы») и отвечая на вопрос «почему язык развивается». Теперь мы стоим перед необходимостью ответить на четвертый вопрос, «зачем всё это» и определить конечную цель в развитии языка. Но ответ на этот вопрос сразу же переведет науку о языке на новый уровень развития, с его собственными ответами на поставленные вопросы.

«Породив» законченный организм в данном развитии идей, «история прекращает течение свое». *Необходима смена научных парадигм.* Какая-то часть новой парадигмы проявляется в концептологии – введением «четвертого пространства», а именно времени, с попыткой ответить на вопрос «зачем». Можно предполагать, что новая парадигма не будет ни плоскостно формальной, ни объемной, как когнитивистика, но стереоскопически представленным синтезом своих пространственных и временных качеств, состояний и единиц.

Наука кумулятивна, она рачительно собирает все свои достижения и временами пользуется старыми методами, в зависимости от того, на какой вопрос желательно получить ответ. Более того, иногда начинающие исследователи прибегают к использованию и донаучных *собирательских* методов, каковы сопоставительная или описательная лингвистики. Теории со временем сгущаются в методы, и этими методами пользуются все, по своему усмотрению. Но в высшем смысле, в философском смысле, то движение лингвистических методов, которое здесь описано, отражает поступательный ход человеческого сознания, всё глубже проникающего в скрытые тайны языка. И единственным условием плодотворности науки является возможность каждого ученого самостоятельно искать те новые повороты исследования, которые, в совместных усилиях, способны повести к очередному повороту в развитии нашей науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кравченко А. В. От языкового мифа к биологической реальности. Переосмысляя познавательные установки сознания / А. В. Кравченко. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2013. — 388 с.
2. Колесов В. В. Концептология / В. В. Колесов. — СПб. : РИО, Филологический факультет СПбГУ, 2012. — 168 с.
3. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 792 с.
4. Аскольдов С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская речь: новая серия. — Л., 1928. — Вып. 2. — С. 28–44.
5. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН. Сер. литературы и языка. — 1993. — Т. 52. — № 1. — С. 3–9.
6. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов ; АН СССР. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1945. — 321 с.
7. Бондарко А. В. Грамматические категории и контекст / А. В. Бондарко. — Л. : Наука, 1971. — 116 с.
8. Канцельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Канцельсон. — Л. : Наука, 1972. — 216 с.
9. Степанов Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов. — М. : Наука, 1971. — 168 с.
10. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 17–33.
11. Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А. В. Рудакова. — Воронеж : Истоки, 2004. — 80 с.
12. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века. — М. ; РГГУ, 1995. — С. 35–74.
13. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М. : Прогресс, 1974. — 448 с.

14. Лосев А. Ф. Платон. Аристотель / А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. — М. : Молодая Гвардия, 1993. — 383 с.

Поступила в редакцию 12.03.2017 г.

THE "THIRD WAVE" OF COGNITIVE LINGUISTICS

V.V. Kolesov

The article focuses on the description of the stages and ways of the development of the theoretical linguistics in the three aspects: traditional formal, modern American and modern Russian. The contemporary trends in the Russian linguistics are characterized by three approaches known as contensive, cognitive and conceptual linguistics. The transitions from one approach to another have been identified. The paradigmatic accomplishment of the programs in question has been considered. This model of analysis is determined by the fact that the causal series of consecutive transformations (*condition – cause - aim*) is finished and the problem needs creating a new paradigm.

Keywords: formal linguistics, mental linguistics, contensive, cognitive, conceptual grammars, semantic constant, causal series.

Колесов Владимир Викторович,
Доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
Профессор кафедры русского языка.
E-mail: prof.kolesov@gmail.com

Kolesov Vladimir Viktorovich
Doctor of Philology, Professor,
Saint Petersburg State University
Professor of Russian Language Department
E-mail: prof.kolesov@gmail.com

УДК 811.161.1'373.611

**ОНОМАСТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ Е.С. ОТИНА
И ФРАЗЕОЛОГИЯ В «ПОЛНОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ
РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»***

© 2017. В.М. Мокиенко

В статье предлагается сопоставительный анализ ономастической фразеологии, описанной Е.С. Отиным в его «Словаре коннотативных собственных имен» (2006), и в «Полном фразеологическом словаре русских народных говоров», составляемым под руководством автора статьи в Санкт-Петербургском университете. Подчеркивается научное значение трудов Е.С. Отина и широкие возможности использования материалов данного словаря при составлении словарей русской диалектной фразеологии. Корректность дефиниций, внимание к лингвокультурологическим параметрам описываемых фразеологизмов, точная характеристика коннотативного потенциала собственных имен, претерпевших процесс апеллативизации – все эти качества делают словарь Е.С. Отина весомым вкладом в ономастику и лексикографию.

Ключевые слова: ономастика, имя собственное, имя нарицательное, метаморфозы собственных имен, апеллативизация, фразеологическая единица, фразеологизация, диалектная фразеография, «Полный фразеологический словарь русских народных говоров».

Научное наследие Евгения Степановича Отина обширно и разносторонне: славянская лексикология и лексикография, этимология, фразеология, социальная лингвистика [Отин 2004, 2006, 2006а, 1997, 1999 и др.]. Красной нитью, тем не менее, через всё его творчество проходит неувядаемый интерес к ономастике. Она, собственно, может быть названа альфой и омегой его творчества: к какой бы теме донецкий исследователь не обращался, Имя собственное так или иначе становилось объектом лингвистического и культурологического анализа. Особо привлекал Е.С. Отина процесс «перевоплощения» имени, т.е. движение от имени нарицательного к имени собственному и конвертация имени собственного в имя нарицательное. И в его трудах убедительно показывается, что метаморфоза ономастического перевоплощения не остаётся бесследной: в бывшем имени продолжает теплиться след единичности, индивидуальности. Этот тёплый след и создает особую экспрессию, оценочность или, говоря лингвистическим языком, – *коннотативность*.

Заглядывая в историческую глубь многих собственных названий – таких, например, как *Таганрог, Самара, Жигули, Мценск, Харьков, Каяла* или собственной фамилии *Отин*, – ученый наблюдал не только их ретроспективу, но и не упускал из поля зрения и их проекций в современное употребление, фиксировал те дополнительные ассоциации, которые такие имена вызывают в повседневном употреблении, в художественной литературе или в публицистике. И каждый раз убеждался, что несмотря на свою функциональную специфику, принципиальную «единичность», имена собственные совершают в своём развитии замкнутый круг превращений. Круг этот, однако, не оказывается «порочным», ибо его завершение никогда не смыкается с его началом. Конечный семантический результат такого развития часто неожидан, но историк языка способен установить строго последовательные закономерные этапы, приведшие имя собственное к этой «неожиданности». Для такой диагностики, однако, нужны углубленные историко-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01062).

этимологические исследования, основанные на огромном и доброкачественном фактическом материале. Именно такую диагностику предложил Е.С. Отин в своём «Словаре коннотативных собственных имён» [Отин 2006]. И автор этих строк был удостоен большой чести: Евгений Степанович попросил меня написать к его Словарю предисловие, что я и сделал с большим удовольствием [Мокиенко 2006], ибо, как писал в своё время А.С. Пушкин, «следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная».

Следовать за мыслями и строгой лингвистической логикой донецкого филолога было весьма поучительно. Словарь Е.С. Отина синтезировал итоги многих исследований – как его предшественников и коллег, так и его собственных. Автор этого труда давно стал известным славистам Европы своими многолетними целенаправленными изысканиями по истории собственных имен. Предметом его постоянного и особого интереса в этом словаре стали именно такие имена собственные, которые перевоплотились в имена нарицательные или сделали решительный шаг в их сторону в составе крылатых слов и выражений, пословиц и поговорок или других жанров русского фольклора. В словаре результаты таких специальных исследований даются компактно и информативно, сюжетно и доступно, что и сделало книгу не узкофилологическим изданием, а справочником для широкого читателя.

Собрав воедино под шапку словарных статей многочисленные сведения о русских именах собственных, перешедших в нарицательные, Е.С. Отин открыл новую страницу в нашей лексикографии. Конечно, как у каждого лексикографа, и у нашего автора есть предшественники – достаточно вспомнить такие полезные книги по данной теме, как «Метаморфозы собственного имени» казанской подвижницы ономастики Т.Н. Кондратьевой [1983], где ярко демонстрируется метафорическая жизнь имен собственных (особенно фольклоризмов), или информативный словарь Д.С. Мгеладзе и Н.П. Колесникова «От собственных имен к нарицательным» [1970], в котором слова, образованные от личных имен, отчеств, фамилий, псевдонимов и прозвищ людей распределены по 40 тематическим группам. Однако, кроме временной дистанции, отличившей словарь Е.С. Отина от книг его предшественников, его труд отличается и количественным и качественным составом словника, и глубиной исторического погружения в материал, и яркой и острой проекцией последнего в злободневную речь, и иным, свежим концептуальным решением многих лексикографических проблем. Причем большинство из имён собственных, претерпевших метаморфозы, показано во всём их коннотативном многоцветии, со всеми нюансами перевоплощений, проиллюстрировано яркими иллюстрациями из русской классики, современной литературы и средств массовой информации.

Книга Е.С. Отина – зеркало не только перевоплощений русских имен собственных, но и – метаморфоз современного русского языка вообще. Ведь последние полтора десятилетия бурно ворвались в нашу языковую систему, взломали ледяной панцырь литературной нормы, открыли шлюзы многим заимствованиям, жаргонизмам, вульгаризмам. Результаты этой языковой «шоковой терапии» многоаспектно отражены в словаре коннотативных собственных имен. Отсюда и насыщение книги свежим жаргонным материалом, который почти полностью отсутствовал в справочниках предшественников. Коннотации многих имен, включённых в словарь, почти насквозь жаргонизированы. Так, имя *Вася* фонтанирует жаргонными фразеологизмами типа *вась-вась* ‘запанибрата, по-свойски’, *гуляй, Вася!* ‘о безалаберном, беспечном человеке’, *и Вася!* ‘какой же ты простак, доверчивый человек’, *голый Вася ночевал* ‘ничего нет’, *Вася с парашютом* ‘простодушный, доверчивый человек, ротозей’, *Вася с*

мыльного завода ‘болтун, трепло’ и т.п.; а имя главного героя популярного телесериала «Семнадцать мгновений весны» *Штирлиц* становится не только синонимом разведчика, агента, шпиона, но и шутливым обозначением мужского полового органа.

Зеркально отражает Словарь и другие динамические тенденции современного русского языка. Параллельно с жаргонизацией и вульгаризацией, как известно, он подвергается сейчас мощной экспансии заимствований, особенно англицизмов американского происхождения. Не прошёл составитель и мимо такой бросающейся в глаза тенденции, как «вторичная христианизация» русского общества и русского языка. В Словаре немало основательных толкований библейских имен, давно ставших языковыми символами – *Адам и Ева, Вавилонское столпотворение, Голгофа, Иерихон, Иерусалим, Иуда, Мафусаил, Содом и Гоморра, Христосик, Эдем* и мн. др. Многие из них претерпели, как показывают специализированные словари [см., напр.; Балакова, Вальтер, Венжинович, Гутовская, Иванов, Мокиенко 2014; Балакова, Ковачова, Мокиенко 2013] десакрализацию и насытились иной, достаточно бытовой коннотативностью.

Внимание Е.С. Отина к различным коннотациям имени собственного, к его литературным, публицистическим и фольклорным переосмыслениям, к его функционированию в живой речи (включая жаргон) и народных говорах позволило каждую большую словарную статью сделать самостоятельным ономастическим очерком, предложить читателю ценную справку о русских личных именах, прозвищах, названиях местностей, исторических событий и т.п. При этом постоянно отслеживаются семантические сдвиги, приводящие к коренной перестройке смысловых и функциональных связей имени собственного.

Опираясь на богатый опыт русской и украинской лексикографии, Е.С. Отин не просто развивает принципы описания таких имен, но создает новую модель их словарной интерпретации. Черпая материал из толковых, ономастических, областных, жаргонных, фразеологических и других словарей русского языка, а также из художественной литературы и публицистики, составитель предложил единую систему презентации такого материала. Будучи сторонником ларинской концепции словарей полного типа [см.: Мокиенко 1999], Е.С. Отин представляет в своей книге не только самый центр русской ономастики, но и её периферию: окказиональные имена, архаические наименования в общенародной и церковной терминологии, имена людей, диалектизмы, арготизмы, профессионализмы и т.п.

При всей зависимости этого Словаря (как и любого другого) от источников, Е.С. Отин стремится к их унификации и к «сюжетности» в трактовке описываемого материала. Нельзя не заметить постоянного стремления автора к отражению ономастической системности. Именно системность лексикографического описания делает этот Словарь своеобразной «таблицей Менделеева»: практически любой новый ономастический факт, добытый после появления труда Е.С. Отина другими исследователями и лексикографами, укладывается в эту таблицу, подтверждая её структурно-семантическую достоверность.

Продемонстрируем корректность такого похода, сопоставляя (в сокращениях, обусловленных лимитом места этой статьи) некоторые материалы Словаря Е.С. Отина со словарными статьями «Полного фразеологического словаря русских народных говоров» (ПФСРНГ), составляемого коллективом петербургских авторов на основе уже вышедших словарей [Мокиенко, Никитина 2008; 2013; Мокиенко, Никитина, Николаева 2010]¹.

¹ Списки сокращений см. в указанных нами словарях.

1. **Женские имена.**

Отин 2006, 44-45: **АКУЛИНА...** 1. Простая, малообразованная женщина. 2. Некрасивая и бездуховная женщина. 3. Бранное слово. 4. Неопрятная женщина. (диал.). 5. О плохо, небрежно одетой или повязанной женщине. (яросл.).

♦ **Завести Акулину.** Вступить в тайное общество (в речи революционно настроенных студентов Петербургского университета 60-х годов XIX в.). [Отин 2006, 44-45].

ПФСРНГ: **АКУЛИНА (ОКУЛИНА) * Нарядиться как Акулина.** *Яросл. Пренебр.* О плохо, небрежно одетой или повязанной женщине. Кругликова 1987; ЯОС 1, 21; 5, 9; Отин 2004, 37; АБЛ 2004, 53. < **Акулина** – женское имя; *перен.* – неряха, неаккуратно, небрежно одетая женщина.

Ходить как Акулина. *Яросл. Пренебр.* О ходящей в плохой, небрежной одежде женщине. ЯОС 1, 21; 5, 9; АБЛ 2004, 52.

Отин 2006, 45-46: **АКУЛЬКА...** 1. Неопрятная, неаккуратная женщина. (арх.). 2. Глупая женщина. (диал.).

♦ 1. **Окулька-базарка.** Бранное выражение. (диал.). 2. **Как акулька.** *Неодобр.* Некрасиво, неряшливо, неумело (одеться, повязаться, собраться и т.п.). 3. **Акулькин муж.** Презрительное прозвище «фраеров» в мире блатных, воров. (В. Шаламов).

ПФСРНГ: **АКУЛЬКА * Ходить как Акулька.** *Яросл. Пренебр.* То же, что **ходить как Акулина.** ЯОС 1, 21; Отин 2004, 37.

Ходить Акульками. *Арх. Пренебр.* О неопрятных, неаккуратных женщинах. АОС 1, 66; Отин 2004, 38.

Повязаться Акулькой. *Прост.* Некрасиво, неряшливо, неумело повязать платок (о женщине). < **Повязаться (платком)** – обвязаться платком «кульком»; **Акулька** – то же, что **Акулина**.

Отин 2006, 46-47: **АКУЛЯ...** 1. Нерасторопная, неумелая женщина. (рус. говоры Мордовии). 2. Рассеянный, нерасторопный, неумелый человек (относится как к женщине, так и к мужчине). (рус. говоры Мордовии, ср. Урал). 3. О плохо, небрежно одетой или повязанной женщине. (яросл.).

♦ 1. **Как акуля; как куля.** Неряшливо, некрасиво, неумело (одеться, повязаться, собраться и т.п.). (рус. говоры Мордовии). 2. **Окуля беспятая.** Бранное выражение. (диал.). 3. **Акля Роговна.** Шутливое выражение.

ПФСРНГ: **АКУЛЯ * (Одежда у кого) как у Акули.** *Перм. Неодобр.* О чьей-л. неаккуратной, неряшливой одежде. < **Акуля** – то же, что **Акулина**. СПГ 1, 9. См. также **куля**.

(Повязаться, собраться и т. п.) **как акуля.** *Морд., Яросл. Пренебр.* О некрасиво, неряшливо, неумело одетой, повязанной женщине. < **Собраться** – нарядиться, одеться. СРГМ 1, 20; 6, 98; ЯОС 1, 21; Отин 2004, 39.

ОКУЛЬКА * как окулька. *Костром., Яросл. Презр.* О неопрятной, неряшливо одетой женщине. < **Окулька** – то же. Образовано от женского имени **Акулина**, распространённого в крестьянской среде. Подюков 1982.

(платок) **на окульку.** *Кар. Неодобр.* То же, что (платок) **на окулю.** СРГК 4, 193.

ОКУЛЯ * крыша окулей. *Яросл. Спец.* Вид крыши (неряшливо сделанной?). ЯОС 5, 98.

ходить окулей. *Башк. Пренебр.* О ходящем неопрятно одетым человеке (особенно женщине). СРГБ 2, 124.

(платок) **на окулю**. *Кар.* О неправильно, небрежно, выставив нижний край из-под верхнего, сложенном платке. СРГК 4, 193. См. (платок) **на окульку**.

2. Мужские имена.

Отин 2006, 99-103: **ВАНЬКА...** 1. Дешевый извозчик, приехавший в город на отхожий промысел (в отличие от лихачей – дорогих профессиональных извозчиков). 2. Простак (иногда мнимый); человек из народа. 3. Русский. ...

◇ 1. **Ванька-взводный, взводный ванька.** Командир взвода. (Е. Слуцкий, В. Астафьев и др.). 2. **Ванька Каин.** Мошенник, разбойник, реже – мучитель. (М.Ю. Лермонтов, В.Т. Нарезной и др.). 3. **Ванька с трудоднями.** шутол. Трудолюбивый колхозник с хорошим заработком. (пск., В. Астафьев). 4. **Русский Ванька.** Доверчивый недалекий человек русской национальности; простой русский солдат. (А. Солженицын и др.). 5. **Ванька с Пресни.** Неаккуратного вида человек. (В. Шукшин). 6. **Ванька Ветров.** Чаще в составе сравнительного оборота **как Ванька Ветров.** О пустом, легкомысленном человеке. (рус. говоры Мордовии, украинск. говоры Слобожанщины). 7. **Ваньки да Маньки.** Варианты: **маньки да ваньки; ваньки-маньки.** Простой (русский) народ, простонародье, реже – челядь. (Б. Шергин, В. Пикуль и др.). 8. **Ванька-чай.** Растение иван-чай. (яроsl.). 9. **Ванька мокрый, ванька пьяный, ванька плакун.** А. Комнатное растение с широкими зубчатыми листьями и небольшими темно-красными цветами. (Ср. Урал, Л. Леонов, В. Астафьев). Название этого частого в русских избах цветка вначале было мотивировано коннотативным антропонимом *Ванька* (неприхотливость и «простота» этого растения). Б. Бальзамин (недотрога) – садовое и комнатное травянистое декоративное растение. (Ср. Урал). 10. **Ваньку валять, валять Ваньку.** А. Делать что-л. не вызывающее уважения, одобрения; совершать глупость. Б. Симулировать, притворяться (жарг.). 11. **Быть Ванькой.** Симулировать сумасшествие (жарг.).

ПФСРНГ: **ВАНЬКА * как Ванька Ветров.** *Морд. Пренебр.* О пустом, легкомысленном человеке. СРГМ I, 60.

как Ванька-татарин. *Перм. Ирон.* О беспечном, беззаботном человеке. Прокошева 1986.

ходить как Ванька Ветров. *Морд. Пренебр.* О праздном, пустом, легкомысленном человеке. СРГМ I, 60. < В украинских (степных и слобожанских) говорах выражение **Ванька Ветров** означает 'незаконнорожденный'. Отин 2004, 91.

ходить как Ванька-ключник. *Кубан.* 1. *Шутол.* О человеке, имеющем много ключей. 2. *Неодобр.* О том, кто не доверяет, запирает всё на замок, подозревая всех в воровстве. < Оборот сложился на основе старинной песни: "Ванька-ключник, злой разлучник, разлучил князя с женой". (См. собр. соч. А.В. Кольцова, записавшего один из вариантов в Воронеж. губ.). Чалов 1982, 3.

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА * вставить/ встать (подняться/ подняться) как Ванька-встанька. *Прост.* О человеке, энергично, упорно и постоянно поднимающемся на ноги (после падения, ударов и т. п.). Лит. < **Ванька-встанька** – народная русская игрушка в виде мужской куклы со смещенным центром тяжести, благодаря чему она постоянно подымается на ноги при попытках ее свалить.

гильза как Ванька-встанька. *Инд.-авт.* О постоянно возвращающейся на ту же позицию гильзе. БАС 2, 49.

как Ванька-встанька. *Прост. Неодобр.* или *шутол.* О непоседливом, подвижном человеке.

наестся (отъестся) как Ванька-встанька. *Кар. Шутол.* О сытно наевшемся и тут же вставшем из-за стола человеке. Назарова 1985.

ВАНЬКА * Болотный Ванька. Сиб. 1. Растение лабазник. 2. Растение кипрей. СФС, 27; ФСС, 22; СБО-Д1, 52.

Ванька Гробов. Арх. Ирон. То же, что **Иван Гробов**. АОС 13, 306.

Ванька из Криворожья. Разг. Шутл.-ирон. О глуповатом, несообразительном человеке из провинции. Елистратов 1994, 214.

Ванька красный. Кем. Лекарственное растение горячуха. СБО-Д1, 52.

Ванька кучерявый (курчавый). Сиб. Комнатное растение. ФСС, 22.

Ванька мокрый. Арх., Мурман., Новосиб., Перм., Прикам., Пск., Ср. Урал, Сиб., Том., (1964), Урал., Ярослав. Бальзамин (садовое и комнатное растение). АОС 3, 43; ПОС 3, 32; СГПО, 63; СРГСУ 1, 66; МФС, 16; СКузб., 40; СБО-Д1, 52; СФС, 32; ФСС, 22; ЯОС 2, 47; СРНГ 18, 213.

Ванька Отрепьев. Костром. Неодобр. О плохо одетом человеке. Ганцовская 2015, 43.

Ванька плакун (плакса). Арх., Пск., Ср. Урал. То же, что **Ванька мокрый**. АОС 3, 43; ПОС 3, 32; СРГСУ 1, 66.

Ванька пьяный. Арх., Пск., Ср. Урал. То же, что **Ванька мокрый**. АОС 3, 43; ПОС 3, 32; СРГСУ 1, 66.

Ванька прял. Кар. (Ленингр.). Ирон. О внезапном исчезновении чего-л. СРГК 1, 161.

Ванька рыжий, конопый, убил бабушку лопыжей. Калуж. Шутл.-ирон. Дразнилка о веснущатом и рыжем человеке. СРНГ 14, 268. < **Конопый** – веснущатый, конопатый. **Лопыжа** – ?.

Ванька [рыжий] не чешись. См. **Васька рыжий не чешись (ВАСЬКА)**.

Ванька с горки. Горьк. Шутл.-ирон. О человеке со странностями, причудами. БотСан., 25.

Ванька с Манькой да колупай с братом. Сиб. Презр. О никчемных, не пользующихся уважением людях. ФСС, 22.

Ванька с трудо днями. 1. Пск. Шутл. О трудолюбивом колхознике с хорошим заработком. ПОС 3, 32. 2. Волг. Пренебр. Ничем не выдающийся, незначительный человек. Глухов 1988, 8.

Ни Ванька, ни Манька. Бурят. АССР. О человеке, пол которого трудно определить по внешнему виду; ни мужик, ни баба. СРНГ 34, 232.

Ты, Ванька, подерись, а я сбегаю за ребятами. Южн.-рус. Ирон. О трусливом человеке, избегающем конфликтов и перекладывающем их решение на других. Рыбн. 1961, 74.

Умри ж, мой Ванька! Пск. Клятвенное заверение в чем-л. ПОС 3, 32.

Фугуй, Ванька: тятка топором подправит. Вост.-руе. Ирон. О небрежной, недобросовестной работе. Рыбн. 1961, 46.

Валять /свалять Ваньку. Прост. Неодобр. 1. Поступать не так, как следует, делать глупости. 2. Новг. Шутить, дурачиться, притворяться глупым. НОС 2010, 91. 3. Обманывать кого-л., хитрить. 4. Новг. Скрывать что-л., умалчивать о чем-л. НОС 2010, 91. 5. Оттягивать, тянуть время. 6. Пск. Праздно проводить время, бездельничать. ФСРЯ, 55; БСРЖ, 88; БМС 1998, 66; ЗС 1996, 243; Мокиенко 1990, 142; БТС, 110; ПОС 3, 31; Соколова 2009, 133.

Ломать Ваньку. 1. Прост. То же, что **валять Ваньку 1**. Ф 1, 284. 2. Прост. То же, что **валять Ваньку 2**. Ф 1, 284. 3. Жарг. угол. Симулировать психическое заболевание. СРВС 2, 23; ТСУЖ, 28; Балдаев 1, 56.

ВАНЮХА * Нашему Ванюхе и на печке ухаб. Народн. Неодобр. О невезучем лентяе. Жиг. 1969, 221.

ВАНЮША * Ванюша-дуранюша. Пск. Ирон. О глупом человеке. ПОС 10, 47.

ВАНЮШКА * **Ванюшка-дуранюшка**. *Пск. Шутл.-ирон.* О глуповатом человеке. ПОС 10, 47.

У бедного Ванюшки всё в жопе камушки. *Пск. Вульг. Шутл.* О невезучем человеке. СПП 2001, 19.

3. Топонимы

Отин 2006, 325: **РУСЬ**...

◇ **Русь-матушка, матушка Русь**. 1. Простые русские люди. (М. Горький). 2. Синоним выражения **Рассея-матшка** 'неразвитый, недалекий человек'. (А. Белов).

ПФСРНГ: РУСЬ * Жить на Руси. *Арх.* Жить н открытом месте, на виду. АОС 14, 222.

Кому на Руси жить хорошо. 1. *Жарг. арм. Шутл.* О поваре в солдатской столовой. ЖЭСТ-1, 235. 2. *Жарг. шк. Шутл.* О школьной буфетчице, работнице столовой. ВМН 2003, 117. < По названию поэмы Н.А. Некрасова.

[Совсем] на Руси. *Твер.* (1969). На открытом месте, на виду. СРНГ 35, 274.

Вывести (сказать) на Русь что. *Кар., Твер.* (1860). Рассказать что-л. тайное, скрываемое. СРГК 5, 585; СРНГ 35, 274.

Входить/ выйти на Русь (Русь). 1. *Новг.* Выходить наружу, на улицу. НОС 2010, 1044-1045. 2. *Арх.* Покидать родное село. АОС 7, 240. 3. *Новг., Орл., Перм.* (1973), *Прикам.* Рождаться, появляться на свет. НОС 1, 148; Сергеева 2004, 187; НОС 2010, 142; СГПО, 92; МФС, 22; СРНГ 5, 286; 35, 273. 4. *Орл.* (1901). Выздоровливать. СРНГ 5, 286. 5. *Орл.* (1901). Переживать трудное время. СРНГ 5, 286. 6. *Арх., Сев.-Двин.* То же, что **идти на Русь**. СРНГ 35, 273-274.

Говорить/ сказать в Русь. *Новг.* Говорить во всеуслышание, открыто. НОС 2010, 1045.

Идти/ пойти в Русь. *Арх.* (1885), *Север.* Возвращаться домой с плавания (о поморах, возвращающихся океаном из Норвегии или с Новой Земли). СРНГ 4, 81; 12, 78.

Идти/ пойти на Русь. *Арх.* (1863). Идти из леса в поселение (обычно расположенное на открытом ровном месте). СРНГ 35, 273-274. < **Русь** – поселение, обычно на открытом ровном месте.

Пропускать/ пропустить на Русь кого. *Селигер.* Выводить кого-л. в люди; обеспечивать чье-л. будущее. Селигер 2014, 6, 106.

Русь подселенная. *Перм. Фольк.* Эпитет Руси (в причитаниях). СРНГ 28, 178. < **подселенная** – вселенная, весь мир.

РУСЬ * Кому на Руси живется хорошо? – Гагарину Юрке, продавщице Нюрке и Брежневу, а остальным – по-прежнему. Сок., 21.

На белой Руси не без добрых людей. Д 1, 153.

На Руси все хороши, есть и ерши. Сок., 591.

На Руси две беды: дороги и дураки. Сок., 397.

На Руси две напасти: внизу – власть – тьма, наверху – тьма власти. Сок., 90.

На Руси дворянин, кто за многих один. ДП 2, 181.

На Руси не всё караси – есть и ерши. Кн. 1930, 22; КМШ 1957, 55; Раз. 1957, 26; *В.-рус.* Рыбн. 1961, 73; Тан. 1986, 94; Ан. 1988, 197.

На Руси никто с голода не умирал (не помирал). Сн. 1848, 248; ДП 1, 68; Д 1, 369; Ил. 1915, 330.

На Руси никто с голоду не умирывал. ДП 1, 68; Д 1, 369.

На Руси – прежде гостю поднеси. Сок., 224.

На Руси, слава Богу, дураков на сто лет припасено. Тан. 1986, 94.

На Руси тот дворянин, кто за всех один. Под., Зим. 1956, 64.

Руси веселие есть питии. Мих. 2, 207.

У нас на Руси прежде гостю поднеси. Сок., 156; Твер. ТПП 1993, 40.

У нас на Руси силу за пазухой носи. Под., Зим. 1956, 26.

Что творится на Руси, вам расскажет Би-би-си. Шутл.-ирон. Сок., 399.

За Русь иди вперёд, не трусъ. Раз. 1957, 34.

Прилетел на Русь гусь, погостил да улетел. Сок., 156.

Русь мудрена. Колым. Богораз 1991, 332; Тан. 1986, 132.

Русь под снегом заоченела. Тан. 1986, 132.

Русь святая белу свету голова. Д 1, 367.

4. Наричательные «полуимена».

В отличие от трех предшествующих групп, ономастический статус этой группы не столь определен и зависит от этимологического прочтения конкретной лексемы. Е. С. Отин не только не элиминирует такого рода «полуонимы», но и подвергает их скрупулёзному этимологическому рассмотрению, не скрывая от читателя спорности расшифровки их внутренней формы. Так, обширная словарная статья посвящена донецким исследователем экспрессивному слову **олух** ‘глупец, дурак, дубина стоеросовая; часто просто ругательное слово’ и образованному на его основе фразеологизму **олух царя небесного** ‘глупец, болван, тупица’ [Отин 2006, 281-284]. Принимая в принципе гипотезу А.А. Шахматова и Б.М. Ляпунова о связи этого слова с личным именем *Олуферий* и анализируя варианты этого имени в ономастических словарях, Е. С. Отин предполагает, что оно перешло в разряд бранных экспрессивов в форме *Олуф*, изменившемся затем в *Олух*. Несмотря на выстроенный им достаточно убедительный ряд фонетических, словообразовательных и семантических моделей такого развития формы и семантики слова **олух**, Е.С. Отин излагает с пониманием и другие этимологические версии, не исходящие из возможности апеллятивизации коннотативного мужского имени. Одна из наиболее признаваемых (А.И. Соболевский, М. Фасмер, Г. Дьяченко и др.) – возведение этого слова к др.-рус. *волух* ‘коровий пастух’. И хотя сам Е.С. Отин придерживается, как мы видели, иного мнения, он не только досконально разбирает эту традиционную расшифровку, но и приводит факты в пользу аргументации своих оппонентов – например, возможность влияния на фразеологизацию слова **олух** парафразы **царь небесный** ‘Бог’. «Контрастное сочетание неизменившейся части фразеологизма (*царя небесного*) с новым стилистически сниженным словом *олух* только усилило экспрессию всего оборота», – заключает автор [Отин 2006, 284].

Наши словари, ставшие основой «Полного фразеологического словаря русских народных говоров» фиксируют и другие обороты со словом **олух**, подтверждающие его негативный семантический потенциал:

ОЛУХ * Сидеть как олух. Пск. Презр. О сидящем, ничего не воспринимая, не понимая и не наблюдая вокруг себя человеке. СППП 2001, 108; ПОС 23, 196.

Олух непослухмянный. Перм. Бран. (1856). О непослушном глуповатом человеке. СРНГ 7, 266.

Олух олухом. Пск. Бран. Своевольный, непослушный ребенок. ПОС 23, 196.

Олух царя небесного. Прост., Пск. Пренебр. Глупец, простофиля, недотёпа. ФСРЯ, 29297; БМС 1998, 421; БТС, 1458; ДП, 437; СПП 2001, 58; Соколова 2009, 141.

Спились олухи. Жарг. мол. Шутл. Спелеологи. Максимов, 400.

Не будь олухов, не стало б и майданщиков. Д 2, 290.

Такой материал, собственно, и становится отправной точкой этимологических разночтений, часть из которых были рассмотрены Е.С. Отиным. В нашем историко-этимологическом словаре русской фразеологии (Бирих, Мокиенко, Степанова 2005, 497) отражены и многие другие (кроме уже рассмотренных), не выдерживающие собственно лингвистической критики².

Одни фразеологи связывают его с оборотом *послух царя небесного* ‘блаженный, юродивый’. Опыт 1987, 99; Зимин, Спириин 1996, 246. Другие производят от диалектного слова *лох* «разиня», *лух* «дурак», *оглух* «глухой, оглохший» или даже от арабского слова *олух* «дуралей», «грубиян». Вартаньян 1973, 176. Ещё более надуманные интерпретации – прямая связь с чагатайск. *алук* «растерянность, одурение». Виноградов 1968б, 21–22; Виноградов 1977, 286 или с фин. *ölisko* «дурак». Трусман; Виноградов 1977, 286–287 или с корнем *-лух-* (*-люх-*), известным в болгарских диалектах, где есть и слово *залух* «рассеянный, тупой человек». Р. Бернар, Виноградов 1977, 287.

Рассматривая эти разнонаправленные толкования, мы предложили такое, которое в какой-то мере учитывает расшифровку Е.С. Отина, но опирается на факты народной речи, – уже потому, что фразеологизм зафиксирован в восточнославянских языках и некоторых диалектах, напр.: бел. *олух цара нябеснага*, укр. (черкас.) *оглух царя небесного*, (полт.) *охух царя небесного*. Ср. *послух царя небесного*. Мар. ССР. Юродивый. СРНГ 30, 181, где *послух* – ‘послушник’. Слово *олух* имеет в народных говорах и целый ряд однокоренных слов: пск. *волух* ‘лентяй’, *валух* ‘дурак’, *валуй* ‘неповоротливый человек, увалень’, *валях* ‘лентяй’, ‘неряха’ и др. Все эти существительные – производные глаг. *валяться*, почти все они обозначают и бездельника, и глупца. Фонетически объяснить превращение *волуха* в *олуха* нетрудно, ср. в народной речи: *ольха* – *вольха*, *огонь* – *вогонь* и др. Итак, первоначальным значением слова *олух* было ‘лодырь, лежебока’, затем оно развивает и значение ‘глупый’, ведь лень – мать всех пороков, в том числе и глупости. Всё выражение *олух царя небесного* расшифровывается легко на фоне его народных синонимов *пень Божий* и бел. *темцюр цара небеснага*. Известно, что юродивые, шуты, нищие и др. блаженные пользовались особой милостью небесного царя – Бога. *Олух царя небесного*, следовательно, – это один из таких ленивых глупцов, который ждет милости от небесного царя. Мокиенко 1975, 50–53; Опыт 1987, 99; Зимин, Спириин 1996, 246. Ср. *нашего Бога дурень* – прозвище, которое запорожцы сделали частью титула Султана в своем письменном ответе ему. Михельсон 1902, I, 741 и поговорку *олух царя небесного, нашего Бога дурень*. Словарь образных выражений 1995, 184.

Из богатого ономастического арсенала словаря Е.С. Отина, в силу лимита места, пришлось выбрать лишь отдельные примеры, перекликающиеся с материалами нашего полного фразеологического словаря русских народных говоров. Список же такого рода имён, коннотативный потенциал которых исчерпывающе описан Е.С. Отиным, неисчерпаем: *Дунька, Клава, Марья, Машка, Мотя, Фефёла, Федула, Федура, Фёкла; Иван, Иванович, Егор, Емеля, Ероха, Макар, Мирошка, Митрий, Митька, Пантюха, Тюха, Сидор, Федя, Федор, Ферот, Федул, Федюшка, Фома да Ерёма, Фомка да Ерёмка, Фофан, Яков...*

Как видим, сопоставление материалов «Словаря коннотативных собственных имен» и «Полного фразеологического словаря русских народных говоров» ещё раз демонстрирует непреходящую научную ценность капитального труда Е.С. Отина.

² Список сокращений источников см. в цитруемом словаре,

Посвятив жизнь исследованию славянской ономастики, донецкий учёный убедительно продемонстрировал её мощный коннотативный потенциал во всех разновидностях народной речи, включая диалектную и жаргонную лексику и фразеологию. Уложив результаты своих трудов в прокрустово ложе словарных статей, он оставил нам не только бесценное лексикографическое наследие, но и животворный стимул для дальнейших поисков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакова Д., Вальтер Х., Венжинович Н.Ф., Гутовская М.С., Иванов Е.Е., Мокиенко В.М. Лепта библейской мудрости. Библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / авторы-составители: Д. Балакова, Х. Вальтер, Н.Ф. Венжинович, М.С. Гутовская, Е.Е. Иванов, В.М. Мокиенко. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова. – 2014. – 208 с.
2. Балакова Д., Ковачова В., Мокиенко В.М. Наследие Библии во фразеологии. – Грайфсвальд: Ernst-Moritz-Armdt-Universität Greifswald, 2013. – 307 с.
3. Кондратьева Т. Н. Метаморфозы собственного имени. Казань: изд-во КГУ, 1983. – 110 с.
4. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов. /СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина. – Под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926. [2] с.
5. Мгеладзе Д.С., Колесников Н.П. От собственных имен к нарицательным. – Тбилиси, 1970.
6. Мокиенко В.М. Принцип лексикографической полноты и славянская фразеология «Славянская филология. Вып. VIII. – СПб.: изд-во СПбГУ, 1999. – С. 56-70.
7. Мокиенко В.М. Перевоплощенное имя // Е. С. Отин. Словарь коннотативных собственных имен. – М.-Донецк, 2006: – С. 5-10.
8. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений. – Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.
9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений. – Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. – 784 с.
10. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц. – Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М.: «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
11. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. — Донецк: ООО «Юго-Восток», Лтд.», 2004. – 412 с.
12. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. – М.-Донецк, 2006: – 436 с.
13. Отин Е. С. «Все менты – мои кенты...» (Как образуются жаргонные слова и выражения). – М.: 2006 «Издательство ЭЛПИС», 2006а. – 384 с.
14. Отин Е.С. Избранные работы. I. – Донецк: «Донеччина», 1997. – 470 с.
15. Отин Е.С. Избранные работы. II. – Донецк: «Донеччина», 1999. – 400 с.

Поступила в редакцию 12.04.2017 г.

OTIN'S ONOMASTIC DICTIONARY AND PHRASEOLOGY IN THE "COMPLETE PHRASEOLOGICAL DICTIONARY OF RUSSIAN FOLK DIALECTS"

V.M. Mokienko

The article offers a comparative analysis of onomastic phraseology, described by E.S. Otin in his "Dictionary of Connotative Proper Names" (2006), and in the "Complete Phraseological Dictionary of Russian Folk Dialects", compiled under the guidance of the author of the article at St. Petersburg University. The significance of E.S. Otin's works and the wide possibilities of using the materials of this dictionary in compiling dictionaries of Russian dialect phraseology are highlighted. The correctness of definitions, attention to the linguistic and cultural parameters of the described phraseological units, the exact characterization of the

connotative potential of proper names that underwent the process of appellativization – all these qualities make Otin's dictionary a significant contribution to onomastics and lexicography.

Key words: onomastics, a proper name, a common name, metamorphosis of proper names, appellativization, a phraseological unit, phraseological analysis, dialect phraseology, "Complete phraseological dictionary of Russian folk dialects".

Мокиенко Валерий Михайлович.

Доктор филологических наук, профессор.
Санкт-Петербургский университет.
профессор кафедры славянской филологии,
председатель Фразеологической комиссии
при Международном комитете славистов
почётный работник высшего профессионального
образования РФ
E-mail: mokienko40@mail.ru

Mokienko Valerij Michajlovich

Doctor of Philology, Professor
Sankt-Petersburg University
Professor of Slavic Philology Department
E-mail: mokienko40@mail.ru

УДК 81'373.2: 821.161.1 Забирко

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОБСТВЕННЫХ ИМЁН В РОМАНЕ В. ЗАБИРКО «АНТРОПОГЕННЫЙ ФАКТОР»

*Почему я предпочитаю научную фантастику?
Наверное, потому, что я не только homo, но и sapiens.
В. Забирко*

© 2017. Н. Е. Касьяненко

В статье проанализированы собственные имена, составляющие онимное пространство романа В. С. Забирко «Антропогенный фактор». Исследованы структурно-семантические особенности различных категорий собственных имён в научно-фантастическом произведении, выявлены их специфические функции, обусловленные жанровыми особенностями, определена эстетическая значимость в художественной коммуникации.

Ключевые слова: научная фантастика, региональная литературная ономастика, Виталий Забирко, онимы, функционирование.

С творчеством Виталия Забирко современные читатели уже давно знакомы. Фантастические произведения этого автора пополнили мировую копилку лучших образцов подобного жанра. Однако исследований, посвящённых конкретным аспектам, в том числе ономастическим, творчества названного писателя, по сути, нет. Между тем, изучение особенностей региональной ономастики не только способствует расширению наших представлений об особенностях творчества «местных» авторов, но и позволяет решать многие проблемы литературной ономастики. Именно этим продиктовано обращение к изучению собственных имен одного из известных донецких фантастов.

Роман «Антропогенный фактор», послуживший материалом исследования, вышел из печати в 2005 году и вскоре был удостоен Международной премии «Бронзовый Икар» как лучший научно-фантастический роман года.

Научная фантастика как жанр имеет давнюю традицию и свои особенности. По определению, данному в Большой Советской Энциклопедии, научная фантастика – это «научно организованная форма художественного воображения», она предполагает фантастические допущения в области науки, то есть посвящена художественному прогнозированию будущего. Действие в научно-фантастических произведениях происходит чаще всего в вымышленном будущем или в альтернативном настоящем. В анализируемом романе В. Забирко читатель сталкивается с действительными и вымышленными научными достижениями и фактами (теория антропоморфизма аборигенов, мнемоскопирование, генетическая программа воспроизведения, темпоральный кокон, антигравитационный луч и пр.), что, безусловно, наряду с другими особенностями, позволяет определить его жанровую принадлежность.

Обращаясь к рассмотрению языка названного произведения, представляется целесообразным проанализировать его ономастику, затронуть коммуникативный потенциал собственных имен (далее – СИ), особенности их функционирования и системной организации.

В романе «Антропогенный фактор» употребляется более 100 собственных имен, среди которых есть как реальные онимы, так и имена вымышленного характера, что абсолютно естественно и даже необходимо для произведения отмеченного жанра. В этом смысле стоит согласиться с утверждением Е. Ю. Андреевко в отношении того, что

“значимость онимии для создания художественно достоверной реальности, наверное, большая, чем в любом другом жанре художественной литературы” [2, с. 1].

Существенную эстетическую значимость в романе, как и в любом другом художественном произведении, приобретает, прежде всего, заглавие, являющееся ономастической единицей. Как показал в одной из своих фундаментальных работ И.Р. Гальперин, название носит проспективный характер, его “можно метафорически изобразить в виде пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развёртывания” [5, с. 133]. Иными словами, заглавие художественного произведения как ономастическая единица в концентрированном, свернутом виде намекает на какие-то события, обстоятельства, действия и пр., которые будут иметь место в дальнейшем.

В романе В. Забирко заглавие «*Антропогенный фактор*» нацеливает читателя на то, что речь в повествовании пойдёт о вмешательстве человека в определённые природные процессы и события. И действительно, предметом внимания читателей становятся природные катаклизмы на вымышленной планете, носящие отнюдь не естественный характер: «к естественным природным катаклизмам, – по словам самого автора, – это не имело никакого отношения». Но словосочетание-заглавие «*Антропогенный фактор*» связано еще и с тем, что главный персонаж, так называемый Наблюдатель Астаханов (на языке древних цивилизаций *сныфл*), находящийся в облике человека на вымышленной планете, принимает непростое решение пренебречь возможностью обретения бессмертия и перехода в мир «рационального разума». Человеческое в нем, как следует из развёртывания сюжета (совесть, порядочность, способность к настоящей любви и состраданию), побеждает. Это как раз тот случай, когда наблюдается «конфликт человека с изменившейся природно-социальной средой обитания», свойственный жанру научной фантастики.

Как правило, ключевая роль в ономастическом пространстве художественного произведения принадлежит антропонимам. Однако в контексте исследуемого романа не менее значимое место занимают астронимы и космонимы, то есть наименования небесных тел или других объектов космического пространства. Это не случайно, поскольку основные события повествования происходят не на Земле, а на другой планете, получившей название *Мараукана*. В соответствии с сюжетом названная планета является звеном в единой *Галактической сети*, объединяющей и другие небесные тела, что вполне закономерно для произведений научно-фантастического жанра, позволяющих смоделировать «возможную действительность». Вообще названия объектов космического пространства в своей семантике, с одной стороны фиксируют прошлое, а с другой – дают возможность «заглянуть» в будущее, не только демонстрируя ассоциативность мышления, но и раскрывая «ономастическую» фантазию автора, если речь идет о художественном произведении, воплощают его (автора) ономастическую картину мира.

Среди подобных собственных имен в ономастическом пространстве романа присутствует часть реальных названий: *Плутон* – планета Солнечной системы, *Веста* – одна из крупных малых планет, *Ганимед* – спутник Юпитера, *Кастор* – одна из звезд в созвездии Близнецов и др. Однако, по справедливому замечанию Ю. А. Карпенко в его фундаментальном ономастическом разыскании о наименованиях звездного неба, “словесные обозначения имеет лишь ничтожная доля известных астрономии небесных тел” [8, с. 7]. В этом смысле вымышленные наименования космических объектов фантастического романа выглядят логически оправданными, поскольку называют «неизвестные» с точки зрения современной науки небесные тела, выполняя в фантастическом произведении хронотопную роль, “очерчивая”, не только фантастическое пространство, но и фантастическое время. Это тот случай, когда, в

соответствии с концепцией М. М. Бахтина, “приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем” [3, с. 235].

Названия космических объектов представлены в романе В. Забирко наименованиями планет, в том числе представляющих колонии Земли, – *Маннаэяр, Пиронезе, Меченезе, Торбуциния, Абдейра, Плейшира*. Некоторые из подобных номинаций могут быть реконструированы, поскольку сами они не названы, однако в тексте фигурируют названия представителей иных планетных цивилизаций: *ораокульцы, крошане, басторийцы, каратоидяне* и пр. Стоит отметить, что в соответствии с ономастической традицией они также являются предметом рассмотрения. Помимо этого, в произведении присутствуют СИ звездных скоплений (*Тириады*), созвездий (*Созвездие Бригомейского Богомола*). Все эти названия создают новую созданную авторским воображением космическую «реальность», которая является своеобразным продолжением нынешнего осмысления вселенной.

Структура вымышленных космонимов отличается определенной степенью экзотичности, однако эта экзотичность “не режет слух”, поскольку в фonomорфологическом облике называемых объектов в ряде случаев содержатся морфемы, соотносящие эти придуманные названия с реальными. Приведем некоторые примеры. Так, собственное наименование вымышленного звездного скопления *Тириады* явно имеет «прототип» в виде космонима *Плеяды* (на это нацеливает греческий суффикс *-ад-*; название планеты *Торбуциния* включает компонент *-иј(а)*, оформляющий многие узуальные имена планет и их спутников, а также астероидов – *Гауссия, Даубия, Гималия* и пр. Имя представителей иной цивилизации – *каратоидяне* – намекает на номинацию *Каратоиды* (в узусе космонимы, оформленные суффиксом *-ид-*, называют метеорные потоки – *Аквилиды, Кассиопейды, Сагиттиды* и др.).

Показательно, что в процессе повествования автор-номинатор делает попытки «этимологизировать» вымышленные собственные имена. Так, название планеты *Мараукана*, на которой происходят события, получает у автора объяснение: «*по-несторийски «мара» означало «земля», но наиболее близкое по звучанию словообразование «Мараяванна» переводилось как «земля обетованная», что никак не могло соответствовать мертвому миру. Бытовало мнение, что это самоназвание планеты, однако каким образом оно могло дойти до нашего времени, если обитатели планеты исчезли с ее лица задолго до образования Галактического Союза, сведений не имело»* [7, с. 1].

Некоторые из приведенных названий, безусловно, отражают современные тенденции в номинации небесных объектов. Например, СИ безатмосферного планетоида у одноименной планеты – *Патимат II* – создано в русле принятых в астрономии словесно (буквенно-) – цифровых обозначений, носящих условный характер. Любопытно, что названное имя вызывает ассоциацию с шахматными терминами **ПАТ** и **МАТ**, возможно, потому что появление сверхновой звезды, по замыслу писателя, является неотвратимым, и участие человека (или антропоида) в этом событии не играет никакой роли. Наименование *Созвездие Бригомейского Богомола*, наверняка, отражает его метафорическую природу, поскольку, как представляется, очертание звезд, входящих в созвездие, напоминает насекомое-богомол, а определение *Бригомейский*, скорее всего, указывает на ареал его «распространения».

Не менее значимыми воспринимаются антропонимы, представленные в тексте. Эта категория онимов создана в целом по моделям реального имени. Все антропонимические единицы характеризуются двучленной структурой *имя+фамилия*. Их отличительной особенностью является тот факт, что принадлежат они

ономастическим системам разных народов. Экзоархеолог, например, носит японское имя *Тумаду Исорци*, дизайнер называется китайским именем – *Лю Джун*, инженер-дорожник *Мари Нолано* демонстрирует читателю французскую модель онима. Однако в романе национальная принадлежность персонажа конкретно не указана, а значимым коммуникативным признаком становится в этом случае «галактическое происхождение» носителя имени: *Любомир Сташев* и *Этасио Мугаджи* – земляне, архитектор *Хорхе Чивет* «родом из колонии Меченезе», инженер-биомеханик *Марко Вичет* – выходец из марсианской колонии, физик-тополог *Энтони Холодков* – «аспирант Института Физики Пространства на Тантаре». СИ в произведении В. Забирко, таким образом, выполняют **функцию пространственной ориентации**. Имя *Тулий Ктесий*, в частности, выдает «римское» происхождение героя, что не случайно, поскольку он уроженец земной колонии *Новый Рим*.

Не исключено, что отмеченный подход к подбору автором собственных имен обусловлен художественной задачей создания реальности будущего, в которой национальные различия как таковые, по замыслу автора, нивелируются. Об этом свидетельствуют и компоненты имени конкретного персонажа, в ряде случаев представленные в пределах одной модели онимами различных национальных систем: *Энтони Холодков*, *Рустам Борацци* и др.

Главный герой – *Вольдемар Астаханов* – землянин, имеющий вполне привычное имя. Единственное, что выделяет его, – нарочито претенциозная и несколько устаревшая с точки зрения современного языка форма *Вольдемар*, намекающая на «высокое» происхождение носителя имени (напомним, что данная форма, имеющая прибалтийско-немецкое происхождение, употреблялась в России в дворянских кругах вместо имени Владимир) [9, т. 1, с. 34]. Ономастическая единица *Вольдемар* сохраняет в своей семантике значения производящих компонентов: и.-е. *wal* – ‘сила’ гот. *māri mērs* ‘великий’. Думается, что главный персонаж романа не случайно наделен столь значимым именем – именно Вольдемар Астаханов находит в себе силы не противиться судьбе и покинуть мир рационального разума, что само по себе расценивается как трагедия (см. об этом подробнее: [4]).

Такая в определенной степени характеризующая функция СИ является ведущей и по отношению к некоторым прозвищам, включенным в онимическое пространство произведения. Так, в частности один из основных романских персонажей *Гримур* получил в сложившемся коллективе прозвище *Сильвер*. Примечательно, что в данном случае образность восприятия усиливается отнюдь не благодаря этимологии имени (англ. *silver* буквально означает ‘серебряный’), на что может обратить внимание читатель и что действительно первым пришло в голову главного героя. Это подтверждается и контекстом: «С Сильвером? – удивленно переспросил я. – С чего это вы Гримура так называете? Коммодор ведь не седой...» [7, с. 16].

В этом случае акцентным моментом в авторской интерпретации имени становится «вторичность» использования онима, его интертекстуальный характер, отсылающий к известному персонажу романа Р. Льюиса Стивенсона «Остров сокровищ» – одноному пирату Сильверу. По оценке одного из персонажей, «У Гримура с ним много общего: ходит, будто на костылях, вечно мрачный, живет в полутьме...» [7, с. 16]. Помимо этого, Гримур, как и все переселенцы мужского пола с его планеты Маннаэяра, имел «дефект “козлогости”, стойко передающийся по наследству. В скелете мальчиков полностью исчезли предплюсны, плюсны и фаланги стоп, берцовые кости в основании разошлись, так что образовали двупалые конечности с ороговевшими окончаниями» [7, с. 5].

Упомянутую выше функцию ориентации в пространстве выполняют в тексте романа и немногочисленные эргонимы – *Галактическая сеть, Галактический Союз, Майлетский Ксеноисторический Центр, Служба галактической безопасности, туристическая фирма «Млечный путь»*. Эта категория собственных имен также отражает в определенной степени реальный именник, поскольку включает типичные идентификаторы эргоминации – слова, указывающие на определенный вид, профиль делового объединения: *сеть, союз, центр служба, фирма* и пр.

Зоонимов в произведении В. Забирко всего два – это паук *Араней* и имитант кугуара, по прозвищу *Куги*, наделенный «кошачье-собачьими повадками». Эти два СИ выполняют важную роль, т.к. являются своеобразными **маркерами жанра научно-фантастического романа**. Через зооним *Араней* автор апеллирует к научной латыни, объясняя, что «*Aranei*, по латыни, просто паук» [7, с.4]. Кроме того, названный оным становится средством экскурса в арахнологию, способом научного разграничения собственно пауков и паукообразных: «*Все верно... – сказал он. – Это не Aranei, а, скорее, Aranida*» [7, с. 53].

Наличие в романе кугуара-биоимитанта – это тоже способ представить читателю «изобретения» человечества: «Я ее [искусственную тварь – Н.К.] использую исключительно в качестве подушки. Удобно, знаете ли... Терморегуляция у нее настроена идеально» [7, с. 2]. Латинское *cougar* означает пума, а прозвище *Куги* представляет собой видоизменение апеллятивной единицы. Деминутивная форма прозвища не только является результатом онимизации, но и кумулирует в себе определенный коннотативный потенциал, отражающий коммуникативную значимость названного романного персонажа: дружелюбность имитанта, его игривость, способность улавливать настроение главного героя, своеобразная «собачья» преданность и, наконец, самоотверженная гибель в схватке с *Аранеем* являются показателем особого типа отношений между персонажами – отношений человеческих. Таким образом, выбор варианта наименования является ситуативно обусловленным и отражает материальное воплощение образа биоимитанта.

Среди реальных собственных имен особую роль в романе выполняют так называемые *аллюзивные* собственные имена. Явление аллюзии как стилистического приема предполагает намек на известное лицо, а также на какой-либо исторический или культурный факт. Думается, что инструментом аллюзии становятся, в первую очередь онимы, поскольку само по себе собственное имя, даже использованное вне контекста, уже намекает на определенное событие или явление, с которым оно соотносится в реальности, оно является в высшей степени экстралингвистическим. Исследователи замечают, что «любая аллюзия предполагает выход за рамки текстового хронотопа» [1]. В этом смысле аллюзивные единицы, реализующие вторичную номинацию, «пробуждают» культурную память читателя и, по сути, являются именами двойной референции, так как соотносятся не только с романным персонажем (явлением, реалией) художественного произведения, но и с реалиями действительности.

В контексте научно-фантастического романа В. Забирко привлекают внимание *ИС-аллюзии на личности ученых*, что вполне логично для жанра научной фантастики. Таковым, например, является СИ *Архимед*, которое автор использует в составе сравнения, намекая тем самым на то, что одно из своих открытий Архимед сделал, сидя в ванне: «Возможно, в среде высокооплачиваемых специалистов и принято рассматривать голографические проекции, сидя в ванне, подобно Архимеду <...>».

В отдельных случаях аллюзивные СИ «просматриваются» в наименованиях научных явлений: «<...> свет в окнах выглядел столь же мистически, как *огни Святого Эльма* на кладбище» [7, с. 30]. Огни Святого Эльма – реальное физическое явление

возникновения коронарного разряда на острых концах высоких предметов; святой Эльм (Эразм) – покровитель моряков в католицизме. Подобного рода СИ *Мальстрём*, входящее в состав конструктивно не выраженного сравнения: сидя на искусственной платформе над космической бездной, главный персонаж ощущает состояние «парения над вселенским Мальстрёмом» (Мальстрём – самый мощный в мире водоворот в Норвежском море).

Присутствуют в повествовании и *библейские ИС-аллюзии*, в частности онимы *Офир* и *Голгофа*. *Офир* (по словам Иосифа Флавия, Золотой Херсонес) – знаменитая в древности восточная страна, известная добычей золота и драгоценных камней. Автор упоминает это СИ в связи с толкованием так называемого «зеркала мрака» современными героями кладоискателями. «Зеркало мрака» в качестве границы между различными Вселенными так же, как и *Офир*, воспринимается как часть легенды, а не как достоверное явление. Подобными СИ являются *Шамбала* – мифическая страна в Тибете, которую связывали с местом рождения Калки – будущей аватары Вишну; *Голгофа* – лобное место (в романе космическая платформа над планетой Мараукана напоминает химеричную тучу – вспомним, что в момент казни Христа все вокруг потемнело).

В тексте произведения встречаются и *они́мы-аллюзии на историческое лицо*, например коннотоним *Сусанин* в значении ‘проводник’. Так Астаханов называет биокибера, показывающего ему путь. Предметом аллюзии в романе выступают и *литературно-художественные* ссылки, например *Буриданов осел*, пират *Сильвер*, и *мифологические* образы – *Прометей*, и даже *фольклорные* – *Илья Муромец*, *Иван-царевич*, *Иван-дурак*.

Примечательно, что аллюзивные собственные имена выполняют в романе В. Забирко роль художественной детали, входя в состав сравнений или метафор. При этом качества и характеристики реальных персонажей или объектов переносятся на объекты фантастического произведения. Целью такого рода аллюзий является не просто желание дополнительно охарактеризовать персонажа, объект или ситуацию, но и стремление *установить связь фантастической действительности с реальной*, что достигается путем создания разноуровневого ассоциативного фона земного мира. Именно благодаря аллюзивным СИ земная действительность “просвечивает” через фантастический мир, а система аллюзивных онимов играет роль своего рода матрицы, на которую наслаиваются вымышленные онимы.

Подводя некоторые итоги проведенного анализа, можно утверждать следующее:

1) значительная часть собственных имен в ономастическом пространстве романа В. Забирко обусловило функционирование в научно-фантастическом романе ономастических единиц двух типов – узуальных и окказиональных. Особенностью авторского использования ономастических единиц можно считать стремление семантизировать отдельные онимы;

2) одним из наиболее частотных разрядов СИ, представленных в произведении, являются наименования космических объектов, которые играют роль *хронотопных* ономастических единиц, создавая пространство неосвоенных звездных систем и фиксируя условное романное фантастическое время. При этом вымышленные онимы носят относительно экзотический характер, включая элементы, свойственные узуальным собственным именам;

3) специфической ономастической чертой является использование онимизированных латинских терминов, являющихся своеобразными маркерами произведения научно-фантастического жанра;

4) антропонимические единицы в романе В. С. Забирко, помимо выполнения универсальной номинативной функции, а также характеризующей, реализуют функцию пространственной ориентации, отражая, прежде всего, «географию» представителей Галактического Союза;

5) особая роль отводится в романе В. Забирко аллюзивным собственным именам, система которых представлена как своего рода матрица и является связующим звеном между существующим миром и вымышленной реальностью научно-фантастического произведения.

Все сказанное лишний раз убеждает читателя и исследователя в мысли о том, что собственные имена в произведениях научной фантастики играют не менее значимую роль, чем иные лингвистические (и нелингвистические) средства создания реальности будущего, и роман В. С. Забирко является тому подтверждением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алтухова О.Н. Аллюзивные ономастические единицы как средство создания мегаконтекста в произведениях В. Пелевина /О. Н. Алтухова // Paradigmata poznani. – 2014. – № 3 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://sociosphera.com/>
2. Андреевко, О.Ю. Комунікативно-прагматичний потенціал власних назв у науково-фантастичному тексті: автореф. дис. ...канд. філолог. наук: 10.02.19 – теорія мовознавства / Андреевко Олена Юріївна – Одеса, 1992. – 17 с.
3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. Литература, 1975. – С. 234 – 407.
4. Белозеров М. Рецензия на роман Виталия Забирко «Антропогенный фактор» / М. Белозеров [Электронный ресурс] Режим доступа: http://samlib.ru/b/bubjakin_m_j/antropfakt.shtml
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / Гальперин И. Р. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
6. Дьяконова Е. С. Интертекстуальность имен собственных в произведениях жанра фэнтези / Е. С. Дьяконова // Вестник Челябинского госун-та. – 2010. – № 13 (194). Филология. Искусствоведение. – Вып. 43. – С.34 – 38.
7. Забирко В. С. Антропогенный фактор / В. С. Забирко. – М.: Эксмо, 2005. – 352 с.
8. Карпенко Ю.А. Названия звездного неба / Ю. А. Карпенко. – М.: Наука, 1981. – 184 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / М. Фасмер / Под ред. Б. А. Ларина. – Т. 1 (А –Д). – М.: Прогресс, 1986. – 576 с.

Поступила в редакцию 12.04.2017 г.

FUNCTIONING OF PROPER NAMES IN THE NOVEL «ANTHROPOGENIC FACTOR» BY V. ZABIRKO

N. E. Kasyanenko

The article analyzes proper names that make up the onymic space of V. S. Zabirko's novel «Anthropogenic Factor». The structural and semantic features of various categories of proper names in a science fiction work are investigated, their specific functions due to genre features are revealed, aesthetic significance is determined in literary communication.

Keywords: science fiction, regional literary onomastics, Vitaly Zabirko, onyms, functioning

Касьяненко Наталья Евгеньевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Доцент кафедры общего языкознания и истории языка им. Е. С. Отина.

E-mail: kasyanenko_natusya@mail.ru

Kasyanenko Nataliya Evgenievna

Candidate of Philology, Docent

Donetsk National University

Associate Professor at Department of General Linguistics named after E. S. Otin.

E-mail: kasyanenko_natusya@mail.ru

УДК 801.313:802.0

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ СМИ КАК ИСТОЧНИК ОККАЗИОНАЛЬНОЙ АНТРОПОНИМИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

© 2017. *Е.В. Киселева*

В статье проанализированы основные лексико-семантические особенности окказиональных антропонимов современных англоязычных медиа. Выявлены наиболее частотные словообразовательные модели, используемые в создании окказионализмов. Сделаны выводы о наметившихся тенденциях в обновлении словообразовательных средств современного английского окказионального антропонимикона

Ключевые слова: окказиональный антропоним, словообразовательные средства, англоязычные СМИ.

Слову в лингвистике как основной языковой единице посвящены многие исследования и уже изучены многие проблемы, относящиеся к нему, но тем не менее, круг вопросов, связанных со словом, расширяется. Объясняется это тем, что положение его в системе языка особое – главенствующее, центральное, причастное ко всем языковым уровням. Постоянные изменения в лексике современного английского языка, вызванные как интралингвальными, так и экстралингвальными причинами, привлекают внимание исследователей, так как лексика прямо или косвенно отражает действительность, реагирует на изменения в общественной, политической, материальной и культурной жизни, постоянно пополняется новыми словами для обозначения предметов, явлений, процессов, понятий.

Исследование окказионального словообразования имени собственного (ИС) дает представление о словотворческих потенциях системы языка (в нашем случае – английского). Несмотря на значительное количество работ, посвященных общему анализу окказиональных лексических единиц [1–4], роли прагматических факторов их порождения в речи [5–9], культурологического аспекта их рассмотрения [10], анализу их в художественном произведении [11], вопрос функционирования окказиональных антропонимических единиц в газетном тексте [12–15] является недостаточно изученным, что и обусловило выбор темы для написания данной статьи.

Актуальность данного исследования можно определить обращением к динамическому аспекту словообразования, который позволяет рассмотреть процесс формирования нового значения в возникающем производном слове, акцентируя внимание на примате семантики.

Объектом анализа являются окказиональные онимные и отонимные лексические единицы английского языка, которые представляют собой новые для данной языковой системы объединения единиц определенного уровня, в которых окказиональным является и характер компонентов, и сам факт их объединения и/или то значение, которое такое объединение получает в контексте порождающей коммуникативной ситуации.

Материалом для исследования послужили 217 окказиональных лексических единиц, выявленных методом сплошной выборки в текстах британских газетных изданий “The Times”, “The Daily Telegraph”, “The Guardian” за период с 2005 года по настоящее время.

Окказиональное СИ, как и любой оним, отличается от имени нарицательного (ИН) тем, что связывается не с классом, а с индивидуальным предметом, то есть называет объект, неповторимый в своей данности. Мы считаем, что эта особенность СИ основана на восприятии онима в его семантико – функциональном единстве, когда функциональная характеристика слова приобретает первостепенное значение, так как она является основанием для оппозиции имя нарицательное – имя собственное в любом языке, другими словами, ИН и ИС различаются как слова с противоположными функциями – функцией общего имени и функцией единичного имени.

Окказиональные СИ свидетельствуют об огромных потенциальных возможностях словообразовательной системы современного английского языка, реализация которых, например, в языке СМИ, приводит к формированию новых словообразовательных моделей в сфере СИ. Окказиональные антропонимы из нашей выборки представляют собой разнообразные типы и способы наименования людей: личные имена – *Shamela*, составные наименования – *John Bull-calf*; фамилии – *McFuneral*; прозвища – *Primadon* и т.п.

Основной функцией ИС, как и любого другого имени, является назывательная. Е.С.Отин по этому поводу пишет: «...собственные имена – это сфера повышенной номинации» [9, с. 57]. Главной особенностью процесса номинации окказиональными СИ является то, что этот процесс всегда носит вторичный характер, так как Оно присваивается объекту, который либо уже имеет имя, либо вообще не нуждается в идентификации. В связи с этим ономастическая окказиональная номинация имеет свои особенности. Во-первых, процесс присвоения окказионального СИ объекту всегда представляет собой номинативное творчество, а сам характер названия будет искусственным. Однако кажущаяся искусственность номинации является продуктом сознательного конструирования имени, которое отсутствует в существующем антропонимиконе. Нередко процесс окказионального имятворчества носит случайный, ситуативный, даже спонтанный характер и, следовательно, не является результатом естественного отбора в речевой практике. Во-вторых, в узусе СИ никогда не отражают свойств объекта, которому они присваиваются – «образ, лежащий в основе значения имен собственных, как правило, не соответствует свойствам их носителей» [5, с. 39]. А.В.Суперанская справедливо утверждает, что «можно говорить лишь об их мотивировке, но не об их метафоричности» [6, с. 243]. Что же касается Оно, то в основе наименования нередко лежит отражение сущности тех объектов, которые они называют. Это, на наш взгляд, обусловлено тем, что Оно в силу своей специфики обладают четко выраженной внутренней формой, в то время как узуальное СИ – это чаще всего имена с затемненной внутренней формой, которая способствует их деэтиологизации и утрате мотива наименования [6, с. 51-52]. Следовательно, если узуальные онимы утрачивают свою внутреннюю форму «из – за отсутствия потребности в ней общества, пользующегося собственными именами» [5, с. 9], то Оно, напротив, сохраняют внутреннюю форму, поскольку ее стирание тесно связано с потерей окказиональности и переходом СИ в другой стилистический ракурс. Проиллюстрируем это на следующем примере. Антропоним *Shamela* был образован по аналогии с узуальным именем *Ramela*, но на основе ассоциативного созвучия с узуальным словом *shame* < ‘стыд, позор’ >. Учитывая, что данный антропоним именуется субъект, который представляет интерес лишь для небольшого числа лиц, то вряд ли этот Оно получит широкое распространение и перейдет в разряд узуальных СИ, а значит в сознании человека создавшего антропоним *Shamela*, всегда будет жить образ, породивший

данный оним, отражающий свойства субъекта: «*Everything in Pamela's life was a shame. Even her new name – Shamela*». The Guardian, May 19, 2014.

Большую часть окказиональных онимов (ОнО) и отонимных окказионализмов (ОтО), безусловно, составляют проприальные единицы, имеющие окказиональную структуру. Это онимы, созданные с нарушением основных законов словообразования. В задачи настоящей статьи входит рассмотрение словообразовательной структуры окказиональных онимов с учетом словообразовательной семантики ОнО в пределах словообразовательного типа, выявление живых тенденций в современном словообразовании на базе СИ, приводящих к формированию новых словообразовательных типов, характеристика наиболее продуктивных из них. Термин «тип» по-разному понимается в ономастике и в словообразовании. А.В.Суперанская указывает, что в ономастике, говоря о типах СИ, «имеют в виду топонимы и антропонимы, личные имена и прозвища и т.п.» [6, с. 54]. Особо многочисленную группу ОнО составляют инновации, относящиеся к сфере антропонимов. Совершенно справедливо отмечает Е.С.Отин, «что окказиональным антропонимом следует считать любое собственное имя человека, которое создано по окказиональной антропонимической модели и является результатом определенного стилистического задания» [7, с. 57].

Английская антропонимическая система на современном этапе развития языка сводится к двум минимальным единицам: личное имя и фамилия. Однако зачастую англичанин получает дополнительное или среднее (middle) имя. Современная английская антропонимическая система сложилась под воздействием многочисленных исторических факторов, повлиявших на язык и систему имен в частности [4, с. 119].

Рассмотрим вначале окказиональные личные имена, зарегистрированные в языке масс –медиа, наиболее популярных в Англии. Наблюдения над фактическим материалом позволили выявить одну из главных особенностей в образовании окказиональных личных имен, а именно, – использование телескопного способа словообразования. «*N.Kidman is known as Nannyrella in America*». – The Guardian, March 5, 2010. Окказиональный антропоним возник в результате слияния апеллятивной основы *nanny* < няня и «осколка» личного имени *Cinderella* < Золушка. По замыслу адресанта «осколок» *-rella* несет в себе сему «добра и заботы об окружающих», присущих денотату. Актриса Н. Кидман организовала сеть приютов для бездомных детей и сирот, заслужив славу «всеамериканской няни», которой свойственны черты характера Золушки. По этой же модели было создано еще одно личное имя: «*A young student became a modern-day Nipporella when she married Japan's Prince Aja in an ancient ceremony*». – The Times, July 7, 2004. В данном случае телескопным образованием стали усеченные части японского варианта названия страны Восходящего Солнца – *Nipponica* и морфологического компонента *-rella* со значением «принцесса из сказки», так как невеста японского принца происходила из семьи менее чем со средним достатком.

Несколько окказиональных онимов были созданы по аналогии с известными фиктонимами: «*Three of them – Gowell, Gobet and Gobest – are the most reliable servicemen in home policy*». – The DT, October 2, 95. Данные ОнО были созданы по образцу антропонимов из поэмы У.Лэнгленда «Петр Пахарь», в которой фигурируют также окказиональные онимы *Dowell, Dobet и Dobest* – господа Делай хорошо».

Единичным случаем в выборке оказалось трехкомпонентное личное имя: «*Linda Beatle Paul was a committed vegetarian*». – The DT, December 7, 2010. В качестве дополнительного, среднего имени, используется составное имя Beatle Paul, указывающего на

участника легендарного ансамбля Битлз Пола Маккартни. В связи с этим дешифровка истинного имени не составляет труда – речь идет о Линде Маккартни, первой жене знаменитого музыканта. Единственным в своем роде оказалось и образование, построенное по модели «имя + отчество», присутствующей в системе русской антропонимии. Особенностью Оно является то, что именование мотивировано мифонимом, который опосредовано указывает на профессиональную принадлежность деятеля: «*Everybody calls him **Terpsichor Terpsichorich***». – The Guardian, October 2, 2013. Имя музы танца претерпевает орфографические изменения *Terpsichor* – *Terpsichore*, а отчество приобретает необычное для английского языка звучания благодаря транслитерированному – просторечному форманту – ыч из русского языка. Прагмалингвистическая заданность данного Оно очевидна, так как адресат с помощью мельчайших языковых подсказок определяет, что *Terpsichor Terpsichорыч* – танцор русского происхождения. Оно, использующий в своем составе нестандартный набор словообразовательных морфем, сразу же привлекает внимание своей необычностью: «*They have filed a lawsuit against the makers of **Jungle Heat**, a film with **Tarzanka***». – The DT, August 10, 2006. В английском языке существует суффикс –*ess* для обозначения деятеля женского рода. Для создания юмористического эффекта был использован не указанный суффикс, а заимствованный из русского языка суффикс –к –, оформленный окончанием «а», показателем женского рода в русском языке, совершенно излишним для английского.

Довольно широкое распространение в языке английской публицистики получили окказиональные прозвища, которые необходимо понимать как **дополнительное неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по какой –либо аналогии, по происхождению и другим мотивам**. Необходимо отметить, что прозвища, в том числе и окказиональные, как правило, функционируют в речи ограниченного количества носителей языка или в узких рамках определенных социальных групп, то есть **их можно отнести к кругу проблем индивидуального говорения**. Целый ряд шуточных прозвищ были мотивированы фиктонимами. «*John Bull, John Bul-calf and Johnness are the only visitors*». – The Guardian, February 2, 2014. Шуточное наименование англичанина John Bull обязано своему появлению памфлетисту и эссеисту Дж. Арбетноту, который и создал образ простоватого фермера, олицетворяющий собой с тех пор лицо нации. Прозвище претерпело в данном примере некоторые изменения и с помощью морфологических словообразовательных средств дало жизнь Оно *John Bull-calf* (обозначение для ребенка, букв. Джон Бычок) и *Johnness* (то есть жена Джона Булля). Эффект возникновения окказиональности при образовании прозвищ, мотивированных фиктонимами, может возникнуть и в результате нарушения семантических ограничений модели: «*It's my Humpty-Dumptress*». – The Guardian, February 17, 2009. Мотивирующей основой для создания прозвища может быть даже реалья из церковной службы. В день особо почитаемых церковных праздников в кафедральных соборах используются все имеющиеся колокола, это действие называется *treble bob* (перезвон, трезвоню). В просторечии существует выражение *to treble* (растрезвонить), то есть всем обо всем рассказать. Отсюда и появилось прозвище *Bob Treble* (Боб Трезвонщик), в котором компоненты апеллятивной основы поменяли местами для придания прозвищу более убедительной формы, так как имя Bob является очень распространенным в Англии: «*His nickname, Bob Treble, speaks for itself*». – The Guardian, August 11, 2007.

Иногда прозвище используются с чисто прагматическими целями, как это было, например, в самый напряженный предвыборный период в Англии – конец 2015 года.

Газета «The Times», печатный орган консервативной партии, вела бескомпромиссную борьбу с лейбористами, и в этой борьбе все средства были хороши, даже лингвистические. В одном из номеров газеты были опубликованы антропонимизированные прозвища соперников по политической борьбе. Соперники получили аллегорические имена фитонимов, ключевым словом в которых было слово **Rose** (роза). Экстралингвистическая информация подсказывает, что война Белой и Алой Роз послужили мотивом для подобного наименования противников в борьбе за власть. Для пушей убедительности СИ-фитонимы были снабжены псевдолатинскими соответствиями, мотивированные СИ. Вот этот список: **Climbing Rose** (карабкающаяся Роза – *Blairus primus*); **Dog Rose** (Шиповник Собачий – *Blunkettus caninus*); **Dwarf Rose** (Низкорослая Роза – *Cooca scotia*). Ирония и сарказм, заключенные в данных прозвищах, помогают судить о накале страстей в ходе предвыборной кампании.

Большое разнообразие способов образования наблюдается у группы окказиональных фамилий. Окказиональные фамилии чаще всего оказывались принадлежностью различного рода газетных комментариев и писем читателей в адрес редакторов. Самое большое количество окказиональных фамилий было создано с использованием фразеологизмов для достижения комического эффекта. Рассмотрим наиболее интересные из них. «*Don't allow them to call you Mr. Atbay*». – The DT, May 29, 2012. «*Better call her Mrs. Atbottom*». – The DT, January 12, 2014. Данные ОнО образовались от сочетания незнаменательной лексемы со знаменательной: **at bay** (быть в отчаянном положении); **at bottom** (по существу, по сути дела). Эти одновершинные адвербиальные фразеологические единицы являются единичными образованиями, не созданными по структурно-семантической модели, с переосмысленным знаменательным компонентом. Эта их особенность и делает ОнО, мотивированные ими, необычными для восприятия.

Использование слова **Dutch** в ряде фразеологизмов, имеющих отрицательное значение, восходит к англо-голландской конкуренции на морях в XVIII в. По существу, во всех фразеологических единицах, в которые входит данное слово, оно означает 'голландский', но так как с этим прилагательным ранее связывались неприятные ассоциации, то все словосочетание переосмысливалось. Немотивированность фразеологических единиц со словом **Dutch** вызвана утратой предметной соотнесенности. В настоящее время данное определение может означать нечто неприятное, непопулярное. Так произошло и в приводимом ниже примере: «*Don Th. Dutchcomfort and Mr. D. Dutch concert tried to reassure the nation but it was in vain*». – The DT, May 12, 2016. Ироническое употребление фразеологизированных фамилий и легко узнаваемая субъектная соотнесенность (этому помогает прозвище «Заучка» – Тереза Мэй является выпускницей Оксфорда и инициальные имена, **Th.** < **Theresa** и **D.** < **David**, позволяет без труда определить о ком именно идет речь).

Обращает на себя внимание группа окказиональных фамилий, созданных с помощью телескопного способа словообразования. Упомянутым способом были созданы ОнО для наименования политических, военных и других известных деятелей. Рассмотрим самые интересные и заслуживающие особого внимания ОнО. «*While Mr. N. Rachatbayev may have ambitions, he is realistic enough – to understand that with only a 10% private holding, expansion plans are not without problems*». – The DT, December 16, 2006. Говоря о данном ОнО, необходимо упомянуть о таком понятии как колорит или реалия. Это важно потому, «что именно колорит делает из нейтральной, «неокрашенной» лексической единицы реалию» [12, с. 9]. Реалия – это та окрашенность слова, которую оно приобретает благодаря принадлежности его

референта – обозначаемого им объекта (в нашем случае субъекта) к данному народу, определенной стране, культуре. Согласно словарям, рахат (лукум) – это восточное кондитерское изделие, которое благодаря своему семантическому значению превращается в реалию из-за связи с определенным регионом. Английская пресса, руководствуясь принципом создания восточного колорита при освещении встреч с участием Н. Назарбаева, позаботилась о запоминающемся, шутливом окказиональном имени для главы казахской делегации.

Характеризуя свойства Оно, нельзя упомянуть и такое их свойство, как непредсказуемость – в отличие от обычных слов, которые в тексте предсказуемы с той ли иной степенью вероятности. Будучи чисто импровизиционными, одноразовыми образованиями, Оно являются «неожиданными» для системы языка, а потому и непредсказуемыми: **окказиональное слово базируется на незаданности речевого факта системой языка, что создает определенную степень неожиданности такого факта для языковой системы.** Например: «*Later the hotel said they had not called the police because the former Argentine international **Berserkdona** had agreed that the damage could go on his bill*». – The DT, May 8, 2008. Даже далекому от спортивного мира читателю, после прочтения информации на ум приходит только одно имя игрока сборной Аргентины – Марадона, так как он славился тем, что часто попадал в скандальные хроники. И хотя фамилия игрока «зашифрована» с помощью онимного образования **Berserkdona**, каждому становится понятно, о ком идет речь. И хотя читатель подготовлен к пониманию авторского окказионализма, последний все равно воспринимается как непредсказуемый.

Проведенный анализ собранного окказинального материала позволил сделать следующие выводы:

1. В качестве мотивирующих основ для создания Оно выступают как собственные имена, так и апеллятивы, а также субстантивные словосочетания.

2. Окказиональные антропонимы представлены различными разрядами: личными именами, составными наименованиями (однокомпонентными и двухкомпонентными), фамилиями, прозвищами.

3. Среди множества окказиональных антропонимов можно выделить ряд таких, которые не утрачивая функции индивидуализирующего имени, одновременно могут называть ряд референтов, имеющих сходные отличительные признаки, развивая при этом связь с понятием.

4. Оно образуются самыми различными способами, в том числе такими, которые являются уникальными, наблюдающимися только в сфере ономастического словообразования: путем добавления компонента, характерного для иноязычного СИ, к узуальному апеллятиву, что способствует его онимизации; вследствие онимизации узуального апеллятива; путем трансонимизации узуального СИ; как результат различного рода контаминаций. В качестве наиболее продуктивных способов образования Оно следует отметить телескопию, аббревиацию с последующей онимизацией, онимизацию апеллятива с суффиксацией.

5. Широко распространенным явлением в сфере окказиональных антропонимов является мотивация их фразеологическими единицами и фиктонимами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ражина В. А. Ономастические реалии: Лингвокультурологический и прагматический аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка». / А.В.Ражина. – Краснодар, 2007. – 16 с.

2. Кропачева К. И. Место оценочного компонента в семантической структуре антропонима (на примере антропонимического пространства английского языка) // Культура и цивилизация : [сб. науч. тр.]. – Нижний Новгород, НГЛУ. – №2, 2016, с.22-34..
3. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. 2-е изд / Н.В.Васильева. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.
4. Fleisner R.F. Droid renominated. // Names. – London. – 2003. – № 6. – Pp.117-132
5. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. 3-е изд., испр. / А.В.Суперанская. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 368 с.
6. Суперанская, А. В. Структура имени собственного. / А. В. Суперанская. - М.: Наука, 1969. - 206 с.
7. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А Земская. — М.: ЛКИ. - 2007. — 224 с.
8. Мокиенко, В. М. Перевоплощённое имя / В. М. Мокиенко // Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имён. – М.: ООО "А Темп", 2006. – С. 5-10.
9. Отин, Е. С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е. С. Отин // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 55-72.
10. Ловяникова В. В. Ономастическая фразеология в лингвокультурологическом аспекте (на материале немецкого языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.0219 – «Теория языка». / В.В.Ловяникова. – Нальчик, 2008. – 15 с.
11. Мехеда М.И.. О некоторых особенностях окказионального словообразования современного английского языка (на материале произведений Х.Филдинга). //Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. / М.И.Мехеда. – 2015. – №1. – С. 63-68.
12. Гарбовская Н. Б. Онимные и отонимные новообразования в современных масс-медийных текстах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук :спец. 10.02.01 – «Русский язык». / Н.Б.Гарбовская. – Майкоп, 2006. – 22 с.
13. Карамова А. А. Современный политический дискурс (конец XX - начало XXI вв.). Автореф. дисс... на соискание ученой степени доктора фил. наук: специальность 10.02.01 – Русский язык. – Уфа, 2013. – 39 с.
14. Комлева М. Н. Окказиональное слово в языке печатных сми новейшего времени: Модели и функции (на материале газетных заголовков): Автореф. дисс.... канд. филол. наук: спец.10.02.01 – «Русский язык». Самара. – 2013. – 17 с.
15. Гарбовская, Н.Б. Антропонимы и их функции в языке газет (на материале номинации политических деятелей) / Н.Б. Гарбовская // Сборник материалов научно-практической конференции преподавателей и студентов. Выпуск 3. – Славянск-на-Кубани, 2004. – С. 5-7.

Поступила в редакцию 09.04.2017 г.

ENGLISH LANGUAGE MEDIA AS A SOURCE OF NONCE ANTHROPONYMS

E.V. Kiseleva

The article examines the main lexico-semantic peculiarities of nonce onyms of modern English language media. The most frequent word-formation patterns are defined. Conclusions are drawn as for emerging tendencies in renovation of word-formation means of modern English onomastics.

Key words: nonce onym, word-formation means of English language media.

Киселева Елена Вячеславовна

Кандидат филологических наук, доцент
Донецкий национальный университет
Доцент кафедры английского языка для
естественных и гуманитарных специальностей
E-mail: ellkisel@yandex.ru

Kiseleva Elena Viacheslavovna

Candidate of Philology, Docent
Donesk National University
Associate Professor at Department of English
Language for sciences and liberal arts specialities
E-mail: ellkisel@yandex.ru

УДК 811.161.2'42

СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ ОЦЕНКИ В ТЕКСТЕ

© 2017. М.Н. Михальченко

Статья посвящена исследованию категории оценки на смысловом уровне текста. Выделены и проанализированы основные способы соотношения оценки со значением языковых единиц, выражающих ее в тексте. Градация оценки рассмотрена как одна из важнейших ее особенностей.

Ключевые слова: значение, контекст, оценка, текст, шкала оценки.

Текст, а особенно художественный, невозможен без реализации отношения автора к сообщаемому. Оценочный смысл присутствует практически в любом тексте. Текстовая категория оценки динамична и разворачивается в тексте, обнаруживая тесную связь с представленной в тексте информацией, а также взаимодействует с концептом произведения как воплощением его основной идеи. Исследование категории оценки на уровне текста (работы И. Арнольд, В. Гака, Т. Космеды, Е. Маховой, А. Папиной и др.) позволяет раскрыть ее коммуникативно-прагматические особенности.

Одной из важнейших характеристик оценки в тексте является ее вариативность: один смысл может быть передан при помощи различных языковых средств, и наоборот, одним средством выражения языковых значений могут быть присвоены разные смыслы. Решающим фактором для смыслового наполнения средств выражения оценки в таком случае становится контекст. В современной науке о языке смысловое наполнение средств выражения оценки на уровне текста исследовано недостаточно. Проблемам языковой реализации оценки посвящены работы Н. Арутюновой, Е. Вольф, Т. Маркеловой, И. Онищенко, О. Островской и др. Актуальными остаются вопросы типологии языковых средств выражения категории оценки на разных уровнях русского языка, влияния контекста на проявления позитивной и негативной оценок, расширения смысловых границ текстовой оценки.

Цель статьи – выделить основные виды соотношения смысла оценки в тексте со значением языковых средств ее выражения. Цель предусматривает выполнение таких задач:

- 1) рассмотреть ситуативные и контекстуальные факторы, которые детерминируют функционирование оценки в тексте;
- 2) проанализировать оценку как смысловую категорию текста;
- 3) определить смысловые особенности положительной и отрицательной оценок в художественном тексте.

В. Карасик в работе «Языковые ключи» [5] исследует соотношение между смыслом и значением как содержательными характеристиками языковых единиц. При этом главное различие обусловлено соотношением субъективного и объективного в языке. Значение, по мнению ученого, представляет собой содержательный стабильный минимум, отражающий признаки предмета или явления, важные для языкового сообщества. Смысл предстает как содержательный вариативный максимум, отражающий важные для индивида признаки. Соотношение между этими понятиями исследователь предлагает представлять в виде квадрата, разделенного на четыре части:

- 1) смысл слова совпадает с его значением (общеупотребимые слова основного словарного фонда);

2) смысл слова значительно меньше, чем его значение, зафиксированное в толковых словарях (малоизвестные термины науки и техники); 3) смысл слова значительно больше, чем его зафиксированное значение (индивидуальное расширение смысла у поэтов, ученых и у всех тех, кто вкладывает дополнительные эмоции в определенный фрагмент своего жизненного опыта);

4) смысл слова не имеет ничего общего с его значением (произвольное осмысление неизвестной словестной оболочки, преимущественно обусловлено недостаточной эрудицией или осуществляется с игровой целью) [5, с. 9].

Смысл оценки в тексте зависит не только от значения ее языковых реализаторов, важными являются контекстуально-ситуативные условия ее выражения, а также социокультурные факторы. Необходимо также учитывать двойственную природу оценки, которая объединяет субъективный и объективный аспекты. Как утверждает Е. Вольф, оценка представляет «одну из разновидностей квалификации, где присутствует субъективный аспект, то есть субъект оценки и соотношение с определенной имеющейся у него системой ценностей» [3, с. 40]. Не стоит забывать, что такая система ценностей индивида формируется в социуме, а потому подчинена общепринятым стереотипам. Все это дает основания утверждать, что представленная в тексте оценка может иметь различное смысловое наполнение, а смысл оценки нередко выходит за границы непосредственного значения средств ее выражения. В результате анализа категории оценки на уровне текста нами выявлено пять способов соотношения смысла оценки со значением ее языковых реализаторов. Рассмотрим подробно каждый из способов.

1. Смысл оценки совпадает со значением ее реализаторов. В этом случае оценка выражена непосредственно словами со значением одобрения/неодобрения, употребленными в прямом значении. Подобная языковая реализация оценки традиционна, ее толкование однозначно и, в большинстве случаев, не требует дополнительных объяснений и привлечения широкого контекста. Таким образом, определение позиции на оценочной шкале не является проблематичным. Например: *Боже мой, как я ненавижу все это, лавки, вещи за стеклом, тупое лицо товара и в особенности церемониал сделки, обмен приторными любезностями, до и после!* (В. Набоков. Дар). В данном случае оценочный предикат (*ненавижу*) четко и однозначно выражает негативную оценку субъекта, интенсивность оценки далее возрастает (*в особенности*).

Следует отметить, что иногда такая оценка раскрывается дополнительно именно благодаря контексту: *Но зато небо! Синее, не испорченное ни единым облаком (до чего были дики вкусы у древних, если их поэтов могли вдохновлять эти нелепые, безалаберные, глупотолкущиеся кучи пара). Я люблю – уверен, не ошибусь, если скажу: мы любим только такое вот, стерильное, безукоризненное небо. В такие дни весь мир отлит из того же самого незыблемого, вечного стекла, как и Зеленая Стена, как и все наши постройки. В такие дни видишь самую синюю глубь вещей, какие-то неведомые дотоле, изумительные их уравнения – видишь в чем-нибудь таком самом привычном, ежедневном* (Е. Замятин. Мы). Восклицательное предложение реализует интенсивную положительную оценку, во втором предложении та же оценка выражена при помощи оценочного предиката (*люблю*). Повторение предиката с местоимением (*мы любим*) усиливает оценку, расширяя ее границы и повышая позицию на оценочной шкале. В следующих предложениях позиция автора обосновывается, что способствует пониманию оценки.

2. Смысл оценки уже, чем традиционное значение языковых средств ее выражения. Такое соотношение возникает при специфических ситуативно-

контекстуальных условиях. На сужение смысла влияет аспект оценки, непосредственно указанный в тексте или понятный из контекста. Например, слова *хороший, хорошо / плохо, плохой* имеют довольно широкое значение. Однако в высказывании с конкретизированным аспектом смысл оценки не выходит за пределы определенного признака объекта: *Надобно правду сказать, что Лидинька очень хорошо училась, во время ученья забывала о своих рублях, а слушала только то, что ей говорил учитель* (В. Одоевский. Городок в табакерке). Наречие *хорошо* тут употреблено именно для характеристики Лидиньки, описания ее прилежности в учебе. Вне контекста оценка *хорошо делать что-либо* традиционно воспринимается как выражение мысли о высоком качестве деятельности человека человека (*хорошо читать, хорошо шить, хорошо петь и т.д.*). Сообщение аспекта оценки (процесс обучения, отношение к занятиям) обуславливает изменение смысла выражения: *хорошо учиться, то есть, быть прилежным, старательным.*

3. Смысл оценки шире традиционного значения ее реализаторов. Подобный выход смысла за пределы значения находит выражение в художественных средствах, понимание которых обусловлено определенными ситуативными или контекстуальными факторами. Рассмотрим пример из пьесы А.П. Чехова «Чайка»: *Треплев. Человек умный, простой, немножко, знаешь, меланхоличный. Очень порядочный. Сорок лет будет ему еще не скоро, но он уже знаменит и сыт, сыт по горло... Что касается его писаний, то...? Мило, талантливо... но... после Толстого или Зола не захочешь читать Тригорина.* Слов, непосредственно выражающих негативную оценку объекта, в данном примере нет, однако итоговая оценка негативная. Для смягчения оценки сначала употреблены реализаторы положительной оценки, а также выражено сомнение в оценке (*как тебе сказать*) для снижения ее категоричности. Оценка, представленная в финальной части фрагмента текста (*после Толстого или Зола не захочешь читать Тригорина*), основана на пресуппозициях (реципиент уже знаком с текстами Толстого и Зола, поэтому поймет сравнение).

Интересна связь оценки с индивидуальным расширением смысловых рамок понятия у субъекта. В таком случае смысл оценки детерминирован эмоциональными переживаниями индивида, его опытом, личными впечатлениями и т.п.: *Нашей матери бухгалтер говорил, что когда у него будет семья, то в ней все будет культурно. Он не позволит своей жене заниматься физическим трудом, а устроит ее в банк или аптеку и выпишет журнал «Работница». Детей же он отдаст учиться на ревизоров, даже если вдруг окажется, что это дети не родные. У него мягкое сердце, и он будет их любить, как отец* (Е. Дубровин. В ожидании козы). Такие примеры довольно распространены в художественных текстах, поскольку именно в них полностью реализуется авторская индивидуальность. Например, в стихотворении Г. Сапгира:

*это она всегда понимала хорошо: нельзя причинять
боль другому
"нельзя причинять боль другому? другому это хорошо"
/нельзя другому причинять — боль/
"боль — это хорошо, это другому"
/боль понимала хорошо: нельзя/
она не понимала: "боль нельзя"
/боль — это всегда нельзя/
она всегда понимала: причинять боль — это хорошо,
это другому нельзя
она хорошо понимала: боль — это всегда хорошо,
но всегда причинять нельзя*

4. Смысл оценки не имеет ничего общего со значением ее реализаторов. Такая реализация оценки возможна вследствие произвольного осмысления субъектом языковых средств. Особенно интересными являются примеры языковой игры как оригинального проявления авторского отношения к сообщаемому и как принципа построения текста. Например: *Я сегодня утром / Встал не с той ноги. / Мамаги мне, мама! / Папа, папаги!* (А. Орлова). Употребляя средства языковой игры, автор достигает комического эффекта и смягчения оценки, но не уменьшает ее остроты.

Для выражения интенсивной оценки нередко используются и авторские неологизмы: *Тщетно отчаянный ветер бился нечеловече* (В. Маяковский).

5. Смысл оценки противоположен значению средств ее реализации. Нередко средства выражения положительной оценки используются для реализации негативного отношения, и наоборот. Прежде всего такое соотношение смысла и значения характерно для иронии, которая в скрытой форме выражает негативную оценку. Подобная реализация оценки всегда контекстуально и ситуативно обусловлена. Например: *И действительно, Фердыщенко был до того прост, что летописец считает нужным неоднократно и с особенною настойчивостью остановиться на этом качестве, как на самом естественном объяснении того удовольствия, которое испытывали глуповцы во время бригадирского управления. Он ни во что не вменивался, довольствовался умеренными данями, охотно захаживал в кабаки покалякать с целовальниками, по вечерам выходил в замасленном халате на крыльцо градоначальнического дома и играл с подчиненными в носки, ел жирную пищу, пил квас и любил уснащать свою речь ласкательным словом «братик-сударик»* (М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города). Как отмечает Е. Селиванова, ирония «основывается на употреблении слов и выражений в противоположном буквальному смысле, на сокрытии за мнимо серьезными вещами комичного, за позитивной оценкой негативной» [10, с. 198]. Именно поэтому адекватное восприятие заложенной в тексте оценки зависит от коммуникативной деятельности адресата, его активности во время декодирования информации, имеющихся у него фоновых знаний и пресуппозиций.

Интересны примеры градации оценки в тексте с полным изменением ее знака. Так, в произведении «Напутствие» И. Бродского мы видим, как позитивная оценка сменяется негативной:

Жизнь так устроена, что то, что мы называем Злом, поистине вездесуще, хотя бы потому, что прикрывается личиной добра. Оно никогда не входит в дом с приветственным возгласом: "Здорово, приятель! Я – зло", что, конечно, говорит о его вторичности, но радости от этого мало – слишком уж часто мы в этой его вторичности убеждаемся.

Поэтому было бы весьма полезно подвергнуть как можно более тщательному анализу наши представления о добре, образно говоря, перебрать гардероб и посмотреть, что из одежд приходится незнакомцу впору. Это займет немало времени, но время будет потрачено отнюдь не зря. Вы будете ошеломлены, узнав, сколь многое из того, что вы считали выстраданным добром, легко и без особой подгонки окажется удобным доспехом для врага.

В тексте Е. Замятина глагол *бояться* меняет свое значение, оценка из негативной (*ненавижу туман*) переходит в позитивную (*люблю туман*).

Помню: я улыбнулся растерянно и ни к чему сказал:

– Туман... Очень.

– Ты любишь туман?

Это древнее, давно забытое "ты", "ты" властелина к рабу – вошло в меня остро, медленно: да, я раб, и это – тоже нужно, тоже хорошо.

– Да, хорошо... – вслух сказал я себе. И потом ей: – Я ненавижу туман. Я боюсь тумана.

– Значит – любишь. Боишься – потому что это сильнее тебя, ненавидишь – потому что боишься, любишь – потому что не можешь покорить это себе. Ведь только и можно любить непокорное.

Да, это так. (Е. Замятин. Мы).

Таким образом, реализация оценки на смысловом уровне текста имеет вариативный характер. Процесс понимания оценки сложен и зависит как от автора, так и от адресата. Перспективным представляется дальнейшее изучение смысловой специфики оценки на уровне текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
2. Васильев С. А. Синтез смысла при создании и понимании текста: филос. пробл. / С. А. Васильев. – К. : Наук. думка, 1988. – 240 с.
3. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. На материале иберо-романских языков / Вольф Е. М. – М. : Наука, 1978. – 199 с.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Вольф Е. М. – [изд-е 2-е, доп.]. – М. : Едиториал УРСС, 2006. – 281 с. – (Лингвистическое наследие XX века).
5. Карасик В. И. Языковые ключи / Карасик В. И. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
6. Космеда Т. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики : формування і розвиток категорії оцінки / Космеда Т. – Львів : ЛНУ ім. Івана Франка, 2000. – 350 с.
7. Маркелова Т. В. Выражение оценки в русском языке / Т. В. Маркелова // Русский язык в школе. – 1995. – №1. – С. 76-81.
8. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии / Походня С. И. ; [АН СССР. Кафедра иностранных языков ; отв. ред. Ю. А. Жлуктенко]. – К. : Наукова думка, 1989. – 128 с.
9. Русанівський В. М. Структура лексичної і граматичної семантики / Русанівський В. М. ; АН УРСР ; Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. – К. : Наук. думка, 1988. – 240 с.
10. Селіванова О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / Селіванова О. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
11. Шинкарук В. Д. Категорії модусу і диктуму у структурі речення : [монографія] / Шинкарук В. Д. – Чернівці : Рута, 2002. – 272 с.
12. Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition : Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations / Wierzbicka A. – Oxford : Univer. Press, 1992. – 487 p.

Поступила в редакцію 30.03.2017 г.

CONTENT AND MEANING OF EVALUATION IN THE TEXT

M.N. Mikhalchenko

The article deals with the category of evaluation at the semantic level of the text. The principal means of evaluation correlation with the meaning of language units expressing it in the text are identified and analyzed. The gradation of the evaluation is considered as one of its most important features.

Key words: meaning, context, evaluation, text, an axiological scale.

Михальченко Марина Николаевна
Кандидат филологических наук,
Донецкий национальный университет,
Доцент кафедры журналистики,
E-mail: mykhalchenkomm@mail.ru.

Mikhalchenko Marina Nikolayevna
Candidate of Philology,
Donetsk National University,
Associate Professor at Department of Journalism,
E-mail: mykhalchenkomm@mail.ru.

УДК 811.161.1'373

ФИТОНИМЫ В ОНИМООБРАЗОВАНИИ (ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ)

© 2017. *К. В. Першина*

В статье анализируется этнокультурная информативность процесса и результатов использования фитонимической лексики в онимообразовательном процессе на разных участках онимного пространства русского языка.

Ключевые слова: фитоним, онимообразование, этнокультурный аспект.

Взаимосвязь языка и национальной культуры в современной лингвистической науке входит в число базовых проблем [1, с. 3]. Все более заявляющий о себе интерес к этнокультурной составляющей собственных имён является закономерным развитием историко-этимологического направления в их изучении, ибо эта составляющая заложена в самой природе историко-этимологического изучения онимов. Показательным в этом отношении является утверждение О. Н. Трубачева: « <...> сравнительно-историческое языкознание, этимология, построенная на них реконструкция в общем давно работают с концепцией антропоцентричности древней (в частности) славянской культуры и языковой картины мира» [2, с. 20]. Современные исследователи стремятся вывести этнокультурную содержательность собственных имён на первый план, выявляя ее характер в тех или иных частях онимного пространства.

Имена собственные и в номинативно-деривационном, и в функциональном плане отражают и транслируют определенные компоненты языковой картины мира. Установление набора этих компонентов при номинировании отдельных онимных полей — одна из задач, которые должны решаться при исследовании онимов в этнокультурном аспекте, суть которого состоит, согласно формулировке Е. Л. Березович, в «культурной интерпретации» обыденной лексики, выявлении закономерностей языковой маркировки тех или иных реалий окружающей действительности» [1, с. 9].

Онимотворческий процесс осуществляется в режиме вторичной номинации, предполагающей использование определенной производящей лексической базы. Эта лексическая база выступает важным звеном, через которое в имена собственные вводится, далеко не всегда осознаваемо, та или иная этнокультурная информация. Поэтому не утрачивает своей актуальности изучение онимотворческого потенциала различных групп нарицательной лексики. Этнокультурный аспект изучения онимов, который разрабатывается в рамках антропоцентрической парадигмы, включает в себя, по нашему мнению, не только выявление обязательных компонентов ментального каркаса того или иного проприально именуемого участка реальности, но и установление лексических средств, вербально его репрезентирующих. В связи с последним вспомним мысль О. Н. Трубачева о том, что «только через лексику, однозначные слова прокладывает лингвистика путь к культуре, ее истории и реконструкции этой истории» [2, с. 7]. Изучение производящей базы показывает степень сопряженности референтных областей в языковой картине мира, иерархичность этих связей.

В данной статье предпринимается попытка анализа в указанном аспекте использования фитонимов (апеллятивов, связанных с репрезентацией элементов

концептуального поля «растительный мир») при создании единиц различных онимных полей. Важным источником фактического материала для этой работы (в той ее части, которая связана с топонимией) послужили лексикографические труды Е. С. Отина «Гидронимия Дона» и «Гидронимия Северного Приазовья» [3; 4].

Включенность нарицательной лексики природы, которую считают одной из групп этнокультурной лексики [5], в онимотворческий процесс можно считать одной из важных номинационных универсалий, поскольку всякая культура (тип культуры) предполагает определенный тип отношений человеческого сообщества с природой. Собственные имена, созданные на этой лексической базе, являются составным компонентом природно-стихийного кода культуры, под которым понимают «совокупность имён природных объектов и элементов стихий, выступающих в роли знаков «языка» культуры» [6, с. 45]. Наименования, связанные с концептуальной областью «растительный мир», занимают важное место в лексическом составе русского языка, репрезентируя разнообразные составляющие языковой картины мира. Само существование таких названий связано с древнейшими архетипическими представлениями людей. Этнокультурная специфика проявляет себя в отборе производящих лексем из обширного семантического поля «растительный мир»; их выявление помогает установить, какие ментальные представления, связанные с этой концептуальной сферой в русском языковом сознании, являются/становятся актуальными при онимном номинировании различных участков действительности. Изучение конкретных способов и степени использования указанных лексем на разных участках онимного пространства может выявить новые детали в общей картине взаимодействия мира людей и мира природы в рамках восточнославянского культурного пространства. Как отмечает Е. Л. Березович, «концептуальная информация формируется в процессе соотнесения, сопоставления разных явлений окружающей действительности» [1, с. 49], установление же этих сопоставляемых явлений обязательно предполагает выявление производящей лексической базы. В данных заметках представлен опыт анализа в означенном направлении. Объектом анализа выступают имена собственные различных разрядов, номинативно связанные с фитонимами и входящие в русское онимное пространство.

Наблюдения показывают, что основная область применения фитонимической лексики в онимотворческом процессе – топонимия, а в её рамках в первую очередь гидронимия, ойконимия, микротопонимия, урбанонимия. В этих отделах топонимного пространства номинаторы опираются на прямые значения соответствующих нарицательных слов, основную массу которых составляют видовые названия древесных пород и кустарников. Данная особенность может трактоваться, на наш взгляд, как связанная с пониманием растения как ценности этого мира самой по себе вне символических наслоений и переосмыслений, с одной стороны, и с представлением о месте деревьев в иерархии растительного царства и их функциональных нагрузках в повседневной жизни и художественном сознании, с другой (см. об этом в: [7; 8; 9; 10, с. 84]).

В гидронимах отражаются названия реально произрастающих по берегам водоёмов деревьев и кустарников, т.е. номинативное внимание нацелено на наблюдаемую, локально ограниченную ландшафтную реальность. Ср. данные по разным территориям: *Кленовый, Черемухов Верх, Орехов, Орехов Верх, Белой Березник, Липовой, Липовка, Липовица, Березовой Верх, Березов, Черемушка, Дубок, Дубовик, Дубовый, Вязовая, Вязовый, Ольховатец, Ольховатка, Ольшанка, Ракитная, Хвоцовой* (басс. Верхнего Дона) [3]; *Берестовая, Вербовка, Калинова, Очеретная, Терновая, Камышеваха, Бузинова, Дубовая, Дубовка* (басс. р. Кальмиус); *Осиковатая, Ольховатка, Ольховая,*

Липовая, Дубовая, Таловая, Ясиновая (бассейн р. Крынки) [4]; *Кедровая, Кедровый, Лиственная, Лиственка, Березовая, Березовка, Березовый, Еловая, Ельничная, Осиновка, Черемшанка, Ягодный* (басс. р. Енисей) [11]; *Березовая, Вишневый Ручей, Липовка, Ольховка, Осинова, Осиновка, Рябиновый, Еловая, Елова, Кедровая, Пихтовка, Сосновая, Калинка, Таловая, Камышка, Черемшанка* (басс. Нижней Оби) [12]. Исследователи отмечают, что обращение к названиям древесных пород при топонимообразовании наблюдается в разных славянских языках. Ср.: «У поляков, чехов, белорусов, украинцев, русских предпочтение в фитотопонимах отдается таким породам, как береза, ольха, липа, калина, дуб, верба» [13].

Весьма информативны в этнокультурном плане отфитонимные гидронимы степных пространств, к коим принадлежит и территория Донбасса. В «Гидронимии Северного Приазовья» Е. С. Отина [4] зафиксированы названия с повторяющимися фитонимными основами *берез-, берест-, бузин-, верб-, вишин-, виноград-, граб-, дерез-, дуб-, калин-, камыш-, клен-, капуста-, лип-, лоз-, ольх-, очерет-, осин-, орех-, ясен-*; эти основы обычны в восточнославянских гидронимах на разных территориях (например, в бассейне Дона фиксируются от верховьев до устья реки [3]). Донбасс — это степь (вспомним строки из песни, фактически неофициального, народного гимна края: *вышел в степь донецкую парень молодой* (стихи Б. Ласкина, музыка Н. Богословского), где древесная растительность представлена островами. Её отражение в гидронимах, на наш взгляд, обусловлено не просто заметностью этого ориентира на местности, но и «настроенностью» на поиски такого ориентира языкового сознания номинаторов, воспринимающих растительный мир обязательной и органической частью своего жизненного уклада. (Города, поселки, села Донбасса, несмотря на степное маловодье, богаты зелеными насаждениями, особенно это заметно весной, в пору цветения; скверы, сады и парки — неотъемлемая часть донбасских селений). Донецкая гидронимия дает основания полагать, что выбор производящих основ (во всяком случае, на территориях позднего заселения) диктуется не только физико-географическими условиями [14, с. 27], но и этнокультурными номинативными стереотипами.

Обращает на себя внимание то, что при обилии отфитонимных гидронимов с повторяющимися неоднократно основами практически отсутствуют производные от названий трав и цветов, хотя сами по себе эти референты занимают важное место в восточнославянском ментальном пространстве. Возможно, это связано с сезонностью, непостоянством их существования и меньшей способностью выделять (в повседневном сознании жителей) какие-то участки территории. Во всяком случае, этот факт заставляет думать, что растение как признак гидронимной номинации не должно зависеть в своем визуально воспринимаемом существовании от природного сезона. Оно должно быть постоянно наблюдаемым.

Аналогичен отбор фитонимов и в микропонимии: здесь они чаще всего входят в состав наименований, выступающих проприальными обозначениями локальных участков территорий (микрохоронимами), например, *Тополя, Дубки, Три дуба, У Трех Берез* [4], *Малинов Куст, Дубрава, Еловская Грань, Ельничное, Рябиновая Гарь, Камышанка* [11].

В гидронимах и микропонимах в момент их возникновения местный ландшафт отражается непосредственно, он как бы вербально фотографируется. В ойконимах, созданных на базе таких единиц путем метонимического переноса, подобная фотография дублируется (со временем реальный ландшафт может изменяться, на это всегда нужно делать поправку, соотнося название селения с окружающим ландшафтом). Местный ландшафт может отражаться и в ойконимах, возникших путём непосредственного использования соответствующих аппеллятивных лексем. Это

подтверждается данными донбасской ойконимии. В середине XX в. в этом регионе осуществлялся процесс замены описательных наименований селений полноценными ойконимными формами. При их создании неоднократно обращались к ботанической номенклатуре, отбирая лексемы, соответствующие растительному пейзажу донецкого края: пос. *Березовое* < б. пос. 4-го отделения совхоза «Еленовский»; пгт. *Вишневое* < б. пос. ж. д. ст. Селидовка; пос. *Грабское* < б. пос. совхоза «Диктатура пролетариата»; пос. *Дубовое* < б. пос. шахты № 40; пос. *Зеленый Гай* < б. пос. совхоза им. ХУШ партсъезда; пос. *Камышевка* < б. пос. Гродовского кирпичного завода [15, с. 123–140]. Эта же лексика использовалась и при переименованиях: с. *Берестовое* < б.с. Новохопрово; пос. *Виноградное* < б. пос. Щербина; с. Дубовка < б. х. Капинус. В эту же группу можно включить и названия *Зарощенское, Поддубное, Залесное, Березовая Роща* [15, с. 123–140]. В случаях, когда производящим выступает антропоним с фитоосновой (*Береза, Березка, Дубовой, Яснев* и под.), ориентация на местную природную реальность не действует. В 80-е годы XX в. в Донбассе (на территории Донецкой области) функционировали следующие ойконимные единицы, содержащие фитонимные основы: *Березовка, Березовое, Берестовое, Берестки, Вишневое, Виноградное, Дубовка, Дубовое, Грабово, Зеленый Гай, Зеленый Кут, Зеленый Яр, Калиновка, Калиново, Камышатка, Кленовый, Липовка, Липовое, Лозовое, Лозоватское, Лозы, Лесное, Малиновка, Ольховатка, Осикова, Очеретино, Поддубное, Редкодуб, Садки, Садовое, Сосновка, Таловое, Терновое, Тополиное, Яблонька, Ясеновка, Ясиноватая*. Практически каждая из этих форм была повторяющейся [15].

Традиционно широко используется ботаническая лексика в урбанонимии. Г. П. Смолицкая по этому поводу замечает: «Принцип наименования по растительности довольно продуктивен в назывании внутригородских объектов вообще» [16, с. 30]. Возможно, наиболее показательными в этом плане являются названия улиц. Ср. некоторые годонимы такого рода: *Березовая, Брусничная, Дубовая, Зеленый Гай, Кленовая, Лиственная, Цветочная, Черемуховая* (г. Донецк); *Березовая, Вишневая, Сосновая, Ольховка, Рябиновая, Ореховая* (г. Владимир); *Вишневая, Вязовенька, Ракитная, Рябиновая, Большие Вязы, Первая Каштановая, Облепиховая, Сосновая, Хвойная* (г. Смоленск); *Вишневая, Каштановая, Кленовая, Ракитовая, Рябиновая, Сиреневая, Сливовая, Яблоневая* (г. Курск); *Абрикосовая, Вербная, Ежевичная, Жасминная, Клеверная, Ковыльная, Липовая, Персиковая, Тюльпанная* (г. Ростов-на-Дону); *Березовая, Абрикосовая, Барбарисовая, Женьшеневая, Кленовая, Яблоневая, Можжевельная, Пихтовая* (г. Владивосток); *Березовая, Брусничная, Вишневая, Виноградная, Лозовая, Осиновая, Калиновка* (г. Калининград). Следует заметить, что в годонимах, в отличие от гидронимов, отражаются названия цветов: *Ландышевая* (г. Владивосток), *Васильковская* (г. Калининград), *Гвоздичная, Незабудковая, Первоцветная, Ромашковый пер., Ландышевая, Лавандовая* (г. Ростов-на-Дону); объясняется это актуализацией коннотативного компонента в названиях цветов, позволяющего реализовать эстетическую составляющую восприятия мира растений.

В оронимии рассматриваемая лексика также используется, ср. названия гор *Березовая, Кедровка* [17, с. 153], *Черемшанская, Черничная, Лиственная* [11], но менее активно, чем в описанных выше отделах топонимии. В этом отделе топонимии отношение объекта номинации к растительности часто обозначается путем выбора географического термина, содержащего сему 'растение' [17, с. 151–152], или путем использования прилагательных *лысый, голый, зеленый*.

Фитонимы могут использоваться при номинации и других природных объектов, например, дорог: *Боровая, Оржаная, Житочная, Ивня, Лиственничная, Рябиновая*

(примеры из: [1, с. 145]), островов: *Березовец, Березовый, Осиновец, Ольховец* [12, с. 272], *Еловый* [11] кос: *Березовая, Ягодная*, порогов и перекастов: *Ягодный, Еловый* [11].

В топонимии не ориентируются на использование фитонимов в переносных или символических значениях. Правда, следует отметить, что в урбанонимах и в меньшей степени в ойконимах образно-символический компонент производящих фитонимов может присутствовать, но он не выступает ведущим. Соответствующая названию ботаническая реальность либо действительно наблюдается и управляет номинативным процессом (если на улице *Сиреневой* много сирени, а село *Вишневое* изобилует вишнями), либо является сегментом языковой картины мира, привычно тиражируемым в названиях. В топонимном пространстве деревья и кустарники представляют сами себя как равноправные участники «номинационного диалога» номинаторов и растительного мира; здесь в первую очередь получает отражение восприятие объекта растительного царства как отдельного самостоятельного природного объекта, не несущего каких-либо специально эксплицируемых дополнительных культурно маркированных смыслов. Отмеченная особенность использования фитонимов проявляется и в артионимах, номинирующих пейзажи. Ср.: «*Белая сирень*», «*Березы. Опушка леса*», «*Васильки*», «*Весна. Белая сирень*», «*Деревья и кусты*», «*Осень. Березки*», «*Дуб на берегу реки*», «*Дуб*», «*Сад*» (И. Левитан); «*Утро в сосновом лесу*», «*Молодые сосны*», «*Рожь*», «*Береза и рябинки*», «*Березовая роща*», «*Бор в Сестрорецке*», «*Дуб, освещенный солнцем*», «*Верхушки сосен*», «*Дубки*», «*Мордвиновские дубы*», «*Деревья*», «*Дождь в дубовом лесу*», «*Дубы. Вечер*», «*Ивы, освещенные солнцем*» (И. Шишкин).

В других секторах онимного пространства выбор ботанической лексики диктуется не отражаемым ландшафтом, а культурными коннотациями (переносно-образный и символический компоненты в плане содержания фитонимов) или практикой хозяйственного использования растения.

В эргонимии, которая в последние три десятилетия активно пополняется новыми единицами, отфитонимных производных сравнительно немного. (Ср.: в 1990 году в г. Донецке из 1300 названий кооперативов только 20 содержали фитонимные основы [19]). Подобные названия встречаются среди наименований деловых объединений, детских учреждений, объектов сферы обслуживания, музыкальных коллективов [20; 21]. Состав фитонимов, отражающихся в эргонимах, их соотношенность с различными эргонимными полями требуют специального изучения и осмысления; мы ограничимся только двумя замечаниями. Сравнительно низкий коэффициент применения фитонимов в данной сфере связан с переориентацией урбанизированного сознания носителей языка. Кроме этого, действует, видимо, и ограничение, накладываемое типом метафоры «растение – человек», хорошо известной восточнославянской языковой картине мира и реализуемой в апеллятивной сфере (см. об этом типе метафоры в [22]).

При именовании людей ботаническая лексика была востребована в языческое время, о чём свидетельствуют многочисленные фамилии с фитонимными основами. В христианскую эпоху сфера использования фитонимов сузилась, сейчас она ограничена прозвищной и псевдонимной номинацией, актуализирующей коннотативно-образный их потенциал [23]. Не входят фитонимы в число активно используемых и при создании зоонимов, хрононимов, геортонимов. Сравнительно низкая востребованность ботанической лексики в онимообразовании за пределами топонимии может рассматриваться как свидетельство слабой ориентированности сознания современного человека на природную среду и растительный мир в частности как на многокомпонентное референтное пространство. Вместе с тем могут складываться такие

когнитивно-номинативные ситуации, когда архетипичность этой лексики проявляет себя очень ярко. Показательными в этом отношении являются позывной первого космонавта Земли Ю. А. Гагарина «*Кедр*» и позывной дублеров первой женщины-космонавта В. В. Терешковой (И. Б. Соловьевой и В. Л. Пономаревой) «*Березка*», особенно в сопоставлении с позывным С. П. Королева «*Заря*» [24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. — 532 с.
2. Трубачев О. Н. Славянская филология и сравнительность: От съезда к съезду / О. Н. Трубачев // Вопросы языкознания. — 1998. — № 3. — С. 3–26.
3. Отин Е. С. Гидронимия Дона: монография в 2-х т. / Е. С. Отин. — Донецк : Юго-Восток, 2011. — Т. 1. Верхний и Средний Дон. — 2011. — 575 с.
4. Отин Е. С. Гидронимия Северного Приазовья / Е. С. Отин. — Донецк : Юго-Восток, 2012. — 178 с.
5. Баучиева З. Б. Этнокультурная лексика тюркского происхождения в русском языке : Дис. ... канд. филол. наук / Зайнеф Борисовна Баучиева. — Карачаевск, 2006. — 160 с.
6. Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) / В. Н. Телия // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. — М. : Наука, 1993. — С. 302–314.
7. Усачева В. В. Судьба благословенных и проклятых деревьев в традиционной культуре славян / В. В. Усачева // Этноботаника: растения в языке и культуре. — СПб. : Наука, 2010. — С. 130–164.
8. Красс Н. А. Механизмы символизации русского времени в концептуальном поле «мирового древа» / Н. А. Красс // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2007. — № 3. — С. 40–44.
9. Сьянова Е. И. Растительный мир в ономастической картине мира диалектоносителей (на материале смешанных русских и украинских говоров Воронежской области) / Е. И. Сьянова // Этноботаника: растения в языке и культуре. — СПб. : Наука, 2010. — С. 78–98.
10. Сердюкова Е. В. Фитонимы в памятниках деловой письменности XV – XVII вв. / Е. В. Сердюкова // Труды и материалы V Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 18–21 марта 2014 г.). — М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2014. — С. 84–85.
11. Васильева С. П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: Картина мира / С. П. Васильева. — Красноярск : Изд-во Красноярского гос. пед. уни-та им. В. П. Астафьева, 2005. — 166 с.
12. Фролов Н. К. Русская топонимия Нижнего Пообья : Дис. ... д-ра филол. наук / Николай Константинович Фролов. — Тюмень, 1990. — 436 с.
13. Басик С. Н. Общая топонимика : Учеб. пособ. для студ. географического ф-та / С. Н. Басик. — Минск : БГУ, 2006. — 200 с.
14. Агеева Р. А. Происхождение имен рек и озер / Р. А. Агеева. — М. : Наука, 1985. — 144 с.
15. Донецька область: Адміністративно-територіальний поділ: на 1 березня 1985 р. — Вид. 5-е, випр. і доп. — Донецьк : Донбас, 1985. — 183 с.
16. Смолицкая Г. П. Топонимия Москвы / Г. П. Смолицкая, М. В. Горбаневский. — М. : Наука, 1982. — 176 с.
17. Мурзаев Э. М. Оронимия русская / Э. М. Мурзаев // Русская ономастика и ономастика России: Словарь / Под ред. О. Н. Трубачева. — М. : Школа-Пресс, 1994. — С. 151 – 154.
18. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. — М. : Мысль, 1984. — 653 с.
19. Кооперативы Донецка: Каталог. — Донецк : Облполиграфиздат, 1990. — 233 с.
20. Сидоренко Е. Н. Специфика выбора языковых единиц при номинации объектов развлечений / Е. Н. Сидоренко // Имя собственное в жизни и литературе : Материалы IX Международных Святогорских ономастических чтений. — К. : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2015. — С. 228–238.
21. Першина К. В. Имена собственные и народная культура: названия музыкальных коллективов (на материале русского языка) / К. В. Першина // Логос ономастики. — 2012. — № 4. — С. 45–49.
22. Колосько Е. В. Метафорический перенос «растение – человек» в русских народных говорах / Е. В. Колосько // Этноботаника: растения в языке и культуре. — СПб. : Наука, 2010. — С. 69–77.
23. Дмитриев В. Г. Скрывшие свое имя / В. Г. Дмитриев. — М. : Наука, 1970. — 253 с.

24. Позывные экипажей советских/ российских космических кораблей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [astronaut.ru/register/niknames.htm ? reload_ coolmenbs](http://astronaut.ru/register/niknames.htm?reload_coolmenbs) (дата обращения: 17.04.2017).

Поступила в редакцию 29.04.2017 г.

PHYTONYMS IN THE FORMATION OF PROPER NAMES (ETHNOCULTURAL DIMENSION)

K. V. Pershina

The article analyses ethnocultural meaningfulness of the process and results of using phytonymic vocabulary in the formation of names in different groups of the onym space in the Russian language.

Key words: a phytonym, formation of proper names, ethnocultural aspect.

Першина Клавдия Васильевна

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры общего языкознания и истории
языка имени Е. С. Отина.
E-mail pershinakv@mail.ru

Pershina Klaudia Vasilyevna

Candidate of Philology, Docent.
Donetsk National University
Associate Professor of General Linguistics and History
of Language Department named after E. S. Otin.
E-mail: pershinakv@mail.ru

УДК 82.1

ФОРМИРОВАНИЕ ЖАНРА ЭЛЕГИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII в. (Ф. ПРОКОПОВИЧ, В. ТРЕДИАКОВСКИЙ)

© 2017. Л. Т. Сенчина

Статья посвящена формированию элегического жанра в русской литературе XVIII в. Анализируются первые элегии Ф. Прокоповича и В. Тредиаковского. Осмысляются процессы, происходящие в жанре элегии в период становления этого типа произведений на русской почве. Рассматриваются жанровые разновидности элегии: треническая и эротическая (любовная).

Ключевые слова: элегия, жанр, жанровые заимствования, идиллия.

Проблема жанра – проблема, по-видимому, вечная. Она неизменно сохраняет свою актуальность и значимость. От решения многих вопросов, связанных с осмыслением теории и истории конкретного жанра, зависит постижение диалектики художественного развития, преемственности и одновременно подлинного обновления.

В этой связи изучение жанра элегии в определенный исторический период представляется нам интересным и своевременным.

О жанре элегии написано много. При всей основательности и глубине научных изысканий литературоведов все же до сих пор остается множество нерешенных вопросов, которые закономерно требуют дальнейшего уточнения и прояснения. Обращение к истокам становления элегического жанра, на наш взгляд, способствует осмыслению сущностной природы этого типа произведений и дает возможность прояснить отдельные значимые процессы, происходящие в русской литературе XVIII в., в период, когда шло формирование жанровой системы в целом.

Известно, что элегия имеет «длинную жизнь»: она изменялась, трансформировалась, включалась в иные жанровые образования (например, повесть «Бедная Лиза») и т.п. Все это требует от исследователя необходимость учитывать разные факторы, которые в той или иной степени влияли на становление и развитие элегического жанра на русской почве. Целесообразно, на наш взгляд, учитывать национальную специфику русской литературы, время появления конкретного жанра, авторские «установки», особенности восприятия произведения читателем, разработанность теоретических положений, касающихся данного жанра.

Обратимся к теоретическому труду Ф. Прокоповича «Поэтика». В этом трактате автор дает определение элегического жанра: *«Элегия, как гласит ее название, есть некое печальное поэтическое произведение...хотя элегия и не всегда должна иметь печальное содержание, все же ей всего больше подходит содержание, исполненное переживаний, гнева, любви, радости, скорби и т.п.»*, – отмечает Ф. Прокопович [1, с. 439].

Кроме «содержательных» требований, автор «Поэтики» указывает на необходимость «формальных» признаков элегии: писать элегическим дистихом (сочетание гекзаметра и пентаметра). Эти указания Ф. Прокоповича – обычные «установки» в теоретических трактовках того времени. Однако бесспорное требование нормы, урегулированности, упорядоченности творческого процесса не лишено противоречивости. Вспомним рассуждения Ф. Прокоповича о поэзии. Это одновременно – «божий дар» и «наука», которой можно научиться, изучая образцы;

подражать – «измышлять правдоподобно» и подражать – следовать идеалу, утверждать идеал, учить, воспитывать и т.п. Следовательно, теория, требующая в основе своей исключительно нормы, допускает явные противоречия, по крайней мере, они возможны.

Знаменательно, что эта противоречивость ощутима в отношении не только теории, но и поэтической практики Ф. Прокоповича.

Обратимся в этой связи к его первой русскоязычной элегии *«Плачет пастушок в долгом ненастии»*. Подчеркнем тот факт, что до обращения к элегии на русском языке у Ф. Прокоповича были опыты в этом жанре с использованием латыни.

Читая внимательно элегию Ф. Прокоповича, сразу же замечаешь отсутствие строгого следования теоретическим требованиям автора «Поэтики». Можно с уверенностью сказать, что элегия «Плачет пастушок в долгом ненастии» написана по правилам «души». Реальные биографические события жизни Ф. Прокоповича положены в основу литературного произведения. Элегия построена на синтезе двух жанров: элегии и идиллии. Причем наличие этих двух начал в «свернутом» виде представлено в названии произведения: пастушок – обязательный герой идиллического жанра; плач – необходимый элемент элегии.

В структуре «Плачет пастушок в долгом ненастии» сильно ощущается противоборство двух начал: ненастья («Ни с каких сторон света не видно...») и дней красных («Потщися, боже, нас освободити от печали...»). Общая идея, по-видимому, сводится к следующему: печальюсь, страдаю, но верю, что бог поможет возвратить «дни красные».

Подчеркнем, что жанр идиллии повлиял не только на формирование элегии, но и способствовал становлению многих типов произведения. Достаточно вспомнить «оду» и такие ее разновидности, как «ода-посвящение», «замаскированная ода».

Влияние идиллического жанра на формирование сентиментальной повести несомненно. Первая элегия Ф. Прокоповича «Плачет пастушок в долгом ненастии» свидетельствует о том, что «чистота» жанра всего лишь теоретическое требование, как и замечание автора «Поэтики», что «...искусство, утвержденное определенными правилами и наставлениями, не только полезно поэту, но прежде всего, необходимо [2, с. 346].

Бесспорно, процессы взаимодействия и заимствования разных жанров сыграли явно позитивную роль в плане становления и развития жанровой системы в русской литературе XVIII в.

Отмечая определенные «нарушения» в элегии Ф. Прокоповича «Плачет пастушок в долгом ненастии», подчеркнем, однако, что это произведение сохраняет «память жанра», в нем, безусловно, доминируют исторически присущие этому жанру типологические черты. Это реально – «песня грустного содержания»: «все ненастье», «нет и надежды», «нет и конца воплей печальных и кручины».

К сожалению, первый опыт Ф. Прокоповича в плане создания элегического жанра остался незамеченным, но стремление автора расширить границы теоретически допустимого свидетельствует о явных поисках путей «самовыражения», субъективного освоения реального мира.

Следующий этап в развитии элегического жанра связан с именем В. Третьяковского.

В. Третьяковский разрабатывает два типа элегий: *треническую* и *эротическую* (*любовную*). Известно, что в трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов...» В. Третьяковский настаивает на том, что главные темы в элегии – печаль и

любовь («...стих плачевный и печальный...подлинно, хотя важное, хотя что любовное пишется в элегии...»). В определении типологических черт элегического жанра. В. Тредиakovский опирается на опыт предшественников. Вспомним в этой связи наставления Буало:

*В одеждах траурных, потупя взор уныло,
Элегия, скорбя, над гробом слезы льет,
Не резок, не высок ее стиха полет.
Она рисует нам влюбленных смех и слезы... [2, с. 395].*

В своей поэтической практике В. Тредиakovский во многом реализует эти теоретические положения.

Обратимся к анализу элегии поэта, посвященной смерти Петра I («*Элегия о смерти Петра Великого*»).

В этой первой элегии В. Тредиakovского явно соединяются элегическое и лирическое начала, что свидетельствует о генетической связи этого произведения поэта с фольклором, где наряду с плачем-причитанием использовался и «повествовательный» элемент¹, перечислялись деяния ушедшего:

*О премудрый Петре!..
...плачь, философия,
Плачьте...наук другие.
Стени, механика, вся математика...
...Петр, мудрый хранитель,
Своего государства новый сотворитель [3, с. 389].*

В. Тредиakovский стремится расширить границы элегического, для него перечисления «деяний Петра» представляют, по-видимому, своеобразный коллективный, «официальный» плач по покойнику. Исследовательница Н. Чистякова справедливо замечает, что погребения «не могли быть обыденными и требовали торжественных, освященных временем церемоний» [4, с. 326].

Несомненно, что эта торжественность похорон присутствовала в реальных событиях и нашла отражение в тренической разновидности элегии В. Тредиakovского.

Отмечая наличие элегического начала в «Элегии о смерти Петра Великого», подчеркнем, однако, что доминирующей, «скрепляющей» основой в этом произведении является лирическая составляющая. На первый план выдвигается эмоциональное переживание, вызванное трагическими событиями.

Все «диалоги» героев (Марс, Паллада, Нептун, Слава, Политика) связаны одной преобладающей эмоцией – боль, печаль, ощущение невосполнимой утраты. Это глубокое переживание объединяет всех и одновременно каждый пытается подчеркнуть, что его переживания, его индивидуальные чувства сильнее других, его утрата ощутимее. Последнее утверждение знаменательно: оно свидетельствует о новой авторской «установке», о стремлении в какой-то мере персонифицировать свои переживания, выделить их в сферу индивидуально-личностного. Этот наметившийся процесс, бесспорно, изменит «облик» элегии, переведет этот тип произведения из сферы «коллективного» в сферу «личностного».

Нагляднее всего этот процесс перестройки элегического жанра представлен в эротической (любовной) элегии В. Тредиakovского.

Для поэта любовная тема во многом является определяющей в его творчестве. Достаточно вспомнить жанр любовной песни, активно разрабатываемый В. Тредиakovским. «Освоив песню как основной и преимущественный жанр любовной лирики, В. Тредиakovский и сам стал восприниматься в начале 30-х годов как автор

любовных песен по преимуществу и как, безусловно, ведущая фигура в этой области...», – отмечает В. Топоров [5, с. 618]. Сам В. Тредиаковский называл себя первым любовным поэтом в русской литературе.

Любовная тема становится в элегиях В. Тредиаковского ведущей. В «*Элегии I*», «*Элегии II*» поэт вводит тему смерти, но она лишь повод, усиливающий душевные переживания героя. В. Тредиаковскому явно удается соединить в этих элегиях две жанровые разновидности: треническую и любовную (доминирующую), создать «язык сладости», передать глубокое чувство любви и всепобеждающей страсти. «Разум от меня бежит, страсть же мучит злая», – пишет В. Тредиаковский [3, с. 406].

Эти две элегии знаменательны тем, что в них осуществился переход от «общего» к «частному», от общественного официального переживания («Элегия о смерти Петра Великого») к индивидуальному; чувства становятся «внутренним» переживанием каждого отдельного человека. Это способствовало развитию самосознания личности.

¹ См. об этом А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. – Л., 1989.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прокопович Ф. Сочинения / Ф. Прокопович. – М.- Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 501 с.
2. Буало Н. Поэтическое искусство / Н. Буало. – М.: Наука, 1957. – 250 с.
3. Тредиаковский В. К. Избранные произведения / В. К. Тредиаковский. – М.-Л.: Сов. писатель, 1963. – 476 с.
4. Чистякова Н. А. Греческая эпиграмма / Н. А. Чистякова – Спб.: Наука, 1993. – 448 с.
5. Топоров В. Н. У истоков русского поэтического перевода... / В.Н.Топоров // Из истории русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 4. – 832 с.

Поступила в редакцию 15.04.2017 г.

FORMATION OF THE ELEGY GENRE IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XVIII CENTURY (F. PROKOPOVICH, V. TREDIAKOVSKY)

L. T. Senchina

The article regards the formation and the development of elegy genre in the Russian literature of the XVIII century. The novelty of theoretical thought of Prokopovich and Trediakovsky is stated in the article.

Key words: elegy, genre, genre borrowing, idyll.

Сенчина Людмила Тимофеевна
Кандидат филологических наук, доцент.
Донецкий национальный университет.
E-mail: makido@yandex.ru

Senchina Ludmila Timofeevna
Candidate of Philology, Docent.
Donetsk National University.
E-mail: makido@yandex.ru

УДК 811.161.1 – 1'42

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРРОР СОВРЕМЕННОГО ДИСКУРСА ВОЙНЫ

© 2017. И.А. Соболева

Статья посвящена изучению агонального оппозиционного концепта «мы – они» в дискурсе информационной войны. Дикурсивный анализ показывает, что в оппозиционном ряду «мы – они», «свои – чужие» происходят активные когнитивные, аксиологические, метафорические, грамматические и иные процессы, создающие новый лексикон, «социокультурный локус» языка войны. Подобный дискурс вербализует антагонистические когнитивные смыслы, формирует поляризованные аксиологические поля, рождает метафорические и лексико-словообразовательные варианты, отражающие глубину социально-политической трагедии Донбасса.

Ключевые слова: дискурс войны, концептосфера, агональные концепты, аксиологическая оценочность, концепты дискурса войны.

*«Войны начинаются в умах людей»
Из преамбулы Устава ЮНЕСКО*

Семиотическое пространство дискурса войны представляет собой систему знаков, ориентированных на военно-политическое противостояние. В семантике этих знаков отражается жестокая реальность военного конфликта, интерпретированная той или иной его стороной. Каждый дискурс соотносится с определенной концептосферой, представленной суммой концептов, отражающих в языковом сознании соответствующую область объективной действительности. В концептосфере войны важное место занимают оппозиционные агональные концепты с обобщенным семантическим объемом «мы» – «они».

Исследуя дискурс информационной войны, Л.Н. Синельникова говорит о том, что «...в условиях интенсивно организованной информационной войны происходит «раскручивание спирали» событий, возрастает степень неконтролируемой информационной вариативности... Нарративная цепочка «кто? что? где? когда?», которая в своей целостности должна быть носителем фактологичности и конкретности, перестает свидетельствовать о совпадении с действительностью. В дискурсе информационной войны действуют две основные коммуникативные установки: вытеснение (убрать любые аргументы оппонентов) и замещение (заменить своими, придав им максимально убедительную, вызывающую доверие адресата форму). Информационная война – это прежде всего вербальная война, война языковых знаков как война дискурсов» [6, с. 227–246].

Нас интересует «коммуникативная установка замещения» (Л.Н. Синельникова) в оппозиционном ряду «свои – чужие, мы – они» с точки зрения когнитивного диссонанса, «перезагрузки» лексических средств, вектора аксиологической и иной оценочности, характера отношений между эксплицитностью и имплицитностью.

Исходя из того, что в период любого военного противостояния и информационно-психологической войны в эпицентр коммуникации выдвигаются бинарные оппозиции «мы» – «они», «свой, наш» – «чужой, враг» и т.д., где левая (традиционно положительно маркированная) и правая (традиционно отрицательно маркированная) части, мы поставили пред собой цель проанализировать знаковую сущность этих

оппозиционных частей, учитывая то, что они могут меняться местами в зависимости от выбранных языковой личностью координат ценностей.

Агональная социолингвистическая ситуация в Донбас се сформировала свои полярные концептуальные модели, обусловленные социально-политическими, национально-культурными и нравственно-этическими факторами. Безусловно, мы можем говорить о социолингвистической ситуации, находящейся в динамическом состоянии, когда, к сожалению, продолжается военно-политическое противостояние и, следовательно, продолжается переформатирование, перестановка и аксиологические трансформации подобных когнитивных моделей. Интерес представляют и когнитивный потенциал, и словообразовательные модели, и метафорический объем. Но в большей степени интересны, на наш взгляд, аксиологические векторы этих концептов, находящихся свое выражение в различных институциональных дискурсах, на которые оказывает влияние система базовых культурных ценностей разных сегментов и форм социума.

Ю. Степанов считал, что «...дискурс существует прежде всего в текстах, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, в конечном счете – особый мир» [7, с. 71]. Для нас важным является осмысление выбора номинаций оппозиции «мы» – «они», «свой» – «чужой», поиск ответа на вопрос: какими лексическими ресурсами создаются корреляционные отношения в этой оппозиции?

Дискурсивный анализ позволяет представить исследуемую оппозицию так: «защитники, ополченцы, воины, бойцы» с одной стороны, с другой, – «силовики, каратели, боевики, оккупанты, захватчики, националисты, нацисты (нацики), фашисты, укры, укropy, свидомиты (свидомитые), вояки». Каждая из представленных номинаций формирует концепт дискурса войны, «обросший пучками смыслов», оценочными, референциальными, прецедентными, иллокутивными, персуазивными и иными возможностями. Осознать семантическое ядро этих концептов как языковых знаков помогает, как всегда, словарь.

Так, о наиболее частотном и прецедентном концепте «ополченец» в словаре В.И. Даля мы можем узнать из статьи к слову «ополчать» – «ополчать, ополчить (кого), вооружать, делать воином, образуя рать, войско; подымать, восстанавливать против кого, образуя рать, войско; заставить враждовать, биться; составлять полки. Например: *Ополченный народ дружно восстал. Ополчимся, станем за землю русскую! Стар и мал ополчается, готовится на брань.*

Ополченье – войско, дружина, рать, особенно народная, собранная по чрезвычайному случаю, народное или земское войско под названием милиции, ополченья ратников.

Опочанин, ополченец – ратник, временный воин земского войска, поступающий, по миновании в нем надобности, в первобытное состояние свое, служащий в ополчании вообще.

Ополчанка – жена ополчанина, ратника» [1, т. 2, с. 682].

В очередной раз удивляемся вневременности великого Даля, так как толкование лексемы «ополченец» абсолютно актуально для понимания семантического объема концепта «ополченец» в дискурсе войны в Донбас се. Ядерная сема «воин народного войска, собранного по чрезвычайному случаю» как нельзя лучше раскрывает семантику концепта «ополченец», чрезвычайно частотно представленного в дискурсе военного противостояния.

Дискурс войны преобразовал эту лексему с архаичным ареолом в обобщенную когнитивную модель, имеющую ярко выраженную, перцептивно-аксиологическую

функцию. Прием такого обобщения был описан Т. ван Дейком: существует парадокс восприятия индивидуальных свойств участников дискурса в качестве общих для всей группы и, наоборот, закрепление за отдельным человеком общих свойств группы, которыми он может не обладать в реальности [2, с. 149].

Менее частотно, однако представлен в дискурсе войны концепт «*воин*», также соответствующий высокому стилевому регистру. У В.И. Даля находим: «*Воин (воины, вои), воинственник, воинник, военный, солдат, ватай, ратник. Воинами в отечественную войну нашу называлось особое ополчение, набранное из одних удаленных имений Вел. Княгини Екатерины Павловны*» [1, т.1, с. 230]. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой в словарной статье к слову «*воин*» читаем: «*Человек, который служит в армии, воюет, кто сражается с врагом*» [5, с. 93]. Мы видим, что, несмотря на наличие пометы «высокое» у слова «*воин*», толкование не содержит отсылок к высоким стилевым сферам, как у В.И. Даля. Безусловно, в современном дискурсе войны концепт «*воин*» сопряжено с сакральным смыслом «*человек, готовый жертвовать собой во имя защиты других*».

Более нейтрален и соответственно частотно представлен в дискурсе войны концепт «*боец*». В.И. Даль приводит удивительно жизнеспособное для дискурса войны в Донбас се толкование к этому слову: «*Боец, бойчак, бойчиха – искусный в бою, особенно в одиночном, задорный драчун, охочий до боя, драки, боевая, бойкая особа. Например: Кулачный боец*» [1, т.1, с. 108]. Действительно, собирательный образ бойца армии ЛНР и ДНР – это чаще всего такой Василий Теркин нашего времени – человек, смелый, верящий в неотвратимость судьбы и победы добра над злом. Ярким примером конкретной реализации такого типичного образа бойца стал реальный боец ДНР с позывным Моторола. Персонаж, сформированный различными медиа, наделен и удалью, и бесшабашностью, и верой в правоту своей позиции.

Особое место в этой парадигме концептов, представляющих сторону оппозиции «наши» занимает номинация «*защитник*». У В.И. Даля можем узнать, что «*защитник (защитница) – заступник, боронитель, покровитель*» [1, т.1, с. 668]. А в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой содержится такое толкование: «*Тот, кто защищает, охраняет и оберегает кого-то или что-нибудь. Например: защитник слабых, обездоленных, защитники страны, защитники морали, веры*» [5, с. 225]. Безусловно, обе версии толкования находят отражение в современном дискурсе войны. Рядовые жители, проживающие на территории противостояния, действительно видят в ополченцах своих «*заступников, боронителей, покровителей*» [1, т.1, с. 668], а также не только защитников территории, но и «*защитников слабых, обездоленных, защитников морали и веры*» [5, с. 225]. Статус концептуальности у этого ключевого слова любого конфликта укрепляется в современном дискурсе войны за счет семы «*защитники морали и веры*». В этом, безусловно, отражается глубокий разлом ценностных ориентиров противостоящих сторон конфликта, когда одна часть в недавнем прошлом общего государства воспринимается как те, кто посягает на такие высшие для любого народа ценности, как мораль и вера.

Не менее интересен с дискурсологической точки зрения оппозиционный ряд, соответствующий семам «*они, чужие, не наши*». Одними из наиболее частотно представленных в дискурсе войны в Донбас се являются концепты «*оккупанты, захватчики, каратели*».

Степень «усвоения» и продвижения концепта «*оккупант*» доказывает, к примеру, следующий дискурсивный факт. Не только в политическом или медиадискурсе, но и в официально-деловой речи ЛНР и ДНР закрепилось выражение «*временно*

оккупированная территория», то есть те части Луганской и Донецкой областей, которые контролируются украинской стороной.

Каждый из этих трех концептов, как и такие члены оппозиции, как «фашисты» и «нацисты», словно реанимированы из нашего общего исторического прошлого – времен Великой Отечественной войны. Сейчас, как известно, отдельная часть современного социума, к которой примыкает и официальная власть Украины, пытается переписать историю и сместить акценты в оценке событий этой мировой трагедии. Однако жители Донбасса единодушны в осознании и восприятии этих страниц истории. Немецкие солдаты были и остаются для нас захватчиками, а слова «фашист» и «нацист» давно ассоциируются с попыткой порабощения и уничтожения.

Интерпретация этих лексем в толковых словарях подтверждает наши дискурсивные наблюдения. Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой так трактует эти концептуальные для дискурса войны понятия:

«Оккупант – участник оккупации, захватчик. Например: Изгнание оккупантов.

Оккупация – 1. временное отторжение, захват чужой территории военной силой.

2. Период такого захвата и пребывание гражданского населения на захваченной территории (разг.). Например: Оккупационные войска» [5, с. 449].

«Фашист – сторонник фашизма, последователь фашизма, т.е. идеологии воинствующего расизма, антисемитизма и шовинизма, опирающиеся на нее политические течения, а также открытая террористическая диктатура одной господствующей партии, созданный ею репрессивный режим, направленный на подавление прогрессивных общественных движений, на уничтожение демократии и развязывание войны» [5, с. 849].

«Нацист – сторонник фашизма, т.е. германского фашизма» [5, с. 398].

Таким образом, интерпретация трех вышеназванных знаков оппозиции, соответствующих в плане выражения и функциональной направленности семам «они, чужие, враги», представляют собой исторически сложившиеся архетипы нашего сознания, напрямую связанные с событиями Великой Отечественной войны. И «оккупант», и «захватчик», и «нацист» – это некоторые фреймовые ролевые образы, связанные стереотипными для нашей типичной языковой личности сценарием поведения, системой ценностей и психологией восприятия. В понимании и употреблении этих оппозиционных концептов велика роль нашего подсознания, формирующего образы этих архетипов на основании нашего воспитания, образования, ментальности.

Е.И. Шейгал считает, что «...действие, поступок становится знаком, если у него появляется второй план, предназначенный «для прочтения»» [8, с. 99]. Безусловно, такие знаки дискурса войны, как «фашист, нацист, захватчик, оккупант» связаны для нас, жителей Донбасса, одним семиотическим кодом, сценарием поведения. Они вместили в себя прошлые исторические события и соотнесенные с ними угрозы и испытания настоящего времени. Этот сложный во всех отношениях синтез образовал единый «социокультурный локус», по выражению В.Г. Щукина [9, с. 69-77].

Дискурсивные примеры, демонстрирующие их употребление: «преступления фашистов в Новосветловке» (там были убиты медработники местной больницы за то, что оказывали помощь ополченцам); «зверства оккупантов в Хрящеватом» (в поселке разрушено 90 % всех строений); «действия нацистов в Чернухино» (о препятствии эвакуировать местных жителей из поселка и желании использовать их в качестве «живого щита»), – подтверждают о сращении концептуальных смыслов времен

Великой Отечественной войны с оценкой трагических событий в Донбас се в наше время.

Особый дискурсивный интерес, на наш взгляд, представляет такой компонент рассматриваемой оппозиции, как лексема «*нацики*». Примечательность этого языкового знака не только в том, что это – словообразовательный «креатив» в дискурсе войны в Донбас се. Важна коннотативная маркировка этого словообразовательного варианта. В этой лексеме, представляющей семиотическую и словообразовательную трансмутацию слова «*нацист*», мы видим, с одной стороны, снижение коннотативной нагрузки не степени зла, воплощенного в этом понятии, а отношение к этому злу, как к чему-то постыдному и презираемому. Ярко выраженные иронический потенциал, уничижительная окраска и смеховая составляющая, заключенные в концепте «*нацики*», демонстрируют ту грань, которая позволяет, по мнению Е.И. Шейгал, разграничить денотативные референтные знаки политики, способствующие логическому осмыслению ситуации (*нацисты, фашисты, оккупанты*), от знаков-конденсатов, вызывающих сильную аффективную реакцию, которая ассоциируется с обозначаемой реалией, и концентрирующих в себе и негибкий народный дух, и веру в правоту своей позиции, и надежду на победу [8, с. 14–15].

В отличие от сугубо «технических» политических концептов «*нацист, фашист, оккупант*», концепт «*нацик*» демонстрирует целый шлейф образно-оценочных и эмотивных коннотаций, содержащих оценочные смыслы с позиций совпадения когнитивных контуров у членов одной социолингвистической общности.

С концептом «*нацик*» во многом созвучен и перекликается концепт «*укроп*», являющийся полноправным членом рассматриваемой оппозиции «свой – чужой». История его возникновения не так прозрачна, как в рассмотренном ранее случае. Однако можно предположить, что возник концепт «*укроп*» от лексемы, представляющую собой усеченную конструкцию «*укр*» («*укры*»), которая, в свою очередь, отпочковалась от слова «*украинец*» («*украинцы*»). Номинация «*укр*» стала прецедентной в современной украинской истории и украинском дискурсе, так как ее появление связано со скандально известной научной гипотезой о существовании древних укров, живших на территории Триполья. Мнение украинского социума относительно этой исторической версии поляризовалось, появилось много шуток и анекдотов на эту тему. Например: *Человек произошел от украинца; глобус Украины* и т.д. В языке закрепилось аксиологически и оценочно маркированное слово «*укр (-ы)*». Видимо, как производный от «*укр*» возник и политический аффектив, быстро завоевавший статус концепта в дискурсе войны, – «*укроп*».

Интересно, что «условия игры», связанные с функционированием такой креативной политической номинации, были приняты и оппозиционной стороной. На одном из московских ток-шоу, посвященному обсуждению войны в Донбас се, представитель проукраинской стороны был одет в толстовку с большим трафаретным изображением укропа и надписью «*Я – укроп!*».

Таким образом, концепт «*укроп*» стал доминантой «заряженного языка» (Т.М. Бережная), активным элементом дискурса войны как одной оппозиционной стороны, так и другой. Примечательно, что схождение в одном знаке двух лексем «*укр*» («*украинец*») и «*укроп*» («*растение из семейства зонтичных, часто используемое как приправа в кулинарии*»), сделало концепт «*укроп*» ярким политическим аффективом, который, по мнению, Дэвида Грэйбера обладает чрезвычайно ценными в политической коммуникации качествами:

– вызывать богатые образные ассоциации, извлекать из памяти яркие картинки прошлого опыта;

– активизировать сильные эмоции, провоцировать желаемую реакцию и тем самым служить сильным мобилизующим средством; обеспечивать быструю категоризацию понятия (вхождение в политическую картину мира), пропуска его через тот или иной «оценочный фильтр»;

– служить экономным, понятным для масс, и в силу этого быть эффективным обозначением сложных политических реалий, что значительно обогащает процесс коммуникации [3, с. 291–294].

Оба неологизма дискурса войны на юго-востоке (*нацик* и *укрон*) в равной мере обладают вышеперечисленными свойствами, среди которых наиболее важной нам представляется способность осуществлять категоризацию понятия и «пропускать» значение через тот или иной «оценочный фильтр». Кроме того, нам кажется значимым также то, что подобные лексические креативы выступают в роли дискурсивных маркеров – знаков событий, интерпретация которых включается в пространство дискурса войны.

Как уже было сказано ранее, в период военного противостояния и информационно-психологической войны, находясь в эпицентре коммуникации, бинарные оппозиции «мы – они, свои – чужие», левая и правая части оппозиции могут меняться местами в зависимости от выбранной системы ценностных координат. Так, к примеру, эта же оппозиция «мы – они, свой – чужой» противоположной (украинской) стороной конфликта формирует иной (противоположный) ряд положительных и отрицательно маркированных элементов: «мы» – *гвардейцы, украинские герои, киборги*; «они» – *сепаратисты, террористы, ватники, колорады, бандиты*.

Совершенно очевидны конгруэнтные дискурсивные процессы, связанные с активным желанием сформировать у адресата радикальные взгляды о сторонах конфликта, культивирование как образа врага, так и образа героя-победителя. Создаются новые метафорические оценочные номинации, отражающие оценочные и ценностные ориентиры и поляризованные мнения, с целью усиления весомости, когнитивной значимости и обобщенного восприятия модели в качестве групповой схемы.

К таким новым метафорическим образованиям, ставших неотъемлемым компонентом дискурса войны, безусловно, относится и многократно растиражированная дискурсивно-когнитивная модель «*киборг*» в значении «*боец украинской армии*». Например: *Наши бесстрашные киборги в Донецком аэропорту продолжают держаться несмотря ни на что*.

Каждая метафора, выполняющая дискурсообразующую роль, позволяет представить реальность панорамно, аксиологически субъективировано, диахронично и т.д. С точки зрения когнитивного потенциала метафора является механизмом переосмысления одномерного восприятия явлений и событий в многомерное изображение, т.е. является средством концептуализации действительности.

Видимо, мотивационная база первичного значения слова «*киборг*» четко не проявлена в сознании украинского адресанта. Корни этой лексемы затерялись в американских блок-бастерах о людях-машинах, не имеющих право на чувства (в том числе на жалость, любовь, сострадание и т.д.), а также способность оценивать и анализировать происходящее. «*Киборг*» в американской фильмографии – это человек-робот, спасающий планету от неминуемой гибели, но переживающий чувство неполноценности и стремящийся стать человеком или приобрести человеческие качества – любить, сострадать и т.д.

В современных словарях иноязычных слов нет лексемы «*киборг*», однако в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина есть слово «*кибер*» (сокр. слова

кибернетический): «Первая составная часть сложных слов, имеющая значение кибернетический. Например: кибер-машина, кибер-пространство» [4, с. 355].

Следовательно, перенос номинации «киборг» на украинского солдата – это отождествление его с машиной, роботом, обладающим супервозможностями. Но при этом не учитывается то, что любая, самая сложная автоматическая система не может быть совершеннее человека с морально-нравственной стороны. И самые известные американские кинохиты, кстати, доказывают это (например, фильмы «Терминатор», «Пятый элемент» и др.). В связи с этим, сомнительна идея отождествления поступков и действий человека на войне, выполняющего свой воинский долг, с бездушной машиной, выполняющей чью-то волю и заложенную в нее программу действий.

Тиражирование лексемы «герой» в значении «военнослужащий» тоже вызывает вопросы, если рассматривать этот факт как дискурсивную стратегию. Президент П. Порошенко частотно употребляет слово «герой (герои)» в значении «украинские военнослужащие в Донбассе». Таким образом, происходит обесценивание, нивелировка высоких коннотативных страт этой лексемы.

Слово «гвардейцы» также растиражированный элемент украинского дискурса войны. Однако его дискурсивное значение расходится со значениями, зафиксированными в толковых словарях русского языка: «Гвардия – отборные, лучшие войска. Гвардеец – лучшая, испытанная часть какого-либо коллектива, группы» [5, с. 127]; «Гвардия (франц.) – отборное войско по близости государя, щеголеватое одеваемое и жалуемое преимуществами. Гвардеец – служащий в полках гвардии» [1, т. 1, с. 346]. Украинская армия, воюющая в Донбассе, была названа Национальной гвардией, соответственно каждый солдат этой армии – гвардеец. Говорить о том, что украинская армия «щеголеватое одеваемое и жалуемое преимуществами» воинское образование, можно только в сатирическом или пародийном контексте.

Таким образом, произошла дискурсивная подмена понятий, в соответствии с которой, гвардеец – это не представитель военной элиты, наиболее испытанный, квалифицированный представитель гвардии, а обычный военнослужащий армии Украины. Подобные манипулятивные технологии преувеличения, наделения отличительными признаками, – растиражированные технологии, применяемые в рекламном, политическом дискурсе и в шоу-бизнесе, где любой его представитель может претендовать на звание «звезды».

Резюмируя анализ оппозиции «мы – они, свои – чужие» в дискурсе войны в Донбассе, хочется сказать, что только нейтрализация номинаций, называющих противоборствующие силы от открыто враждебных к нейтральным (например: *силы, военные структуры, представители ВСУ, ЛНР, ДНР*) будет способствовать переходу от войны к миру. Безусловно, все члены социума и прежде всего представители властных структур, официальных медиа, должны осознать высокую степень ответственности за каждое произнесенное и написанное слово в дискурсе войны.

Только «перевод» конфликта в рамки предписаний и ограничений действий, в том числе и дискурсивных, может привести к победе здравого смысла и урегулированию противостояния. Давно пришло время заключить перемирие на метафоры, образы, экспрессымы, пролонгирующие конфликт и провоцирующие стороны на активные действия. Та часть социума, которая анализирует и изучает дискурсивные процессы этой войны, хорошо понимает, что вербализация антагонистических когнитивных смыслов и поляризованных аксиологических полей отражает глубину социально-политической трагедии в Донбассе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.т. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996.
2. Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 300 с.
3. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов – М.: Эксмо, 2007. – 944 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
5. Синельникова Л.Н. Лингвистика дискурса информационной войны.// Наукові записки Луганського національного університету. Серія «Філологічні науки». Дискурсологія: мова, культура, суспільство: зб. наук. праць. №1/39. Луганськ, Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2014. – С. 227 – 246.
6. Степанов Ю. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 в. – М., 1995. – 496 с.
7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис». – 326 с.
8. Щукин В.Г. Социокультурное пространство и культура жанра // Вопросы философии, 1970 – № 6. – С. 69 – 77.
9. Graber D. Verbal Behavior and Politics. – Urbana: Univ. of Illinois Press, 1976. – 361 p.

Поступила в редакцию 10.02.2017 г.

AXIOLOGICAL TERROR OF MODERN WAR DISCOURSE

A. Soboleva

The article addresses agonal oppositional concept 'we – they' in the discourse of informational war. The discourse analysis shows that in the opposition 'we – they', 'several – alien' active cognitive, axiological, metaphorical, grammatical and other processes take place, which result in new lexicon creation, 'sociocultural locus' of war language. Such discourse verbalizes antagonistic cognitive senses, forms polar axiological fields, begets metaphorical and lexical and word-forming variants reflecting the depth of the socio-political tragedy of Donbass.

Key words: war discourse, conceptual sphere, agonal concepts, axiological appraisal, concepts of war discourse.

Соболева Ирина Александровна

Кандидат филологических наук, доцент.

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко.

Заведующий кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий.

E-mail: sobolevalugansk@mail.ru

Soboleva Irina Alexandrovna

Candidate of Philology, Docent.

Lugansk National University named after Taras Shevchenko.

Head of the Department of Russian linguistics and communicative technologies.

E-mail: sobolevalugansk@mail.ru

УДК 81`322.6` 367.4

**СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИНТАГМ
В РОМАНЕ К. ПАУСТОВСКОГО «ЗОЛОТАЯ РОЗА»
И РАССКАЗЕ С. МОЭМА «A FRIEND IN NEED»**

© 2017. *Е. В. Филатова, В. А. Филатов*

В статье представлен сопоставительный анализ структуры, объёма и частотности синтагм в текстах конкретных художественных произведений К. Паустовского и С. Моэма. Устанавливается факт обусловленности активности использования синтагм их объёмом. Отмечаются сходство и различия в синтагматической структуре произведений и функционировании синтагм у русского и английского писателей.

Ключевые слова: русская речь, английская речь, делимитация речи, синтагма, объём синтагмы, активность синтагмы.

Цель статьи – обратить внимание на структуру, объём и активность синтагм в речи художественных произведений русского и английского писателей; выяснить характер их функционирования; определить причины, влияющие на частотность синтагм в речи.

Актуальность работы обусловлена тем, что, как это ни парадоксально, но синтагма ещё не изучается ни в школе, ни в вузе, хотя именно она является исходной минимальной речевой единицей во всех видах речевой деятельности – и продуцирующих, и рецептивных. Она центральная единица порождения и восприятия речи, т. е. главная речевая структура в речи каждого человека – в любой её форме. На синтагму опираются все носители языка, хотя в теоретическом осмыслении сведения о ней не представляют ещё чёткой системы [1, с. 61]. Для языка как арсенала знаменательных средств характерны свои единицы, а для речи – письменной и устной – естественны свои типичные структуры. Исходной единицей обеих форм речи является синтагма, минимальная индивидуально-креативная структура, спонтанно появляющаяся в сознании человека в процессе речи и отражающая отдельный недискретный фрагмент конкретной ситуации. Она является реальной единицей порождения речи, её членения и восприятия.

Важными характеристиками синтагм являются **структура** и **объём**. Структура отражает взаимоположение всех её компонентов, обычно мгновенно объединившихся в сознании человека в минимальную речевую единицу. Объём же представляет количественную её характеристику на основании числа её компонентов.

Членение текста возможно на любые речевые единицы [2, с. 83; 3], однако нас интересует членение его на исходные единицы порождения и восприятия. Естественно полагать: из каких единиц речь составлена, на их основе она и воспринимается, так как именно они определили её структуру и содержание.

Осуществляя сопоставительный анализ структуры, объёма и активности синтагм, попытаемся осветить его на материале русской и английской художественной классики. Наше исследование осуществлялось на разных форматах текста произведений, и результаты показали, что достаточно объёма текста в сто синтагм для отражения общих закономерностей их синтагматической структуры.

Сначала представим синтагматическую запись фрагмента романа К. Паустовского.

Я живу / в маленьком доме / на дюнах. // Всё Рижское взморье / в снегу. // Он всё время / слетает с высоких сосен длинными прядями / и рассыпается в пыль. ///

Слетает он от ветра / и оттого, / что по соснам прыгают белки. // Когда очень тихо, / то слышно, / как они шелушат сосновые шишки. ///

Дом стоит / у самого моря. // Чтобы увидеть море, / нужно выйти за калитку / и немного пройти / по протоптанной в снегу тропинке / мимо заколоченной дачи. // На окнах этой дачи / ещё с лета / остались занавески. // Они шевелятся от слабого ветра. // Должно быть, / ветер проникает сквозь незаметные щели в пустую дачу, // но издали кажется, / что кто-то подымает занавеску / и осторожно следит за тобой. ///

Море не замёрзло. / Снег лежит / до самой кромки воды. // На нём видны следы зайцев. // Когда на море подымается волна, / то слышен не шум прибоя, / а хрустеньке льда / и шорох оседающего снега. // Балтика зимой / пустынна и угрюма. // Латыши называют её «Янтарным морем» / («Дзинтара юра»). // Может быть, / не только потому, / что Балтика выбрасывает много янтаря, // но ещё и потому, / что её вода / чуть заметно / отликает янтарной желтизной. ///

По горизонту / весь день / лежит слоями тяжёлая мгла. // В ней пропадают очертания низких берегов. // Только кое-где в этой мгле / опускаются над морем / белые косматые полосы — // там идёт снег. // Иногда / дикие гуси, / прилетевшие в этом году слишком рано, // садятся на воду / и кричат. // Тревожный их крик / далеко разносится по берегу, // но не вызывает отклика — // в прибрежных лесах зимой / почти нет птиц. ///

Днём в доме, / где я живу, / идёт привычная жизнь. // Трещат дрова в разноцветных кафельных печах, / приглушённо стучит пишущая машинка, // молчаливая уборщица Лиля / сидит в уютном холле / и вяжет кружево. // Всё обыкновенно / и очень просто. ///

По вечерам / кромешная темнота окружает дом, // сосны придвигаются к нему вплотную, / и, когда выходишь из ярко освещённого холла наружу, // тебя охватывает ощущение полного одиночества, // с глазу на глаз, / с зимой, / морем / и ночью. ///

Море уходит на сотни миль в чёрно-свинцовые дали. // На нём не видно / ни одного огонька. / И не слышно / ни одного всплеска. // Маленький дом стоит, / как последний маяк, / на краю туманной бездны. // Здесь обрывается земля. // И поэтому кажется удивительным, // что в доме спокойно горит свет, / поёт радио, / мягкие ковры заглушают шаги, // а на столах.../ [лежат раскрытые книги и рукописи].

Объём (т.е. количество ударных слов) рассматриваемых ста синтагм в соответствии с их последовательностью выглядит следующим образом:

2, 2, 1, 3, 1, 3, 5, 2, 3, 1, 3, 3, 1, 5, 2, 2, 3, 3, 2, 3, 2, 3, 2, 2, 4, 2, 6, 2, 3, 3, 2, 2, 3, 4, 4, 3, 2, 3, 2, 2, 5, 2, 2, 2, 4, 2, 2, 2, 3, 1, 2, 4, 5, 4, 2, 3, 3, 1, 2, 5, 2, 1, 3, 3, 2, 3, 3, 2, 3, 3, 5, 4, 3, 3, 2, 2, 2, 1, 4, 4, 6, 5, 2, 1, 1, 1, 7, 2, 2, 1, 2, 3, 3, 3, 3, 3, 4, 2, 4, 1.

Общее количество ударных слов здесь – 273. Однословных синтагм – 13. Максимальный объём синтагмы – 7 слов. Таких синтагм в данном фрагменте – 1.

Сведения относительно объёма синтагм, количества их в речи, количества компонентов в них, частотности употребления, а также их места по активности использования в тексте представлены в таблице 1.

Наиболее активны у Паустовского 2-словные синтагмы. На каждые сто синтагм текста их приходится в среднем 36 (т.е. они занимают 36 % структуры текста). Следующие по активности 3-словные синтагмы, их около 30. Эти две группы синтагм занимают примерно две третьих части текста (66 %). На долю остальных пяти видов синтагм разного объёма остаётся 34 %, или 34 позиции.

Объём и активность синтагм в романе К. Паустовского

Место по активности в тексте	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Активность синтагм в тексте в процентном выражении
1	2-словные	36	72	36 %
2	3-словные	30	90	30 %
3	1-словные	13	13	13 %
4	4-словные	11	44	11 %
5	5-словная	7	35	7 %
6	6-словная	2	12	2 %
7	7-словные	1	7	1 %
Всего:		100	273	100 %

Обращает на себя внимание тот факт, что у этих двух синтагм по активности использования существенный отрыв от 1-словной синтагмы, которая занимает третье место по частоте использования. Они употребляются в два с половиной раза чаще её.

Объём условной синтагмы составляет: $273 : 100 = 2,7$ (т. е. 3 слова) [об условной синтагме см.: 4, с. 38].

Все представленные здесь результаты получены в процессе двух вариантов исследования. При первом подходе в контекстах в 100 синтагм определялось количество синтагм разного объёма. Удобство его в том, что в этом случае каждая синтагма отражает один процент текста, поэтому число одинаковых по объёму синтагм одновременно указывает и на их процентное количество в тексте.

Во втором случае рассматривались контексты с разным количеством синтагм, потом выяснялось процентное содержание синтагм конкретного объёма путём деления количества синтагм этого объёма на общее число синтагм в тексте с умножением на 100 процентов. Результаты на уровне целых чисел были в принципе одинаковы.

Эти варианты исследования помогли определить минимальный объём контекста, который позволяет делать объективные выводы относительно особенностей синтагматической структуры текста в целом. Так что не столь важно, какие размеры исследуемых контекстов. Контексты связной речи в полстраницы давали объективную картину функционирования в нём синтагм разного объёма.

А теперь обратимся к тексту английской художественной речи. Рассмотрим объём и активность синтагм в рассказе С. Моэма «Друзья познаются в беде» (Somerset Maugham, «A Friend in Need»).

For thirty years now / I have been studying my fellow-men. // I do not know very much about them. // I suppose / it is on, / the face / that for the most part / we judge the persons / we meet. // We draw our conclusions / from the shape of the jaw, / the look in the eyes, / the shape of the mouth. // I shrug my shoulders / when people tell me / that their first impressions of a person / are always right. // For my own part / I find / that the longer I know people / the more they puzzle me: // my oldest friends / are just those / of whom / I can say / that I don't know anything about them. // These thoughts have occurred to me / because I read in this morning's paper / that Edward Hyde Burton had died at Kobe. // He was a merchant / and he had been in Japan / for many years. // I knew him very little, / but he interested me / because once / he gave me a great surprise. // If I had not heard the story from his own lips / I should never have believed / that he was capable of such an action. // It was the more startling / because both his appearance and his manner / gave the impression of a very different man. // He was a tiny little fellow, / very slender, / with white hair, / a red face much wrinkled, / and

blue eyes. // I suppose / he was about sixty / when I knew him. // He was always neatly and quietly dressed / in accordance with his age and station. ///

Though his offices were in Kobe / Burton often came down to Yokohama. // I happened / on one occasion / to be spending a few days there, / waiting for a ship, / and I was introduced to him at the British Club. // We played bridge together. / He played a good game / and a generous one. // He did not talk very much, / either then or later / when we were having drinks, / but what he said / was sensible. // He had a quiet, dry humour. // He seemed / to be popular at the club / and afterwards, / when he had gone, / they described him / as one of the best. // It happened / that we were both staying at the Grand Hotel / and next day / he asked me / to dine with him. // I met his wife, / fat, / elderly / and smiling, / and his two daughters. // It was evidently a united / and loving family. // I think / the chief thing / that struck me about Burton / was his kindness. // There was something very pleasing / in his mild blue eyes. // His voice was gentle; / you could not imagine / that he could raise it in anger; / his smile was kind. // Here was a man / who attracted you / because you felt in him / a real love for his fellows // He had charm.

В этом речевом фрагменте тоже сто синтагм. Их объём в соответствии с их последовательностью выглядит следующим образом:

4, 7, 8, 2, 3, 2, 5, 4, 2, 4, 6, 5, 5, 4, 4, 7, 3, 4, 2, 6, 5, 3, 3, 2, 3, 7, 6, 7, 8, 4, 6, 3, 5, 4, 2, 6, 11, 5, 8, 5, 7, 8, 6, 2, 3, 5, 3, 2, 4, 4, 7, 7, 6, 6, 2, 3, 7, 4, 10, 4, 5, 4, 6, 4, 5, 4, 2, 6, 2, 6, 2, 4, 3, 5, 2, 9, 3, 3, 4, 4, 1, 1, 2, 4, 5, 3, 2, 3, 5, 3, 5, 5, 4, 4, 7, 4, 4, 3, 5, 3.

Общее количество компонентов во всех синтагмах – 446. Минимальная синтагма включает одно ударное слово. Их в рассматриваемом фрагменте – 2. Максимальное количество слов в синтагме – 11. Таких синтагм – 1.

По сравнению с синтагматической структурой произведения К. Паустовского, использующего семь видов синтагм в зависимости от их объёма, у С. Моэма объём синтагм представлен шире – у него 11 видов.

Все интересующие нас сведения о синтагмах в художественной речи С. Моэма представлены в таблице 2. В ней отражены характеристики синтагм по тем же параметрам, что и в таблице 1. Но здесь несколько иные показатели – в количественном и в качественном отношениях. Причём эти показатели соотносятся не только в художественной речи русского и английского языков, но и в других речевых сферах, в частности разговорной и научной [5, с. 104].

Таблица 2

Объём и активность синтагм в рассказе С. Моэма

Место по активности в тексте	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Активность синтагм в тексте в процентном выражении
1	4-словные	23	92	23 %
2	3-словные	17	51	17 %
3	5-словные	16	80	16 %
4	2-словные	15	30	15 %
5	6-словные	11	66	11 %
6	7-словные	9	63	9 %
7	8-словные	4	32	4 %
8	1-словные	2	2	2 %
9	9-словные	1	9	1 %
10	10-словные	1	10	1 %
11	11-словные	1	11	1 %
Всего:		100	446	100 %

Объём условной синтагмы в произведении С. Моэма: $446 : 100 = 4,5$, т. е. почти на два компонента больше, чем в романе К. Паустовского, что обусловлено спецификой образования грамматических форм слов в английском языке. Русский язык относится к синтетическому типу языков, тогда как английский – к аналитическому. У них разные способы образования форм слов и передачи грамматических значений. В русском языке – за счёт внутренних резервов слова, в английском – с помощью дополнительных слов. Именно этим можно объяснить тот факт, что по активности использования 1-словные синтагмы занимают в произведении английского писателя лишь восьмое место: у них всего две позиции из ста – 2 % наполнения текста.

В таблице 3 представлены сопоставительные данные, касающиеся объёма и активности синтагм в рассматриваемых произведениях К. Паустовского и С. Моэма.

Таблица 3

Объём и активность синтагм у К. Паустовского и С. Моэма

Объём синтагм в русской речи	Процент активности	Место по активности	Объём синтагм в английской речи	Процент активности	Место по активности
2-словные	36 %	1	4-словные	23 %	1
3-словные	30 %	2	3-словные	17 %	2
1-словные	13 %	3	5-словные	16 %	3
4-словные	11 %	4	2-словные	15 %	4
5-словные	7 %	5	6-словные	11 %	5
6-словные	2 %	6	7-словные	9 %	6
7-словные	1 %	7	8-словные	4 %	7
8-словные	–	–	1-словные	2 %	8
9-словные	–	–	9-словные	1 %	9
10-словные	–	–	10-словные	1 %	10
11-словные	–	–	11-словные	1 %	11
ВСЕГО:	100 %		ВСЕГО:	100 %	

В романе К. Паустовского «Золотая роза» представлены семь видов синтагм, включающих от одного до семи слов. В рассказе С. Моэма «A Friend in Need» используются одиннадцать видов синтагм, включающих от одного до одиннадцати слов.

Наиболее употребительны у русского писателя – 2-словные синтагмы: их 36 единиц на сто синтагм. У английского автора самые активные синтагмы 4-словные. Их у него в аналогичных по объёму контекстах – 23.

Второе место по активности в тексте Паустовского занимают 3-словные синтагмы, их у него – 30 единиц на сто синтагм, у Моэма 3-словные синтагмы тоже занимают второе место, но их у него – 17.

На третьем месте у русского писателя 1-словные синтагмы, их у него – 13, а у английского автора на третьем месте по активности 5-словные синтагмы, их – 16.

Четвёртое место соответственно занимают 4-словные у Паустовского (их 11) и 2-словные у Моэма (15).

Далее в русском тексте располагаются 5-словные синтагмы (их 7), 6-словные (их 2) и 7-словные (1). Синтагм большего объёма в тексте нет, что соответствует утверждению Н.В. Черемисиной о максимальном объёме синтагм в русской художественной речи [6, с. 29].

В произведении С. Моэма на пятом месте – 6-словные синтагмы (их 11), на шестом – 7-словные (9), на седьмом – 8-словные (4), на восьмом – 1-словные (2).

Синтагмы с 9, 10 и 11 компонентами заняли в тексте по одной позиции.

Особенностью синтагматики русского текста является то, что по мере увеличения объёма синтагм (начиная с 4-словной) их активность в нём резко сокращается.

Так, 4-словная синтагма употребляется реже самой активной (2-словной синтагмы) в три с половиной раза, 5-словная используется реже в пять раз, а 6-словная – в 18 раз.

Синтагмы с шестью и семью компонентами в английской речи используются в 5–7 раз чаще, чем в русской.

Четыре самые активные синтагмы русского текста, включающие от одного до четырёх слов, составляют 90 % текста, тогда как такой объём английского текста наполняют шесть видов синтагм, включающих от двух до семи слов.

Уместно отметить, что в английском тексте сокращение активности синтагм носит плавный характер: первая по активности синтагма (4-словная) используется здесь чаще пятой по активности (6-словной) всего лишь в 2 раза, тогда как в русском тексте соответствующий показатель равен 5.

Исследования показывают, что представленные соотношения характерны не только для художественной речи. Они в значительной степени свойственны разговорной и научной речи русского и английского языков [7, с. 206].

Объём используемых синтагм соотносится с динамикой речи, её ритмом и их частотностью, осознание чего позволяет сделать речь уже на структурном уровне весьма эффективным инструментом воздействия на людей. Учёт этого особенно важен для художественных, публицистических, ораторских и рекламных текстов.

Обращая внимание на структуру и объём синтагм в художественной речи разных языков, следует отметить, что важны не только различия в объёме исходных единиц речи, но и сходство этих единиц и их функций. А сходство их в том, что они обеспечивают порождение, передачу и восприятие конкретного содержания в ритмически организованной связной речи.

Рассматриваемые вопросы весьма важны для развития теории и практики речевой деятельности, устной и особенно письменной форм речи, в связи с чем необходимо системное и основательное их изучение в школе и вузе.

Синтагматическая концепция речи важна в прагматическом плане, она помогает выработке таких умений и навыков чтения, которые максимально способствуют адекватному восприятию передаваемого содержания, что весьма важно при работе не только с художественными, но и с учебными, научными и другими текстами, требующими абсолютно точного их понимания. Для читателя весьма важно чётко и последовательно разграничивать авторские синтагмы, определять их реальные границы и осознавать их авторскую интонацию. Только при таком подходе возможно адекватное понимание авторского содержания текста и точный перевод его на другие языки, что особенно важно, если учитывать, что чтение для современного человека – остаётся основным способом получения знаний и формирования личной системы понятий и представлений о мире.

Не менее важны они при изучении языков, способствуя выяснению того, какие слова в предложении сочетаются в единые грамматические или структурно-смысловые группы с конкретным ситуативным значением, составляющие реальную его структуру и определяющие его содержание. Естественно, что более объёмные синтагмы в английской речи вызывают больше затруднений при определении их реальных границ, порождая тем самым серьёзную учебно-методическую проблему, успешное решение которой без осознания синтагматической природы речи и опоры при чтении на авторскую интонационную делимитацию весьма затруднительно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л.В. Щербы / В.В. Виноградов // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880–1944). – Л.: Изд-во ЛГУ им. А.А. Жданова, 1951. – С. 31–62.
2. Родионова О.С. К вопросу о единицах членения текста / О.С. Родионова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2008. – № 1. – С. 81–84.
3. Шмелёв Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке / Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1976. – 150 с.
4. Филатов В.А. Объём и активность синтагм в русской речи / В.А. Филатов, Е.В. Филатова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4. – С. 35–41.
5. Филатова Е.В. Сопоставительное исследование объёма синтагм в русской, украинской и английской речи / Е.В. Филатова // STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA // 1/ 2016. – Донецк. – С. 104–112.
6. Черемисина Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь / Н.В. Черемисина. – М.: Русский язык, 1982. – 205 с.
7. Филатова Е.В. Структура, объём и активность синтагм в русской и английской речи // Вестник Брянского государственного университета, № 2 (28), 2016. – С. 206–209.

Поступила в редакцию 10.04.2017 г.

**COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF SYNTAGMAS IN THE NOVEL "THE GOLDEN ROSE"
BY K. PAUSTOVSKY AND THE STORY "A FRIEND IN NEED" BY S. MAUGHAM**

E. V. Filatova, V. A. Filatov

The comparative analysis of the structure, length and frequency value of syntagmas functioning in the texts of selected works by K. Paustovsky and S. Maugham is given in the article. It is stated that the syntagmas frequency value correlates with their length. Similar and differentiating features of the syntagmatic structure and syntagmatic functioning in works by Russian and English writers are considered.

Key words: Russian speech, English speech, speech delimitation, a syntagma, length of syntagma, syntagma frequency value.

Филатова Елена Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент.
Донецкий национальный университет.

Filatova Elena Vladimirovna

Candidate of Philology, Docent.
Donetsk National University.
E-mail: taranushchenko@mail.ru

Филатов Владимир Аниканович

Кандидат филологических наук, доцент.
Донецкий национальный университет.

Filatov Vladimir Anikanovich

Candidate of Philology, Docent.
Donetsk National University.
E-mail: anikanych@yandex.ua

УДК 81'374.3=161.1

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА НЕОНОМИНАЦИЙ ЛИЦА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале словаря-справочника Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда»)

© 2017. Н. А. Ярошенко

В статье на материале словаря-справочника Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда» (2012) рассматриваются основные структурно-семантические особенности неониминаций лица по профессиям, специальностям и должностям в современном русском языке. Анализируемые лексемы распределены по группам в зависимости от исконного или заимствованного характера основы и/или аффикса. Установлено, какие денотативные и словообразовательные типы лексики представлены в рассматриваемом словаре-справочнике и какова наполняемость этих типов. Рассмотрены вариативные и синонимические неониминации лиц по профессиям.

Ключевые слова: номинатив, неологизм, неониминация, категория лица, неониминации лица.

Антропоцентризм, который в числе прочих тенденций определяет развитие современной лингвистики (см. [1; 2]), также присущ и современной дериватологии. При этом следует иметь в виду, что антропоцентрический характер свойственен и самому языку как объекту изучения языкознания в целом и всех его разделов в частности. Другими словами, и для самого языка, и для науки о нём человек становится своего рода точкой отсчёта при создании, порождении ряда языковых фактов и при их изучении. В словообразовании это проявляется в активном производстве наименований лица и в активизации их исследования.

Так, по словам Е. А. Земской, герой современного словообразования — это человек [3, с. 126]. Дериватологи называют тематическую группу «Человек» и неониминации лица ярким «неогенным участком» языковой системы русского языка (см. [4, с. 138; 5, с. 93; 6, с. 104]). Н. С. Валгина, анализируя активные словообразовательные процессы конца XX века, которые выявили «наиболее продуктивные словообразовательные модели сегодняшнего дня», среди прочих называет активное производство имён лиц [4, с. 138]. Е. А. Зайцева, констатируя тот факт, что номинативы, обозначающие лицо, являются ярким подтверждением тех заметных изменений, которые претерпела лексическая система русского языка на рубеже XX — XXI веков, отмечает, что «имена существительные — названия лица оказались одной из наиболее интересных, разнообразных лексико-семантических групп, представленных большим числом неологизмов» [7, с. 129]. О. В. Григоренко приходит к выводу о том, что в современной отечественной лингвистике можно выделить два взаимосвязанных и взаимообусловленных вектора неологических исследований: 1) собственно неологию, т. е. лексикологию неологизмов, которая ставит «целью анализ новых языковых явлений» [8, с. 99], и 2) неографию, т. е. лексикографию неологизмов, которая нацелена на «адекватное отражение неологизмов в словарях» [8, с. 99]. Также, на наш взгляд, можно говорить о пересечении двух обозначенных векторов неологических изысканий, поскольку материал, собранный и систематизированный лексикографами, также в свою очередь должен становиться объектом изучения и осмысления как факт языковой системы и/или речевой практики.

Данная статья продолжает серию публикаций самого автора, а также работ, выполненных под его руководством, которые посвящены рассмотрению особенностей номинативов лица в современном русском языке (см. [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15]).

Объектом исследования послужили неозаимствования — номинации лица по профессиям, специальностям или должностям, зафиксированные в словаре-справочнике Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда» [16]. В то время **как предметом анализа** являются семантические структуры, денотативные типы и модели образования неониминаций лиц, зафиксированных в указанном лексикографическом источнике и являющихся или заимствованиями, или же дериватами на базе заимствованных слов или основ, но при помощи исконных аффиксов.

Цель статьи — выявить и охарактеризовать основные структурно-семантические особенности неониминаций лица в современном русском языке на материале словаря-справочника Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда».

Достижению поставленной цели способствует решение следующих конкретных исследовательских **задач**:

- 1) методом сплошной выборки лексических единиц из словаря-справочника Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда» сформировать фактическую базу исследования;
- 2) распределить анализируемые лексемы на группы в зависимости от исконного или заимствованного характера основы и/или аффикса;
- 3) определить, какие денотативные и словообразовательные типы лексики представлены в рассматриваемом словаре-справочнике и какова их наполняемость;
- 4) установить в пределах анализируемого материала вариативные и синонимические неозаимствования — наименования лиц по профессиям.

Названный словарь-справочник был разработан автором на основании анализа текстов рекламных объявлений, размещенных в печатных СМИ и на просторах сети Интернет. Словарь включает 424 единицы, представляющие собой новые наименования лица по профессиям, специальностям и должностям. Словарь Н. В. Исаевой наряду со словарями О. В. Григоренко, Н. П. Колесникова и др. (см. [5; 7]) входит в то небольшое число лексикографических изданий, которые в отечественной неографии посвящены «описанию конкретной лексико-семантической группы наименований лица» [7, с. 129].

Словарная статья в словаре-справочнике Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда» включает следующие структурные компоненты:

1. Заголовочное слово или словосочетание в исходной форме, снабженные знаком ударения.
2. Происхождение слова в том случае, если оно заимствованное и язык-источник установлен. В некоторых случаях приводятся словообразовательные цепочки, может указываться не только язык-источник, но и язык-посредник.
3. Толкование значения слова, которое осуществляется с помощью интегральной семы 'человек профессиональный' и последующего уточнения значений с помощью ряда дифференциальных сем. При этом осуществляется разъяснение специфики выполняемой работы. В тех случаях, когда слово имеет несколько значений, связанных с особенностями деятельности в разных профессиональных сферах, то каждое из них дается в словарной статье под отдельным номером.
4. Иллюстративный материал, которым служат тексты рекламных объявлений, сайтов Интернета и под.
5. Дополнительные сведения в случае их наличия приводятся в конце словарной статьи и включают полные/частичные синонимы или же варианты заголовочного слова.
6. Стилистические пометы. Эта характеристика лексических единиц в словаре Н. В. Исаевой включает только помету *жаргонное* и охватывает те случаи, когда «в рекламных объявлениях зафиксировано наименование новой профессии,

специальности, принятое в определенной социальной группе людей, чаще объединённых профессионально или сетевым сообществом» [16, с. 5].

В первую очередь все представленные в словаре-справочнике Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда» 424 неонминации лица по профессиям, специальностям или должностям можно разделить на три большие группы относительно исконного или заимствованного характера основы и/или аффикса:

1. Заимствованные неонминации лица, которые охватывают более 70 % от общего числа зафиксированных в словаре Н. В. Исаевой неонминаций. Например: *аварийный комиссар, авиаменеджер, аджастер, андеррайтер, арт-директор, бастер, баер, бармен, барист/бариста, бартендер, бастер, берейтер, бильдредактор/бильд-редактор, блогер/блоггер, брейдер, бренд-менеджер/бренд-менеджер, маклер, брокер, брокер-трейдер, риэлтор, джоббер, букер, ивентор, бьюти-редактор, бьюти-эдитор, фоторедактор, копирайтер, продюсер, рекрутер, рерайтер/рирайтер, фандрайзер, франчайзер, флайт-менеджер, Web-редактор, контент-редактор, Content-менеджер, SEO-специалист, LG-специалист, вочер/вошер, вителье, сомелье, шоппер/шопер, шоколатье, эйчар/ичар, экспат* и др.

2. Неонминации лица, образованные на базе заимствованного слова, но с помощью исконно русских аффиксов (около 20 %). Например: *аукционист, аэрографист, багажист, бэк-вокалист(-ка), верстальщик, визажист, витражист, кальящик(-щица), коллажист, колорист, колеровщик, кондиционерщик, маникюрщик, макетчик, мангальщик, маркировщик(-щица), неонщик, перфоманист, пирсингист, парковщик, попкорнщик, рольщик, сертификатчик, стикеровщик(-щица), сушист, сеошник, тестировщик, тонировщик, хаммамщик, шоколадчик, цивилист, эпиляторша, шароварщик* ‘программист, создающий компьютерные программы, которые распространяются бесплатно, но работоспособны лишь в течение небольшого времени’, *эникейщик* ‘программист-компьютерщик, в обязанности которого входит поддержка работоспособности компьютеров: ремонт, администрирование локальной сети, установка программ и т. п.’ и др. Такие дериваты называют гибридными (см. [17]). Сюда примыкают неонминации типа *автомойщик, ювелир-эксклюзивщик, грузчик-мерчендайзер*.

3. Неонминации лица, образованные от исконно русских корней или основ с помощью исконных аффиксов, а также неонминации, образованные с помощью семантической деривации на базе уже известных языку слов или словосочетаний (около 10 %). Например: *блинопёк, повар-блинопёк, доставщик, жаровщик, жарщик, закольщица* ‘портной, моделирующий на манекенах, моделях новые образцы одежды, подбирающий фасон, колорит. В обязанности закольщицы может входить работа с клиентами по изменению конструктивных линий одежды (подгонка по фигуре), оформление заказов, руководство портными при работе с изделиями’ [16, с. 55], *замерщик, заправщик (-щица), застройщик, коренщик(-щица)* ‘работник предприятий общественного питания, занимается чисткой и заготовкой овощей, а также выполняет различные разгрузочные работы на кухне, моет и чистит оборудование, выносит производственные отходы и т. п.’ [16, с. 71], *лепщик(-щица)* ‘работник пищевого производства, формирующий из теста, марципана и т. п. фигурные изделия’ [16, с. 78], *тележечник, упаковщик*.

Также, как уже отмечалось, в эту группу входят неонминации, которые являются результатом семантической деривации, т. е. переосмысления уже известных языку единиц. Например: *калькулятор* ‘бухгалтер, определяющий себестоимость или цену произведенной единицы продукции, часто реализуемой в организациях общественного

питания, или выполненных работ (ремонт, перевозка груза и т. д.)' [16, с. 62], *кукольник* 'человек в специальном костюме, привлекающий внимание покупателей' [16, с. 74], *коллектор* 'специалист по взысканию задолженности, розыску неплательщиков кредитного займа, возврату просроченной задолженности' [16, с. 64–65], *маршал* 'сотрудник боулинга, непосредственно осуществляющий обслуживание игроков и контроль за игрой' [16, с. 84], *семейная пара* 'персонал для работы в загородных домах, коттеджах, как правило, супружеская пара' [16, с. 122], *фигурант(-ка)* 'кондитер, специализирующийся на изготовлении уникальных украшений из крема, шоколада, теста и пр. для кондитерских изделий' [16, с. 154].

Неономинии лица по профессиям, специальностям или должностям, зафиксированные в рассматриваемом лексикографическом источнике, можно распределить по таким основным тематическим группам, соотносящимся с разными сферами деятельности человека (ср. классификации, например, в [18; 19]):

1. Сфера IT-технологий, программирования и под.: *IT-разработчик, веб-программист/Web-программист, Java-программист, Java WEB-программист, Senior Java программист, junior Java программист, веб-дилер/WEB-дилер, веб-мастер/WEB-мастер, веб-продюсер/WEB-продюсер, Web-оптимизатор, Web-разработчик, 2d-аниматор, Web-редактор, контент-редактор, Content-менеджер, SEO-специалист, SEO-оптимизатор, оптимизатор сайта, интернет-маркетолог, сеошник, QA-инженер, PHP-разработчик, NET-архитектор, Javascript-программист, IT-специалист, IT-менеджер, IT-директор, ERP-программист, IT-директор, IT-стратег, гейм-дизайнер, геймер, эникейщик, инженер-эникейщик, шароварщик* 'программист, создающий компьютерные программы, которые распространяются бесплатно, но работоспособны лишь в течение небольшого времени', *эникейщик* 'программист-компьютерщик, в обязанности которого входит поддержка работоспособности компьютеров: ремонт, администрирование локальной сети, установка программ и т. п.', *цифрайзер* и др.

2. Сфера услуг: *автомойщик(-щица), автоняня, багажист, беллбой/белл-бой, беллмен, барист/бариста, бармен-барист, бармен, бармен-официант, бармен-буфетчик, бармен-кассир, бармен-флейрингист, флейрингист/флейренгист, бартендер, бас-бой/басбой, бибиситтер/беби-ситтер, блинопёк, повар-блинопёк, брейдер, парикмахер-брейдер, брейдер-стилист, бренд-шеф, ивентор, Event-менеджер/ивент-менеджер/эвент-менеджер, визажист, визажист-стилист-косметолог, косметолог-эстетист, визажист-креатор, витолие, сомелье, шоколатье, шоколадник, VIP-повар, VIP-горничная, SPA-специалист/СПА-специалист, эпиляторша, гринкипер, грумер, фигурант(-ка)* 'кондитер, специализирующийся на изготовлении уникальных украшений из крема, шоколада, теста и пр. для кондитерских изделий', *кондитер-фигурант, кондитер-оформитель, шеф-колорист, фуд-стилист, швейцар-сокольничий, хаусмастер/хаус-мастер, хаммащик, хостесс, хендлер/хэндлер* и др.

3. Менеджерская, управленческая, административная, представительская деятельность разного профиля, в том числе сфера закупок, продаж, торгов: *авиаменеджер, флайт-менеджер, автопредставитель, агент-менеджер, аккаунт/эक्каунт, аккаунт-менеджер, VIP-менеджер, арт-менеджер, арт-директор, аукционист, байер, шоппер/шопер, бизнес-тренер, тренинг-менеджер, тренер-консультант, бренд-менеджер/бренд-менеджер, бренд-консультант, брокер, брокер-трейдер, маклер, риэлтор, джоббер, бизнес-консультант, бизнес-коучер, букер, модельный агент, грузчик-мерчендайзер, эйчар/ичар, HR-менеджер, директор по персоналу, менеджер-дженералист, Web-менеджер, G-менеджер, фандрайзер, BTL-менеджер, рекрутер, онлайн-рекрутер, хедхантер/хед-хантер/хэдхантер* и др.

4. Редакторская, издательская, журналистская деятельность, в том числе и в сфере Интернета: *бильдредактор/бильд-редактор, фоторедактор, бьюти-редактор, бьюти-эдитор, блогер/блоггер, геоблоггер/геоблоггер, проблоггер, копирайтер, верстальщик, HTML-верстальщик, верстальщик-дизайнер, флеш-дизайнер, flash-дизайнер, флеш-разработчик, flash-аниматор* и др.

5. Дизайнерская и рекламная деятельность разного профиля, а также работа в качестве художника: *автомодизайнер, аквагримёр, аэрографист, баннер-мейкер/баннермейкер, Flash-аниматор, POS-специалист, ювелир-эксклюзивщик, художник-дизайнер, художник-перформер, перформер, перфоманист, художник-мадоннари, флорист, флорист-аранжировщик, фитодизайнер, дизайнер-флорист, продавец-флорист, фитодизайнер, интерьер-дизайнер, витражист* и др.

6. Юридическая и страховая деятельность, в том числе и в сфере автомобилей: *аварийный комиссар, аджастер, автоэксперт, автоэксперт-оценщик, аквизитор, актуарий, андеррайтер, ассессор/ассессор, бастер, бастер-юрист* и др.

7. Сфера досуга: *аниматор, гувернер-аниматор, берейтер, бэк-вокалист(-ка)* и др.

8. Аналитическая деятельность разного профиля: *аналитик, финансовый аналитик, бизнес-аналитик, аналитик-маркетолог, системный аналитик/QA инженер, аналитик-конфигуратор* и др.

9. Финансовая, банковская, аудиторская, бухгалтерская деятельность, в том числе и консультативного характера: *аудитор, бизнес-ангел, букмекер, бухгалтер-калькулятор, калькулятор, LG-специалист, трейдер, франчайзер* и др.

10. Сфера туризма: *турагент, туроператор, турэксперт* и др.

11. Медицинская деятельность: *апитерапевт, ароматерапевт, биоинженер, биоэнергетик, биоэнерготерапевт, валеолог, геитальт-терапевт, гирудотерапевт, дула/доула, нутрицевтик, фитотерапевт, фитотерапевт-диетолог, фунготерапевт, цветотерапевт* и др.

12. Преподавательская деятельность: *тьютор, преподаватель-консультант*.

Как свидетельствует анализ фактического материала, в сфере заимствованных неонаминой лица, как и в числе неозаимствований в целом, частотны примеры графических, фонетических вариантов, которые отражают процессы адаптации неозаимствований в языке-реципиенте. Среди вариативных неонаименований лиц по профессиям, которые зафиксированы в словаре-справочнике Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда», нами выделено 34 пары/группы вариативных наименований. Например:

(1) *баннер-мейкер — баннермейкер, бар-мененджер — барменеджер, бас-бой — басбой, бебиситтер — беби-ситтер, беллбой — белл-бой, бильдредактор — бильд-редактор, хедхантер — хед-хантер* и др.;

(2) *веб-мастер — WEB-мастер, веб-дилер — WEB-дилер, веб-продюсер — WEB-продюсер, Event-менеджер — ивент-менеджер/эвент-менеджер, van-seller — вэнселлер/вэнсэллер* и др.;

(3) *аккаунт — эккаунт, ассессор — ассессор, блогер — блоггер, геоблоггер — геоблоггер, бренд-менеджер — брэнд-менеджер, вочер — вошер, вен-агент — вэн-агент, вэнселлер — вэнсэллер, дула — доула, ивент-менеджер — эвент-менеджер, дистрибьютор — дистрибьютер, имджеолог — имиджолог, рерайтер — рирайтер, флейрингист — флейренгист, хендлер — хэндлер, хедхантер/хэдхантер — хед-хантер, шоппер — шопер, эйчар — ичар, бариста — бариста* и др.

Помимо вариантных единиц, в сфере неонаминой лица частотны синонимические пары и ряды разного типа. Например, *аккаунт/эккаунт — менеджер по работе с ключевыми клиентами, аккаунт-менеджер, Key Account Manager/КАМ* —

VIP-менеджер, аварийный комиссар — аджастер — автоэксперт — автоэксперт-оценщик; авиаменеджер — флайт-менеджер; аналитик, финансовый аналитик, бизнес-аналитик, аналитик-маркетолог, системный аналитик/QA инженер; аналитик-конфигуратор — бизнес-аналитик, системный аналитик / QA инженер, специалист по внедрению; багажист — беллбой/белл-бой — беллмен — носильщик багажа; байер — шопер, баннер-мейкер/баннермейкер — Flash-аниматор, барист/бариста — бармен-барист; бармен — бармен-официант — бармен-буфетчик — бармен-кассир — бармен-барист; бар-менеджер/барменеджер — бартендер; бастер — бастер-юрист; маклер — брокер — брокер-трейдер — риэлтор — джоббер; бодигард — телохранитель, водитель-телохранитель; бизнес-консультант — бизнес-коучер; дворецкий — батлер — мажордом — хаусхолд-менеджер; бьюти-редактор — бьюти-эдитор; бильдредактор/бильд-редактор — фоторедактор; бизнес-тренер — тренинг-менеджер; букер — модельный агент; эйчар/ичар — HR-менеджер — директор по персоналу — менеджер-дженералист; дворник — дворник-координатор — работник территории — мастер уличной уборки; гейм-дизайнер — сценарист компьютерных игр — концепт-художник; бебиситтер/беби-ситтер — няня; ивентор — Event-менеджер/ивент-менеджер/эвент-менеджер; шоколатье — шоколадчик; IT-разработчик, Web-программист, Web-оптимизатор, Web-разработчик; Web-редактор — контент-редактор — Content-менеджер; SEO-специалист — SEO-оптимизатор — интернет-маркетолог — аналитик-конфигуратор — тестировщик — сеошник; VIP-повар — шеф-повар — бренд-шеф и др.

Обращает на себя внимание тот факт, что в части таких синонимических рядов неонаминаций лица по профессиям, специальностям и должностям словом-доминантой является или исконно русская номинация, или же заимствованная номинация, которая давно является освоенным заимствованием. Например: *уборщик — клинер/клинингер, менеджер по клинингу, клининг-менеджер, менеджер клининговых услуг, мастер чистоты; ведущий — культорганизатор — массовик-затейник (устар.) — аниматор — гувёрнё-аниматор; носильщик/коридорный — беллбой/ белл-бой, беллмен, багажист, носильщик багажа; няня — бебиситтер/беби-ситтер, автоняня; телохранитель — водитель-телохранитель — бодигард; оценщик — ассесор/ассессор; биолог — бионик — биоинженер* и др. Понятно, что использование таких номинаций, как *клинер/клинингер, бебиситтер/беби-ситтер, ассесор/ассессор, аниматор* и под. на фоне номинаций *уборщик, няня, оценщик, ведущий* и под. продиктовано стремлением создать определённый образ, возможно, повысить социальный статус того, кто занимает ту или иную должность. Различие между такими номинациями лежит сугубо в плоскости «престижности» той или иной номинации, в сфере коннотативных значений, не затрагивая области значений денотативных.

Как известно, отдельной проблемой является статус агентивно-профессиональных номинаций женщин в системе языка, а также выработка принципов и критериев фиксации их как словарями разных типов, так и нормативными классификаторами профессий (см. [20; 21; 22]). Подавляющее число номинаций лица по профессиям, специальностям или должностям, представленных в словаре-справочнике Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда», по форме являются словами мужского рода, а по содержанию могут быть оценены как слова общего рода, поскольку обозначают те профессии, должности, специальности, которые в современной жизни не имеют гендерной привязки: *андеррайтер, аниматор, ароматерапевт, аудитор, бизнес-консультант, блогер/блоггер, копирайтер, продюсер, маклер, брокер, риэлтор,*

фоторедактор и под. Однако разграничение номинаций мужского и общего рода здесь, как и в большинстве лексикографических источников, не осуществляется ни в системе помет, ни в способах толкования. Проблема выработки критериев для такого разграничения — вопрос, требующий решения. Отметим, что разговорная речь, язык СМИ традиционно «решают» эту проблему за счёт соответствующих аффиксальных образований типа *айтишница*, *визажистка*, *тьюторша*, *копирайтерша*, *рекламищица* и под. Литературный язык в какой-то мере искусственно удерживает асимметрию в области соотношения номинаций профессий мужского и женского рода. В словаре-справочнике Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда» с пометой *жаргонное* зафиксирована номинация *эпиляторша* ‘специалист по искусственному удалению (эпиляции) волос на теле. Работает в косметических кабинетах и салонах красоты, должна знать химические и механические способы эпиляции, особенности работы с различным типом кожи, иметь начальные медицинские знания’ [16, с. 173].

Некоторые номинации в рассматриваемом лексикографическом источнике представлены как парные по шкале номинация мужского/женского рода с соответствующими суффиксами в их структуре: *автомойщик(-щица)*, *бэк-вокалист(-ка)*, *гувернёр/гувернантка*, *кальящик(-щица)*, *кореник(-щица)*, *лепщик(-щица)*, *маркировщик(-щица)*, *стикеровщик(-щица)*, *фигурант(-ка)*. Как известно, такой вторичный, производный характер образования присущ деривации имён существительных, обозначающих лиц женского пола. Практически единичные случаи представляют собой в словаре-справочнике Н. В. Исаевой номинации профессий женского рода: *закольщица* ‘портной, моделирующий на манекенах, моделях новые образцы одежды, подбирающий фасон, колорит. В обязанности закольщицы может входить работа с клиентами по изменению конструктивных линий одежды (подгонка по фигуре), оформление заказов, руководство портными при работе с изделиями’ [16, с. 55], *марочница* ‘работник магазинов, предприятий общественного питания, в обязанности которого входит взвешивание, фасовка и маркировка кулинарной продукции, полуфабрикатов’ [16, с. 84], *ручница*, *швея-ручница* ‘швея на производстве, в ателье мод, владеющая различными техниками шитья, вышивки, вязания, осуществляет изготовление одежды, аксессуаров без использования разнообразных швейных машин’ [16, с. 119], *кофе-леди* ‘офисный сотрудник (сотрудница), в обязанности которого входит организация перерыва на чай, кофе (coffee-break) в ходе деловых переговоров, совещаний, а также закупка необходимых продуктов, сервировка стола, работа с кухонной техникой и т. п.’ [16, с. 72] (отметим, что уточнение *сотрудник/сотрудница* в лексическом значении слова *кофе-леди*, по-видимому, ошибочно). В отдельных случаях принадлежность номинации к общему роду отражается в семантической структуре за счёт, например, уточнения *манекенищица/манекеник*: *модель* ‘манекенищица (манекеник), демонстрирующая модели одежды, причёски, макияж, участвующая в фотосъёмках, показах и т. п.’ [16, с. 90].

Таким образом, неоминации лица по профессиям, специальностям или должностям, представленные в словаре-справочнике Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда», прежде всего иллюстрируют положение о том, что динамика лексики, обозначающей лиц по профессиональной принадлежности, в первую очередь определяется состоянием и развитием конкретных сфер общества. В частности, пополнение рассматриваемых номинаций объясняется такой экстралингвальной причиной, как специализация в сфере профессиональной деятельности: *веб-дизайнер*, *дизайнер*, *автодизайнер*, *евродизайнер*, *интерьерный/ландшафтный дизайнер*, *дизайнер-верстальщик*, *дизайнер-график*, *дизайнер-декоратор*, *дизайнер-консультант*,

дизайнер-модельер, дизайн-менеджер и др. (см. [11, с. 189]). Зафиксированные в словаре-справочнике Н. В. Исаевой неониминации, обозначающие лиц по профессии, специальности, роду выполняемых служебных обязанностей, разнообразны по семантике, структуре, словообразовательным типам, неоднородны по генетическому критерию. В сфере неониминаций лица по профессиям, специальностям или должностям частотны как вариативные единицы, так и синонимические пары и ряды. Также неониминации указанного типа, зафиксированные в словаре-справочнике Н. В. Исаевой, неоднородны и в плане ономазиологических моделей, по которым они образованы. Представить более детальную характеристику неониминаций лиц, отражённых в рассматриваемом лексикографическом источнике, в аспекте их ономазиологических моделей — следующий шаг в логике нашего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. — М. : РГГУ, 1995. — С. 144–238.
2. Кибрик А. Е. Современная лингвистика: откуда и куда? / А. Е. Кибрик // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 1995. — № 5. — С. 93–103.
3. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). — М. : Наука, 1996. — С. 90–141.
4. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина : Уч. пособ. для студ. вузов. — М. : Логос, 2003. — 304 с.
5. Караева О. М. Реценз. на: О. В. Григоренко. Новые наименования лиц в современном русском языке: Словарные материалы. — Воронеж : Научная книга, 2009 / О. М. Караева // Мир русского слова. — 2012. — № 1. — С. 92–94.
6. Григоренко О. В. Аффиксоидальные неологизмы-композицы со значением лица в современном русском языке / О. В. Григоренко // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2008. — № 4. — С. 104–108.
7. Зайцева Е. А. Имена существительные наименования лица в русском языке начала XXI века: проблема комплексного лексикографического описания / Е. А. Зайцева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2015. — Вып. 1 (31). — С. 129–134.
8. Григоренко О. В. Неониминации лиц в аспекте современной лексикографии и неографии / О. В. Григоренко // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. — 2010. — № 2. — С. 99–107.
9. Ярошенко Н. А. Номинации лица в толковых словарях русского языка под редакцией Г. Н. Складневской: динамика состава / Н. А. Ярошенко // Русская филология. Украинский вестник. — № 2 (39). — Харьков, 2009. — С. 29–32.
10. Ярошенко Н. А. Адаптация неозаимствований-англицизмов и галлицизмов в современном русском языке / Н. А. Ярошенко, Н. В. Козак // Русский язык в поликультурном мире : Сб. научн. ст. В 2 ч. — Ч. I. — Симферополь : ООО «Антиква», 2015. — С. 173–179.
11. Ярошенко Н. А. Неониминации лица в русском языке: основные тенденции / Н. А. Ярошенко // Материалы I Международной научной конференции «Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности» (г. Донецк, 16–18 мая 2016 г.); под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. — Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. — Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального университета, 2016. — С. 188–190.
12. Ярошенко Н. А. Неологизмы-композицы со значением лица в современном русском языке / Н. А. Ярошенко // Наука и мир в языковом пространстве : Сб. науч. трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г.). — Макеевка : ДонНАСА, 2016. — С. 109–113.
13. Козак Н. В. Вариативные и синонимичные неониминации лица (на материале словаря-справочника Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда») / Н. В. Козак // «Новые горизонты славистики» : Материалы III Международных научных чтений студентов и молодых учёных памяти Г. И. Рихтера (Донецк, ДонНУ, 28 апреля 2016 г.). — Донецк : ДонНУ, 2016. — С. 36–39.
14. Козак Н. В. Модели образования неониминаций лица (на материале словаря-справочника Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда») / Н. В. Козак // «Актуальные проблемы изучения

- славянских языков»: Материалы I Международной научной конференции студентов и молодых учёных памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2016 г.); отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. — Донецк : ДонНУ, 2016. — Вып. 1. — С. 127–132.
15. Козак Н. В. Ономазиологические типы неологизмов-социальных наименований лица / Н. В. Козак // Актуальные проблемы изучения языка и культуры : Сб. науч. ст. : отв. ред. М. В. Пименова. — СПб. : ВА МТО, 2016. — С. 316–324.
 16. Исаева Н. В. Новые лица на рынке труда: словарь-справочник / Н. В. Исаева. — М. : Флинта, Наука, 2012. — 194 с.
 17. Кадырова Л. Д. Гибридные неонимации в современном масс-медийном дискурсе: семантико-derivационный аспект : Дис. ... канд. филол. наук / Ление Диляверовна Кадырова. — Симферополь, 2014. — 208 с.
 18. Кожанова Н. В. Наименования лиц по профессии в немецкоязычной картине мира : Дис. ... канд. филол. наук / Наталья Викторовна Кожанова. — Барнаул, 2007. — 244 с.
 19. Черных М. А. Лексикографическое описание имён существительных — номинаций лиц по профессии в русском языке XXI века / М. А. Черных // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2015. — № 7 (102). — С. 103–109.
 20. Пузиренко Я. В. Агентивно-професійні назви осіб жіночої статі в лексикографічному описі та узусі : Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Я. В. Пузиренко. — К., 2005. — 17 с.
 21. Ćuto E. Род имен существительных в названиях профессий / E. Ćuto // Croatica et Slavica Iadertina. — 2006. — 1(1). — P. 135–151.
 22. Васильева А. С. Тенденции в употреблении наименований лиц женского пола по профессиональной принадлежности / А. С. Васильева // Проблемы современного образования. — 2013. — № 1. — С. 46–53.

Поступила в редакцию 28.04.2017 г.

STRUCTURE AND SEMANTICS OF PERSON NEONOMINATIONS IN MODERN RUSSIAN

(on the material of the dictionary «New faces in the labor market» by N. V. Isaeva)

N. A. Yaroshenko

The article deals with the analysis of the main structural and semantic peculiarities of person neonominations by professions, occupations and positions in Modern Russian. The analysis has been carried out on the material of the dictionary «New faces in the labor market» (2012) by N. V. Isaeva. The lexemes under the research have been distributed depending on the primordial or borrowed nature of the base and/or affix. The denotative and derivational types of the vocabulary units under study have been singled out with their constituents being identified. The variational and synonymous neonominations of persons by professions have been described.

Key words: nomination, a neologism, neonomination, category of person, a neonomination of person.

Ярошенко Наталья Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Заведующий кафедрой общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина.

E-mail: nyaroshenko@yandex.ru

Yaroshenko Natalya Alexandrovna.

Candidate of Philology, Docent.

Donetsk National University.

Head of General Linguistics and History of Language Department named after E. S. Otin.

E-mail: nyaroshenko@yandex.ru

УДК: 81.374.26

МАКРОСТРУКТУРНАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ ПЕЧАТНЫХ И ОНЛАЙН-СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИКИ

© 2017. *И.Б. Лыков*

В статье описан анализ 63 печатных и 75 онлайн-словарей архитектурно-строительной тематики на предмет отображения макроструктурой этих словарей параметров, входящих в разработанную автором трёхуровневую систему лексикографических макропараметров, проведено сопоставление частотности отображения макропараметров исследованными словарями двух данных типов. В результате исследования выявлены существенные отличия макроструктуры онлайн-словарей от структуры печатных словарей по многим параметрам всех трёх уровней. Рассмотрены причины изменения макроструктуры онлайн-словарей относительно их печатных предшественников и влияние выявленных изменений на функциональную эффективность онлайн-словарей. Сделаны выводы о большей практической направленности макроструктуры архитектурно-строительных онлайн-словарей русского языка по сравнению с печатными, и сформулированы предложения по дальнейшему её совершенствованию.

Ключевые слова: Макроструктура словаря, лексикографический параметр, архитектурно-строительная терминология, печатный словарь, онлайн-словарь.

Термин «макроструктура словаря» многими лексикографами трактуется как общая структура словаря и характер представления в нём лексических единиц [1: 37]. При этом общая структура включает в себя наряду с важнейшей составляющей словаря, а именно его корпусом или словником, все прочие композиционные части: введение, инструкцию по пользованию словарём, список символов и сокращений, приложения, алфавитный указатель элементов словника (индекс), список лексикографических источников. К принципам отображения лексических единиц относятся выбор типа и количества таких единиц, а также характер их расположения в словнике. Макроструктура словаря определяется лексикографическими макропараметрами, характеризующими весь словарь в целом во взаимосвязи составляющих его разделов и являющимися элементами авторской методической установки по организации словаря [2: 4].

В нашей работе мы проанализировали 63 печатных словаря, содержащих архитектурно-строительную терминологию и изданных в разные годы за трёхсотлетний период с начала XVIII до начала XXI века, а также 75 компьютерных словарей архитектурно-строительной тематики, все из которых функционируют и, соответственно, обновляются в режиме онлайн.

Предметом анализа послужила макроструктура словарей. На основе материалов С. В. Гринева-Гриневича [1] и В. М. Лейчика [3] нами была разработана система лексикографических макропараметров для характеристики архитектурно-строительных словарей. Система состоит из трёх иерархически структурированных уровней: параметры первого уровня говорят о том, для кого и для чего предназначен словарь, т.е., отображают информацию об адресате, цели и функции словаря, руководствуясь которыми авторы словаря избирают определённые принципы отбора и расположения материала, представляемые параметрами второго уровня. В результате применения этих принципов авторы создают словарь, обладающий определённой структурой и принадлежащий к определённому типу по объекту и аспекту словарного описания, что и отражают макропараметры третьего уровня.

При работе с указанными лексикографическими источниками мы установили, какие параметры из предложенной нами системы макропараметров отображаются макроструктурой каждого из рассмотренных словарей. В таблице 1 представлена разработанная нами система макропараметров словарей, описывающих архитектурно-строительную терминологию, и сопоставлена частотность отображения макропараметров архитектурно-строительными словарями двух типов – печатными и онлайн.

Таблица 1

Сопоставление частотности отображения лексикографических макропараметров архитектурно-строительными печатными и онлайн-словарями

Наименование макропараметра	Частотность			
	Абсолютная (кол-во соответствий по словарям)		Относительная (% соответствий по словарям)	
	Печатные	Онлайн	Печатные	Онлайн
Уровень I. Адресат, цель и функция словаря				
1. Адресаты словаря:				
1.1. Носители языка:	63	75	100	100
1.1.1. Работники отрасли и смежных отраслей;	46	61	73	81
1.1.2. Лица, обучающиеся профессии;	46	59	73	79
1.1.3. Широкий круг непрофессиональных пользователей;	18	54	29	72
1.2. Лица, изучающие язык как неродной или иностранный.	11	1	17	1
2. Цель и функция словаря:				
2.1. Регламентирующий:	37	62	59	82
2.1.1. Арбитражно-нормативный [4: 9]:	35	62	55	82
2.1.1.1. Словарь стандартизированных терминов (стандарт);	11	1	17	1
2.1.1.2. Словарь рекомендуемых терминов;	24	61	38	81
2.1.2. Словарь ненормативных терминов;	7	0	11	0
2.2. Словарь-справочник:	36	72	57	96
2.2.1. Научно-нормативный;	24	42	38	56
2.2.2. Описательный;	22	69	35	92
2.3. Учебный;	8	0	13	0
2.4. Научно-популярный.	12	10	19	13
Уровень II. Принципы отбора и расположения материала				
3. Принципы формирования словника:				
3.1. Включение терминов:				
3.1.1. Одной отрасли	58	73	92	97
3.1.2. Смежных отраслей;	5	2	8	3
3.2. Включение:				
3.2.1. Собственно терминов;	63	74	100	99
3.2.2. Номенклатурной лексики;	8	8	13	11
3.2.3. Прецедентной для изучаемой сферы ономастической лексики;	25	10	40	13
3.3. Включение специальной лексики:				
3.3.1. Только русского языка;	56	73	89	97
3.3.2. Других языков кроме русского;	6	2	10	3
3.3.3. Только нерусского языка;	1	0	2	0
3.4. Включение специальной лексики:				

3.4.1. Стилистически нейтральной;	63	75	100	100
3.4.2. Стилистически маркированной:	8	3	13	4
3.4.2.1. Разговорной;	6	0	10	0
3.4.2.2. Просторечной;	2	1	3	1
3.4.2.3. Жаргонной;	5	3	8	4
3.5. Включение специальной лексики:				
3.5.1. Территориально-немаркированной;	63	75	100	100
3.5.2. Территориально-маркированной (диалектной):	5	0	8	0
3.6. Включение специальной лексики:				
3.6.1. Темпорально-немаркированной;	63	75	100	100
3.6.2. Темпорально-маркированной:	9	2	14	3
3.6.2.1. Новых заимствований;	3	0	5	0
3.6.2.2. Устаревшей.	7	2	11	3
4. Объём словаря по количеству статей:				
4.1. До 10;	1	3	2	4
4.2. От 11 до 100;	10	13	16	17
4.3. От 101 до 1000;	27	54	43	72
4.4. От 1001 до 10000;	22	4	35	5
4.5. Свыше 10000.	3	1	5	1
5. Характер расположения материала:				
5.1. Алфавитный:	48	69	76	92
5.1.1. Строго алфавитный;	34	68	54	91
5.1.2. Алфавитно-гнездовой;	14	1	22	1
5.2. Неалфавитный:	15	4	24	5
5.2.1. Тематический;	8	1	13	1
5.2.2. Идеографический;	7	2	11	3
5.2.3. Неупорядоченный	0	1	0	1
Уровень III. Структура и тип словаря				
6. Наличие облигаторной и факультативных частей:				
6.1. Наличие основной части (совокупности словарных статей);	63	75	100	100
6.2. Наличие факультативных частей:	49	23	78	31
6.2.2. Предисловие с объяснением принципов пользования словарём;	45	14	71	19
6.2.3. Индексы разных типов (алфавитные и идеографические);	24	0	38	0
6.2.4. Иные приложения;	40	9	63	12
7. Тип словаря:				
7.1. Тип словаря по объекту и аспекту словарного описания:				
7.1.2. Лингвистический:	3	0	5	0
7.1.2.1. Толковый;	2	0	3	0
7.1.2.2. Иностраных слов;	1	0	2	0
7.1.3. Терминологический:	58	74	92	99
7.1.3.1. Многоотраслевой:	5	2	8	3
7.1.3.1.1. Толковый;	2	2	3	3
7.1.3.1.2. Справочный;	2	2	3	3
7.1.3.2. Отраслевой:	27	40	43	53
7.1.3.2.1. Толковый;	26	40	41	63
7.1.3.2.2. Справочный;	12	31	19	49
7.1.3.3. Узкоотраслевой:	26	32	41	43
7.1.3.3.1. Толковый;	25	29	40	39
7.1.3.3.2. Справочный;	18	29	29	39

7.1.4. Энциклопедический:	23	27	36	36
7.1.4.1. Отраслевой;	21	27	33	36
7.1.4.2. Многоотраслевой;	2	0	3	0
7.2. Тип словаря по исторической перспективе:				
7.2.2. Диахронический:	9	2	14	3
7.2.2.1. Ретроспективный (исторический, отмечающий архаизмы и историзмы);	8	2	13	3
7.2.2.2. Перспективный (отмечающий неологизмы);	3	0	5	0
7.2.3. Синхронный (рассматривает лексику вне движения словарного состава);	56	73	89	97
7.3. Тип словаря по охвату языков:				
7.3.2. Одноязычный;	50	73	79	97
7.3.3. Двуязычный;	4	1	6	1
7.3.4. Многоязычный;	9	1	14	1
7.4. Степень оригинальности словаря:				
7.4.2. Переведённый с другого языка;	2	0	3	0
7.4.3. Обновлённое переиздание переведённого словаря;	3	0	5	0
7.4.4. Оригинальный;	50	44	79	59
7.4.5. Обновлённое переиздание оригинального словаря;	4	0	6	0
7.4.6. Электронная версия оригинального книжного словаря;	0	7	0	9
7.4.7. Полная копия словаря, размещённого на другом сайте;	0	15	0	20
7.4.8. Компиляция других словарей;	3	3	5	4
7.4.9. Сокращённый вариант другого словаря по объёму словника и (или) статьи.	1	11	2	15
7.5. Тип словаря по характеру актуальности:				
7.5.2. Научно-ориентированный;	63	75	100	100
7.5.3. Практико-ориентированный.	59	75	93	100

Как видно из таблицы 1, частотность отображения многих макропараметров онлайн-словарями значительно отличается от соответствующих показателей печатных словарей. Другими словами, макроструктура усреднённого компьютерного онлайн-словаря претерпела существенные изменения относительно микроструктуры своего печатного предшественника. При этом необходимо отметить, что вдобавок к этим изменениям к приведённым макропараметрам онлайн-словарей примыкают другие, характерные только этому виду словарей, свойства, которые можно отнести как к макроструктуре самого словаря, так и к структуре содержащего словарь веб-сайта. Данные свойства в первую очередь определяют удобство пользования онлайн-словарём, и по этому признаку мы предлагаем сгруппировать их следующим образом:

1. Параметры, повышающие удобство пользования словарём (сайтом):

1.1. Наличие поисковика;

1.2. Предложение в виде гиперссылки поискать данное слово в других словарях;

1.3. Наличие активного алфавита, открывающего весь словник данной буквы;

1.4. Наличие активного алфавита, открывающего весь раздел словаря данной

буквы;

- 1.5. Представление всего словника словаря в одном окне;
- 1.6. Представление всего словаря в одном окне.
2. Параметры, снижающие удобство пользования словарём (сайтом):
 - 2.1. Всплывающая реклама, закрывающая рабочую область, с ложной кнопкой выключения, открывающей новое окно с закрытием его в несколько шагов;
 - 2.2. Последовательно всплывающие рекламные баннеры, сдвигающие рабочую область в разных направлениях;
 - 2.3. Всплывающая реклама, закрывающая рабочую область, с замедленным появлением кнопки выключения;
 - 2.4. При переходе по ссылке вначале видна реклама, а рабочую область приходится искать.

На наш взгляд, существует несколько причин отмеченных нами различий в макроструктурах печатных и онлайн-словарей. Часть их обусловлена ориентированностью архитектурно-строительных онлайн-словарей на качественно другой состав адресатов. Если адресатами печатных словарей в основном являются лица, обучающиеся профессии и работники отрасли и смежных отраслей, то онлайн-словари в равной степени с ними ориентированы на широкий круг непрофессиональных пользователей. Это вполне объяснимо, поскольку многие подобные словари размещены на веб-сайтах компаний, производящих и поставляющих строительные материалы и услуги. А их потребителями в наши дни являются, наряду со студентами и работниками архитектурно-строительной сферы, лица без соответствующей профессиональной подготовки, ведущие индивидуальное жилищное строительство, широко распространённое в последние десятилетия. Очевидно, эту же тенденцию можно назвать причиной смены приоритетов целей и функций архитектурно-строительных словарей, а именно, существования относительно малой доли учебных и преобладания регламентирующих словарей рекомендуемых терминов с функциями словаря-справочника.

Адресная, целевая и функциональная специфика онлайн-словарей оказала своё влияние на принципы отбора и расположения в них материала. В соответствии с выявленной нами частотностью отображения соответствующих параметров макроструктурой онлайн-словарей, объём большинства из них относительно невелик и составляет от 101 до 1000 словарных статей. Почти все из них представляют собой синхронные одноязычные словари русского языка со строго алфавитным характером расположения материала. Значительно меньшее (примерно в 3 раза) количество онлайн-словарей, по сравнению с печатными, содержат в своём заглавном словарном блоке просторечную, жаргонную и устаревшую лексику, кроме того, они совсем не содержат разговорной и диалектной лексики. С номинативной точки зрения, в онлайн-категории так же в 3 раза меньше словарей, в словник которых включена ономастическая лексика.

Характерные для архитектурно-строительных онлайн-словарей группы макропараметров I и II уровней предложенной нами макросистемы, т.е., адресаты, цели, функции, а также принципы отбора и расположения материала, создали предпосылки для доминирования определенного типа словаря по объекту и аспекту словарного описания. Таким типом является терминологический отраслевой толковый и справочный словарь. При этом среди печатных словарей равную с этим типом позицию занимает терминологический узкоотраслевой толковый и справочный словарь. Отмеченная выше преимущественно утилитарная функция многих онлайн-словарей обусловила существование так называемых словарей-клонов, т.е., размещение на некоторых веб-сайтах словарей, полностью скопированных с другого веб-сайта.

Рассмотренные факторы экстралингвистического характера вкупе с макропараметрами I и II уровней разработанной нами макросистемы отчасти повлияли также и на структуру онлайн-словарей. Своеобразие структуры большинства таких словарей в отличие от печатных заключается в её простоте ввиду отсутствия приложений, алфавитного индекса и предисловия с объяснением принципов пользования словарём. На наш взгляд, вышеупомянутые факторы и макропараметры обусловили отсутствие только последнего элемента – предисловия. Оно оказалось ненужным во многих онлайн-словарях по причине очевидной простоты пользования ими. Основной же причиной отсутствия других элементов – приложений и индекса – является применение совершенно других способов хранения и отображения лексикографической информации, нежели при работе с бумажным носителем. Одним из таких способов, отличающимся высокой эффективностью, является гипертекстовая технология, позволяющая при помощи гиперссылок быстро находить и отображать лексикографическую информацию, размещённую как на веб-сайте используемого словаря, так и на любом доступном интернет-сайте, что с успехом заменяет приложения, размещаемые при самом словаре и усложняющие работу с ним. Пример другого подобного способа – поисковая машина, моментально находящая любой элемент словника и делающая ненужным алфавитный индекс. В данном качестве наличие гиперссылки, как и поисковой машины, можно отнести к макроструктуре самого словаря или к структуре содержащего словарь веб-сайта, о чём мы упоминали ранее.

В заключение рассмотрения результатов нашего исследования можно сделать следующие выводы:

а) макроструктура архитектурно-строительных онлайн-словарей русского языка обладает большей практической направленностью и содержит существенные количественные и качественные особенности в сопоставлении с аналогичной системой печатных словарей;

б) причины различий макроструктур двух рассмотренных категорий словарей носят в основном экстралингвистический характер и обусловлены определёнными социально-экономическими процессами и применением компьютерных и интернет-технологий в лексикографии;

в) выявленные макроструктурные изменения в целом положительно влияют на функциональную эффективность онлайн-словарей, но существуют возможности её повышения за счёт дальнейшего развития процесса макроструктурной дивергенции в сторону более рационального использования специфических свойств онлайн-словарей, которые можно отнести как к макроструктуре словаря, так и к структуре содержащего его веб-сайта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гринев-Гриневиц С. В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь. Учебное пособие. Изд. 3-е, доп. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 224 с.
2. Пшеничнова М. Г. Лексикографические параметры и способы их формализации (на материале Словаря В. И. Даля) // Специальность 10.02.01 — русский язык. Автореферат дис. ... канд. филологических наук. – М.: АН СССР, ИРЯ, 1990. – 21 с.
3. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – Изд. 4-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.
4. Авербух К. Я. К проблеме совершенствования коммуникации в социальной среде // Материалы VII Международной школы-семинара «Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения». – Иваново, 12-14 сентября 2007 г., С. 8-10.

Поступила в редакцию 11.04.2017 г.

**MACROSTRUCTURAL DIVERGENCE OF RUSSIAN PRINTED AND ONLINE DICTIONARIES
OF ARCHITECTURE AND CONSTRUCTION**

I.B. Lykov

In this paper the analysis of 63 printed and 75 online dictionaries of architecture and construction for detecting how these dictionaries' macrostructure reflects the parameters included in the three-level system of lexicographic macroparameters is investigated. The frequency value of reflecting the macroparameters in the analyzed dictionaries of the two types is identified. The study reveals substantial differences for many parameters at all three levels in the macrostructure of online and printed dictionaries. The reasons for changes in the macrostructure of online dictionaries and their printed predecessors as well as the influence of the revealed changes on functional efficiency of online dictionaries are discussed. The conclusion is drawn that the macrostructure of online Russian dictionaries of architecture and construction has a more practical orientation than that of printed ones, and suggestions for further improvements in the macrostructure are made.

Keywords: macrostructure of a dictionary, a lexicographic parameter, architectural and construction terminology, a printed dictionary, an online dictionary.

Лыков Иван Борисович

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Старший преподаватель кафедры иностранных
языков ИСПН.

E-mail: i.b.lykov@urfu.ru

Lykov Ivan Borisovich

Ural Federal University named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin.

Senior Teacher at Foreign Languages Department,
ISPN.

E-mail: i.b.lykov@urfu.ru

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.046.4

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ТВОРЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ПЕДАГОГА

© 2017. *Д. В. Алфимов*

В статье раскрывается проблема влияния дополнительного профессионального образования на творческую самореализацию педагога системы среднего профессионального образования и научно-педагогического работника. Исследованы пути повышения эффективности дополнительного профессионального образования в контексте его влияния на профессиональную самореализацию педагогов и научно-педагогических работников учреждений ВПО и СПО.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, творческая самореализация педагогов учреждений высшего и среднего профессионального образования, пути влияния дополнительного профессионального образования на творческую самореализацию педагогических и научно-педагогических работников.

В сегодняшнем быстро изменяющемся динамичном мире педагог должен быть готов меняться сам и изменять стиль своей профессиональной деятельности. Динамика социальных изменений такова, что она начинает опережать темпы смены поколений. Общество все больше нуждается в людях, обладающих потребностью в саморазвитии [1]. Система дополнительного профессионального образования как составляющая непрерывной системы образования должна способствовать успешной самореализации личности педагога в его профессиональной деятельности.

Вопросы самореализации личности педагога исследовали многие учёные. В разное время ими рассматривались проблемы педагогической деятельности и педагогического мастерства (Ю.К. Бабанский, Ю.П. Азаров, В.С. Леднев, А.И. Чернышов и др.), педагогического творчества (И.А. Зазюн, В.И. Загвязинский, М.М.Поташник, С.А. Сысоева и др.), профессионального самосознания и мышления (О.С.Анисимов, С.В.Васьковская, В.Н.Козиев, К.М. Левитан, А.А.Леонтьев и др.), выделялись закономерности личностно-профессионального развития педагога, его уровни, этапы, стадии личностно-профессиональной самореализации (Н. В. Кузьмина Л. М. Митина, Е. А. Климов, Н. С. Пряжников, Е. И. Рогов, Л. Н. Горбунова и др.).

Профессиональная самореализация педагога рассматривается нами как стержень его личности и самодвижение потребности в творческой деятельности. Она осуществляется в ходе решения педагогом профессионально значимых, социально детерминированных, все более дифференцированных задач – познавательных, морально-нравственных и коммуникативных, – в результате чего он овладевает необходимым комплексом профессионально важных качеств для решения образовательных, воспитательных и научных проблем.

Проведённые исследования [2, с. 68] показывают, что самые высокие требования предъявляются к таким профессиональным качествам личности педагога как эрудиция, информированность, прогрессивность мышления. При этом отмечается, что наряду с тем, что педагог должен иметь отличные знания, он должен быть добрым, чутким, интеллигентным, хорошим психологом. Кроме этого обозначается, что успешная

самореализация личности педагога в своей профессиональной деятельности возможна лишь при наличии и развитии особой, системы качеств, адекватных меняющимся социальным условиям и требованиям педагогической профессии.

В рамках концепции профессионального развития педагога Л. М. Митина выделяет две модели профессиональной деятельности педагога. В первой модели при адаптивном поведении в самосознании педагога доминирует тенденция к подчинению своей профессиональной деятельности внешним обстоятельствам, определяемым социальными нормами и требованиями. Альтернативной является вторая модель – модель профессионального развития педагога. Фактором развития при реализации этой модели выступает внутренняя среда личности – её активность, потребность в самореализации. Для отечественной школы, к сожалению, типична модель адаптивного поведения учителя, которое является неконструктивным на всех стадиях профессионального функционирования, особенно на стадии стагнации. Динамика изменений интегральных характеристик личности педагогов с разным стажем работы в профессии такова: в первые 10–15 лет работы по профессии происходит рост показателей компетентности, направленности, гибкости, затем тенденция меняется на противоположную, и для педагогов со стажем работы 20 лет и более характерны резкое снижение всех показателей и явно выраженные профессиональные деформации личности. [3, с. 54].

В качестве важнейших составляющих комплекса психологических условий личностно-профессионального развития педагога, обуславливающих эффективность его профессиональной деятельности исследователь выделяет:

- внутренние условия – систему интрапсихологических факторов, определяющих активное качественное преобразование педагогом своего внутреннего мира, внутренняя детерминация его активности, включающая актуализацию рефлексивного ресурса и приводящая к принципиально новому способу профессиональной жизнедеятельности;

- внешние условия – систему интерпсихологических факторов, задаваемых внедрением инновационной психологической технологии в процесс подготовки и переподготовки педагога, внешняя детерминация, задающая ему представление о новом результате и предлагающая новое системное средство достижения такого результата;

- внешне-внутренние условия – систему интер-интрапсихологических факторов развития педагога, определяемых его участием в полисубъектном взаимодействии в общностях “педагог–обучающийся–родитель–психолог”, “преподаватель–студент” и в других полисубъектах. Сыроева С. [4, с. 10] в своих исследованиях акцентирует внимание на том, что педагог стоит у истоков развития личности каждого человека. Именно педагог в значительной степени сопровождает и вдохновляет творческое развитие человека в наиболее сензитивные к педагогическому воздействию периоды его жизни.

Таким образом профессиональное развитие личности педагога приобретает важнейшее значение для развития и становления всего общества. Система дополнительного профессионального образования с учётом вызовов и задач, которые ставятся перед нею, должна быть направлена в том числе и на создание условий для решения данной задачи.

Это возможно осуществить в том случае если будут использоваться адекватные формы, методы и средства обучения взрослых. Кроме этого они должны нести яркую практическую направленность, что будет способствовать повышению профессиональной компетентности педагогов, их творческой самореализации, усилению потребности в ней.

Применение системного подхода позволило нам определить потребность в творческой самореализации педагога (научно-педагогического работника) как сложное психическое явление, которое выступает комплексным динамическим образованием и, которое складывается из структурных элементов, находящихся в иерархическом отношении и объединяются в четыре группы: стремление к новизне (потребность в новых знаниях, новой информации о преподаваемом предмете); стремление к личностному росту и самоусовершенствованию, стремление к творческой активности (тяга к самому процессу творчества обуславливает стремление достичь цели творческими усилиями); стремление к реализации своих сущностных сил (стремление к достижениям вызывает стремление к признанию).

Можно говорить, что творческая самореализация педагогов в учреждениях среднего профессионального образования и научно-педагогических работников учреждений высшего профессионального образования имеет как общее, так и особенное. Об общем было сказано выше. Что касается особенного, то следует отметить специфику деятельности научно-педагогического работника, который осуществляя преподавание своего учебного предмета, тем не менее обязан заниматься научным исследованием. Последнее обогащает педагогическую деятельность, позволяет студентам быть всегда в курсе последних научных достижений. При этом следует признать, что было бы правильным, чтобы ученый формировал свой не только спецкурс, а все содержание читаемого курса, исходя из имеющихся у него научных достижений.

Отсюда также следует возможность усовершенствования системы дополнительного образования (повышения квалификации) через методическую помощь педагогу-ученому в формировании «своего» курса и его реализации с учетом научных достижений педагога.

Выбор форм организации процесса обучения в системе повышения квалификации – процесс сложный и во многом противоречивый. Он порождает новые педагогические технологии, меняет представления о межпредметных связях, модифицирует прежнее научно-методическое образовательных программ и учебных курсов. Это делает весьма актуальными исследования закономерностей и механизмов творческой самореализации педагогического и научно-педагогического работника, а также роли в этом системы дополнительного профессионального образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бордовский, Г. А. Особенности развития современного педагогического образования [Текст] / Г. А. Бордовский // Педагогика. – 2010. – № 5. – С. 60-66.
2. Рубцов, В. В. Психолого-педагогическая подготовка педагогических кадров для новой школы [Текст] / В.В. Рубцов // Педагогика. – 2010. – № 5. – С. 55-59.
3. Митина, Л. М. Психология профессиональной деятельности педагога: системный личностно-развивающий подход [Текст] / Л. М. Митина // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. – 2012. – № 3. – С. 48-64.
4. Яковлева, Н. О. Педагогическое проектирование инновационных образовательных Систем [Текст] / Н. О. Яковлева. – Челябинск : Изд-во Челябинского гуманитарного ин-та, 2008. – 279 с.

Поступила в редакцию 03.03.2017 г.

**ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION AS A FACTOR OF CREATIVE SELF-REALIZATION
OF THE TEACHER**

D.V. Alfimov

The article reveals the problem of the influence of additional professional education on self-realization of the teacher and scientific-pedagogical worker. Ways of improving the effectiveness of additional professional education in the context of its impact on professional self-realization of teachers and scientific-pedagogical employees of institutions HPE and SPE are investigated.

Key words: additional professional education, creative self-realization of teachers of institutions of higher and secondary vocational education, ways to influence additional vocational training on creative self-realization of pedagogical and scientific-pedagogical workers.

Алфимов Дмитрий Валентинович

Доктор педагогических наук, профессор.
Высшее учебное заведение «Республиканский
институт последиplomного образования
инженерно-педагогических работников».
Ректор.
E-mail: alfimov_dmitrii@meta.ua

Alfimov Dmitriy Valentinovich

Doctor of Pedagogy, Full Professor.
Higher educational institution "Republican Institute of
postgraduate education for engineering-pedagogical
workers".
Rector
E-mail: alfimov_dmitrii@meta.ua

УДК 378.4

**ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ
В КАНАДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
(II ПОЛОВИНА XX СТОЛЕТИЯ – НАЧАЛО XXI СТОЛЕТИЯ)**

© 2017. М. В. Борисова

В статье рассмотрены научные работы канадских педагогов II половины XX столетия – начала XXI столетия (Дж. Кидда, А. Томаса, А. Таффа, Р. Поули, К. Майерс, П. де Брукера), посвященных проблемам образования взрослых. Проведенный анализ научных исследований дает возможность сделать вывод о сложившейся концепции образования взрослых, целью которой является гармоническое развитие личности через образование, обогащение ее духовного мира и реализация творческого потенциала, а задачи состоят в содействии эффективному участию взрослого человека в жизни общества.

Ключевые слова: образование взрослых, обучение на протяжении жизни, непрерывное образование, учащееся общество, возобновляемое обучение.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими задачами. В условиях процессов глобализации и интернационализации обеспечение мобильности людей, вхождение в информационное общество не только обращения к наилучшим образцам отечественного педагогического наследства, а и учет общих тенденций мирового развития образования взрослых, результатов международных исследований, прогрессивных идей зарубежного опыта будут содействовать интеграции страны в европейское и мировое образовательное пространство. в этом контексте изучение канадского опыта по развитию концепции образования взрослых вызывает значительный интерес и может стать важным источником всестороннего осмысления и творческого использования его положительных идей.

Формулирование целей статьи (постановка задач). Целью данной статьи является обзор научных работ канадских педагогов II половины XX столетия – начала XXI столетия (Дж. Кидда, А. Томаса, А. Тафа, Р. Поули, К. Майерс, П. де Брукера), посвященных проблемам образования взрослых.

Изложение основного материала исследования. Несмотря на то, что первые теоретические наработки концепции образования взрослых появились еще в начале XX столетия, современную концептуальную трактовку этого явления в канадской научно-педагогической литературе относят приблизительно к 1950-60-х годам. Именно в этот период наблюдается качественно новый этап развития и исследования данной концепции, который был обусловлен рядом факторов: общей неграмотностью взрослого населения вследствие изнурительной и продолжительной Второй мировой войны; нуждами социально-экономического развития страны в послевоенный период; высокими темпами научно-технического развития общества, которое приводило к быстрому застареванию знаний и необходимости их постоянного возобновления особенно у трудоспособной части населения; жесткой конкуренцией на мировом рынке, которая принуждала готовить высококвалифицированные профессиональные кадры; широкой поддержкой теории человеческого капитала, которая доказывала, что капиталовложение в человеческие ресурсы является более прибыльным, чем инвестиции в промышленность.

Ярким доказательством этого утверждения могут служить работы выдающегося канадского педагога Джеймса Роббинса Кидда (James Kidd), положенные в основу развития системы образования взрослых в Канаде. Под образованием взрослых он понимал «любую деятельность с образовательной целью, спланированную и организованную для тех, кто вышел из школьного возраста и не учится заочно» [1, с. 3].

В 1960-е года происходит новое для канадской педагогики явление: в работах по образованию взрослых стали формулироваться цели и задачи. Ранее специальное выделение целей и задач не было распространено в канадской педагогической мысли, хотя это не означает, что в предыдущие десятилетия образование взрослых не было целенаправленным. Поскольку образование взрослых в Канаде осуществлялось в основном через отделения расширенного университетского образования, то и решения задач и достижения целей Дж. Кидд связывал с деятельностью университетов. В качестве целей образования взрослых он выделял такие: воспитание гражданина; предоставление образовательных возможностей тем, кто, имея для этого способности, не имел возможности учиться в университете; удовлетворение нужд общины или провинции; удовлетворение нужд отдельных групп населения (имеется в виду профессиональная подготовка); свободное образование (воспитание свободного человека); другие цели [2, с. 48–50].

Задачами образования взрослых Дж. Кидд считал предоставление взрослому человеку возможности: учиться новым необходимым специальностям при застаревании существующих профессий; черпать информацию о научных исследованиях и разработках, которые принадлежат к трудовой и профессиональной деятельности; получать новые знания с целью поддержки здоровья и благосостояния человека и его семьи; знать и понимать основные события в области внутренней и внешней политики государства; осуществлять в течение жизни личностное развитие прежде всего в интеллектуальной и эмоциональной сферах [1, с. 11–12]. По мнению ученого, образование взрослых базируется на принципах: добровольности; участия того, кто учится, в планировании и оценивании программ обучения; разнообразия содержания, форм, методов обучения и институтов, которые занимаются непрерывным образованием взрослых, а также учебных планов и программ обучения; большей частью финансовой самокупаемости [1, с. 28].

Закономерным результатом творческой работы Дж. Кидда стала монография «Как учатся взрослые» (How Adults Learn), которая была напечатана в 1959 году. Эта научная работа была одним из первых основательных исследований в сфере образования взрослых. В монографии Дж. Кидд утверждал, что «в прошлом значительное внимание уделялось преподаванию, а сейчас настало время сосредоточить внимание на учащемся» [1, с. 24]. Впервые андрагог исследовал характеристику взрослого, отмечая, что перед началом обучения преподаватель должен определить личностные характеристики ученика, уровень его интеллектуального развития, обозначить роль его мотивов и эмоций в обучении. Дж. Кидд развенчал известные в обществе мифы: «Невозможно изменить человеческую натуру» и «Невозможно обучить старую собаку новым трюкам», отмечая, что ограничения, с которыми человек сталкивается в обучении, – это ограничения психологические, их накладывает на себя сам человек, эти ограничения необходимо снимать перед процессом обучения [3, с. 17–18].

Исследуя практику обучения взрослых, Дж. Кидд выделял 4 ее подраздела: базовые программы обучения взрослых, обучение аграриев, промышленников и военных.

Достаточное внимание Дж. Кидд уделял и факторам среды, которые ассоциируются с обучением. Исследователь констатировал, что при поступлении в университет некоторые взрослые воспринимают новое окружение враждебно, неспособность студента адекватно оценить высокий уровень требований профессора приводит к тому, что студент оставляет курс обучения, даже не начав его [1, с. 235]. Среди других факторов среды, которые влияют на обучение, Дж. Кидд выделял качество освещения, количество и громкость отвлекающих звуков, температуру и свежесть воздуха. Поскольку процесс обучения может происходить дома, на работе, во время путешествий, в библиотеке, все эти факторы необходимо принимать во внимание.

Монография Дж. Кидда также содержит советы профессиональному учителю взрослых, известные под названием «декалог»:

1. Не следует делать из ученика собственное подобие, одного человека уже достаточно.
2. Никогда нельзя осуждать вкусы и интересы ученика или отказывать ему в рассмотрении проблем только из-за того, что это лишние хлопоты.
3. Не следует во всем обвинять наследственность и окружение.
4. Никогда нельзя бросать ученика на произвол судьбы или оставлять его беспомощным.
5. Нужно помочь ученику стать, с одной стороны, чувствительным, а с другой – здравомыслящим.
6. Нельзя лишать ученика права избирать собственное поведение и нести ответственность за ее следствия.
7. Необходимо уважать всех учеников, профессионально излагать и расширять содержание дисциплины.
8. Не следует ожидать чуда и верить в существование универсальных решений всех проблем.
9. Сохраненное чувство юмора спасет от шока, депрессии и самодовольства.
10. Нужно всегда помнить о святости и достоинстве избранного призвания, но не воспринимать себя слишком серьезно [1, с. 306–307].

Дж. Кидд был также одним из первых канадских просветителей, широко использовавших термин «обучение на протяжении жизни» (life-long education), который постепенно вытеснил понятие «образование взрослых» (adult education), когда речь шла о процессе, «в ходе которого взрослые занимаются учебной деятельностью с целью достижения эффективных изменений в знаниях, умениях и оценках для удовлетворения личных, профессиональных и общественных нужд» [3, с. 28]. Понятие «непрерывное образование» (continuing education), которое постепенно приобретало популярность как синоним образования взрослых, Дж. Кидд считал некорректным, поскольку в такой формулировке шла речь лишь об образовании, которое длилось только после формального периода обучения, имело целью дополнить уже имеющиеся знания и усовершенствовать навыки взрослых учеников, повысить их квалификацию или изменить ее.

Идея «учащегося общества» (learning society), термин, который широко использовался в связи с вопросами воплощения концепции непрерывного образования взрослых, получила поддержку и широко пропагандировалась в Канаде Аланом Томасом (Alan Thomas). Он считал, что Канада, как никакая другая страна, способна стать обществом, где все учатся. Объяснял он это давними жизненно важными для Канады традициями: Канада – страна иммигрантов, в которой значительным группам

взрослых приходится чему-нибудь учиться, менять устойчивые основы своей повседневной жизни, поэтому навык учения укоренился в канадской культуре. «Тот факт, что сейчас мы все иммигранты в незнакомом технологическом обществе, делает этот навык неопределимо важным», – писал А. Томас [4, с. 406].

Канада как «учащееся общество» будет иметь, по мнению Алана Томаса, следующие характеристики: в понятие гражданства войдет участие в любой форме обучения или образования, и это станет главной чертой гражданина «учащегося общества»; управление образованием будет осуществляться на местном, провинциальном и региональном уровнях; появится необходимость в национальной программе финансирования; общество будет построено на принципах максимального участия граждан в определении пути своего собственного развития; понятие «работа» будет охватывать стимулирование интереса к обучению и предоставлению возможности учиться; проблемы занятости, безработицы, технологического развития, повышения квалификации не будут решаться вне вопросов образования; во внешнюю политику государства будет входить обмен студентами; в свободное образование будет включаться курс «основы обучения», который станет центральным; существующая система «детского» образования не подходит для взрослых, поэтому для обучения взрослых она будет нуждаться не просто в дополнении, а в значительной реорганизации, поскольку потребуются другие, качественно новые методы преподавания, средства и оборудование, своя система управления; главной чертой национальной политики станет попечительство над непрерывным образованием [4, с. 407–409].

А. Томас рассматривал термин «учащееся общество» как «зонтичный» относительно всех других, употребляемых в то время терминов: «образование на протяжении жизни», «непрерывное (пожизненное) образование» (lifelong education, continuous education), «непрерывное образование взрослых» или «продолженное образование» (continuing education), «восстанавливаемое образование» (recurrent education), «перманентное образование» (education permanente), поскольку все они отображают концепции, в которых легко определяются общие принципы, и все эти принципы включаются в понятие «учащееся общество».

Среди характеристик «учащегося общества» А. Томас выделял следующие: свободный выбор индивидом любого возраста направления обучения по собственному желанию; наличие большого количества учебных заведений и организаций, которые могут предоставить человеку такую возможность; свободный выбор индивида своего пути достижения разных уровней компетентности и быть оцененным согласно этому уровню; существование большого разнообразия методов и форм обучения и предоставление разных консультационных и информационных услуг желающим реализовать свои способности; комбинация общественного и частного финансирования образования; невозможность получения образования на всю жизнь [5, с. 4].

Обобщая названные принципы, А. Томас определяет «учащееся общество» как систему, основанную на соблюдении права каждого на реализацию своих возможностей и на участие в создании своего будущего [5, с. 4].

Рассматривая непрерывное образование взрослых в контексте создания «учащегося общества», А. Томас подчеркивает: «Эта система образования включает формальное и неформальное образование и определяется согласно разным элементам (начальная школа, средняя школа, колледжи и университеты), исходя из специфических образовательных целей, которые должны быть достигнуты, а не из возраста или обстоятельств жизни учащегося. Система должна быть доступна

учащимся любого возраста, которые получают образование полуочно или очно, добровольно или принудительно, и финансироваться из частных или общественных фондов» [5, с. 8]. Алан Томас настаивал на исключительном праве системы непрерывного образования взрослых гарантировать общественное признание или сертификацию тем, кто завершит ее программы, подчеркивая тем самым ее значимость в обществе. Итак, под непрерывным образованием взрослых ученый понимал лишь институциональное образование или непрерывное образование без информального (параллельного) образования.

Наблюдая за развитием образовательной практики в Канаде начала 1970-х годов и признавая, что в стране много делается для воплощения идей непрерывного образования взрослых, А. Томас отмечал, что основные усилия педагогов направлены на предоставление индивиду возможности восполнить пробелы в образовании, а это не может быть достаточным основанием для создания системы непрерывного образования взрослых. Поэтому он горячо приветствовал все инновации, которые, по его мнению, содействовали ее формированию: расширение возможностей получения образования всеми желающими; предоставление взрослым возможности учиться очно в послесредних учебных заведениях; разрешение ученикам старшей школы быть одновременно студентами-полуочниками в колледже; введение системы кредитов, которые признавались бы всеми учебными заведениями данного уровня; рост внимания к самостоятельной работе взрослых; обучение по индивидуальному плану; внедрение гибкого расписания и т.п. [5].

А. Томас связывал перспективы создания «учащегося общества» с открытым обучением, которое в постепенно приобретало популярность в мире. Он видел, что использование в рамках открытого обучения современных средств информации и связи (радио, телевидения, телефона, почты) значительно расширяет аудиторию учащихся. По его мнению, преимуществами открытого обучения являются свободный доступ в учебные заведения всем желающим и способным учиться на данном уровне независимо от имеющегося уровня подготовки; неограниченность обучения заданными временными рамками; отсутствие ограничений, связанных с мобильностью взрослых – фактически человек мог учиться, не выходя из дома [5].

Особое значение для развития образования взрослых в Канаде имела книга Аллена Тафа (Allen Tough) «Учебные проекты взрослых» (The Adult's Learning Projects) [6]. Педагог рассматривал взрослого как лицо, которое самостоятельно руководит процессом своего обучения и может изменить себя и окружение. А. Таф концентрировал внимание на том, что, достигая определенных материальных целей, люди ставят перед собой новый вызов: самоактуализацию или реализацию своего большого потенциала. Под понятием «проект» А. Таф понимал стойкое, взвешенное желание человека учиться. В работе автор утверждал, что одним из наиболее распространенных намерений у людей является желание получить новое знание или приобрести новые умения и навыки, такое намерение А. Таф называл «очень обдуманное и подготовленное учебным эпизодом или серией взаимозависимых эпизодов, которые занимают в совокупности не менее 7 часов» [6, с. 6].

В исследовании Аллен Таф старался также найти ответ на вопрос: зачем взрослые учатся? Было выяснено, что основная цель учащегося – интеллектуальные, когнитивные и материальные преимущества, которые составляют значительный процент мотивации осуществления образовательных проектов, а именно: получить новую работу и самоутвердиться, улучшить уровень ведения домохозяйства, усилить персональную ответственность, расширить и усовершенствовать уровень умений

и навыков, удовлетворить собственную любознательность, поразить окружающих компетентным ответом на заданный вопрос [6, с. 52–58].

А. Таф определил, что, избирая образовательную программу, взрослые нуждаются в консультанте, который поможет установить конечную цель проекта и облегчит учебную деятельность. Кого взрослые выбирают ответственным за планирование будущего проекта? Согласно статистике А. Тафа, две трети всех проектов планируют сами взрослые, в остальном определиться с выбором помогают книги, видеозаписи, знакомые, коллеги и друзья. Четкая стратегия планирования учебной деятельности очень важна, поскольку уменьшает повторы подготовительных шагов, количество потраченного времени, неэффективных методов. Когда проект уже действует, взрослый может выбрать из множества ресурсов те, которые помогут ему положительно закончить проект: печатные материалы, индивидуально подобранные фильмы и телепрограммы, экспертов в данной области, информационные центры и компьютеры [6, с. 72–73].

В своем исследовании А. Таф предусмотрел, что количество соответствующих знаний и навыков, которые будут приобретать взрослые в будущем, заметно увеличатся из-за необходимости удовлетворения материальных нужд и значительных сдвигов в самоактуализации взрослого человека [6, с. 178–180].

Важным импульсом для развития концепции образования взрослых стало исследование Роджера Поули (Roger Powley), инициированного Советом министров образования Канады [7]. Р. Поули попытался классифицировать элементы и характеристики области образования взрослых, поскольку такая типология «считается полезной для построения теории и улучшения профессиональной практики» [7, с. 69]. В работе исследователь выделяет такие типы образования взрослых: образование взрослых в эпоху знаний (Adult Education in the Knowledge Age), образование взрослых для гражданского общества (Adult Education for the Civil Society), образование взрослых и культура, средства массовой информации и информационно-коммуникативные технологии (Adult Education and Culture, Media, and ICTs), образование взрослых для долгой жизни и более широкого обучения (Adult Education and Living Longer and Learning Wider), индикаторы и определения которых подаются в таблице 1 [7, с. 70]:

Таблица 1

Типы образования взрослых по Р. Поули

Учащееся общество	Индикаторы	Определение
Образование взрослых в эпоху знаний	Глобализация, экономика знаний, обучение на рабочем месте, человеческий капитал, экономический императив	Основная задача образования взрослых состоит в гарантировании взрослому возможности работать и конкурировать в глобальной экономике с помощью развития навыков и предоставлении знаний, которые высоко ценятся работодателями. Цель – поддержка экономической стабильности человека через постоянное обучение.
Образование взрослых для гражданского общества	Активное гражданство, критическая практика, равенство возможностей, социальный капитал, гражданский императив	Основная задача образования взрослых состоит в предоставлении взрослым гарантий полноценной жизни и возможности внесения весомого вклада в мир просвещенного и активного гражданства и демократии. Ценность обучения состоит в связях с социальным капиталом – ресурсами, которые создаются во взаимоотношениях с другими людьми.

Образование взрослых и культура, средства массовой информации и информационно-коммуникативные технологии (ИКТ)	Доступ, сменная природа работы, культурное сохранение, коммуникации, сетевое общество, технологический императив	Основная задача образования взрослых состоит в предоставлении взрослым гарантий доступа к образованию с помощью ИКТ, которые меняют образование и процесс обучения. ИКТ содействуют распространению среди взрослого населения знаний о культурном разнообразии и помогают интегрировать обучение из разных сфер жизни.
Образование взрослых для более долгой и полноценной жизни	Обучение людей «третьего возраста», демография общества, объединение обучения и жизни, учебный императив	Основная задача образования взрослых состоит в интеграции разных целей обучения и знания, аккумулированного посредством обучения на протяжении жизни одного человека. Такое знание имеет огромное значение в разных сферах и на разных стадиях жизни человека. Генеральная стратегия такого образования – обучение ради жизни.

Р. Поули утверждает, что деление образования взрослых на формальное, неформальное и информальное (внеинституционное) не всегда корректно, поскольку эти три термина используются разными исследователями в разных значениях, вместо этого автор предлагает собственную классификацию образования взрослых, в которой выделяет сертифицированное (Certified), несертифицированное (Not Certified) и эмпирическое (Experiential) образование.

Сертифицированное образование, по мнению Р. Поули, – структурированная и организованная образовательная деятельность и действия, направленные на профессиональное развитие человека, которые проходят в учебном заведении, на рабочем месте или в профессиональном аккредитованном учреждении. Такое образование тесно связано с учебным заведением, ограничено во времени, заканчивается предоставлением формального сертификата от формального учреждения, профессионального заведения или санкционированного на выдачу сертификатов агентства.

Несертифицированное образование – организованная или систематическая образовательная деятельность и действия, направленные на профессиональное развитие человека, которые проходят в разных учебных заведениях, общественных организациях, приспособленных для обеспечения специфических нужд взрослого. В результате такого вида обучения формальные сертификаты не предоставляются.

Эмпирическое обучение – процесс получения знаний, навыков от ежедневного пребывания дома, в обществе, на работе. Процесс может быть неорганизованным и асистематичным, но он не обязательно должен быть неподготовленным и невзвешенным, поскольку канадцы могут принимать участие в таком виде образования, стараясь расширить и усилить собственные индивидуальные или коллективные знания [7, с. 108–109].

По мнению Р. Поули, такое простое изменение терминологии поможет определить вид образования даже тех лиц, которые учатся по одной программе. Например, три студента учатся на одном курсе в университете, но делают это по разным причинам: один посещает курс для получения сертификата (сертифицированное обучение), второй – работает бухгалтером и считает, что прохождение курса поможет ему лучше организовать работу с клиентами (несертифицированное обучение), третий – всегда интересовался финансами, но, возможно, никогда не будет использовать приобретенные знания и умения на практике (эмпирическое обучение) [7, с. 109].

В последнее время анализом концепции образования взрослых активно занимаются Карен Майерс (Karen Myers) и Патрис де Брукер (Patrice de Broucker), результатом работы которых стал выход в 2006 году основательного исследования «Много осталось позади: Канадское образование взрослых и система подготовки персонала» (Too Many Left Behind: Canada's Adult Education and Training System). В монографии авторы предложили собственные инициативы, направленные в поддержку образовательных возможностей взрослых, с учетом того, что канадская система образования взрослых сложная, фрагментарная и неполная, а работодатели обеспечивают финансирование исключительно высокообразованных сотрудников. По мнению педагогов, национальная и провинциальная системы образования взрослых должны базироваться на таких принципах: никто не должен заканчивать школу без минимальных, достаточных для устройства на работу навыков; все взрослые должны иметь доступ к обучению с целью усиления базовых академических навыков, усовершенствования и трансформации знаний углубленного уровня; взрослые должны иметь легкий и понятный доступ к получению информации об учебных возможностях; консультации для взрослых по поводу поступления в учебные заведения должны быть доступными, с готовностью предоставленными; службы поддержки должны быть хорошо скоординированными, а правила поступления четкими; развитие знаний, умений и навыков всех рабочих необходимо считать важными и достойными инвестициями [8, с. 70].

Выход работы К. Майерс и П. де Брукера вызвал волну обсуждений и проведение круглых столов, которые состоялись в региональных центрах Канады и были инициированы Центром изучения образования взрослых. Во время обсуждений принципов, предложенных в работе «Много осталось позади: Канадское образование взрослых и система подготовки персонала», участники круглых столов разработали основные характеристики эффективной системы образования взрослых, которая должна быть:

- 1) ориентированной на студента;
- 2) целенаправленной (цели обучения взрослых не должны ограничиваться экономической целесообразностью: трудоустройство, высокая заработная плата, повышение производительности труда, они должны охватывать сплошное, полное, всестороннее (holistic) развитие активных граждан);
- 3) согласованной, хорошо скоординированной (взрослые должны иметь возможность обучаться в любой момент, получив от консультационных служб полную информацию относительно своих дальнейших действий);
- 4) выравненной (цели одних образовательных программ для взрослых должны дополнять цели других, а не вступать в противоречия);
- 5) признанной (системы зачетных единиц, предлагаемые разными провайдерами образования взрослых, должны быть признанными и согласованными на территориях всей страны);
- 6) объединенной (провайдеры подготовки взрослых, агентства по трудоустройству, правительственные департаменты должны объединить усилия для обеспечения образовательных нужд взрослого населения);
- 7) финансово доступной;
- 8) рентабельной;
- 9) справедливой (внедрение социально-ориентированных программ для помощи обедневшим и лицам с ограниченными возможностями);
- 10) прозрачной (содержание программ и их цели должны быть открытыми и понятными каждому);

11) подотчетной (все образовательные программы должны оцениваться, результаты – докладываться);

12) релевантной (знания и навыки, которыми овладевают взрослые в процессе обучения, должны быть ценными, важными и существенными для работодателей и общества в целом);

13) гибкой (образовательные программы должны быть доступными в любой момент и в любом месте, удобном для взрослого ученика);

14) жизнеспособной (для поддержки интегрированной системы образования взрослых должно предоставляться адекватное и стабильное финансирование);

15) связанной с системой образования юношества (образование взрослых является звеном непрерывного образования);

16) удобной для общины (например, франкоязычные взрослые должны иметь полный доступ к образовательным программам на французском языке);

17) привлекательной для взрослых учеников;

18) полностью учитывающей обстоятельства взрослых, а именно: предварительно приобретенный опыт, семейные и финансовые обязанности [9, с. 5-6].

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Проведенный анализ научных исследований канадских ученых, которые занимались теоретическими разработками ключевых вопросов образования взрослых, дает возможность сделать вывод, что разработанные ими положения сложились в научную концепцию образования взрослых, суть которой состоит в следующем: целью образования взрослых в Канаде является гармоническое развитие личности через образование, обогащение ее духовного мира и реализация творческого потенциала; задача образования взрослых состоит в содействии эффективному участию взрослого человека в жизни общества, возобновлении и обогащении знаниями и умениями, необходимыми взрослому для полноценного выполнения социальных функций; каждый человек имеет право на получение образования в любом возрасте; обязанность общества – предоставить человеку возможность удовлетворить свои образовательные нужды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kidd J. R. How Adults Learn / J. R. Kidd. – New York : Association Press, 1973. – 318 p.
2. Kidd J. R. Adult Education in the Canadian University / Kidd J. R. – Toronto : Canadian Association for Adult Education, 1956. – 137 p.
3. Котлякова Е. Н. Непрерывное образование взрослых в университетах Канады : дис. канд. пед. наук : 13.00.01 / Котлякова Елена Николаевна. – Москва, 1993. – 165 с.
4. Learning and Society / [under the edition of J. R. Kidd]. – Toronto : Canadian Association for Adult Education, Mutual Press, 1963. – 414 p.
5. Thomas A. Changes in Secondary Education and Their Implications for Continuing Education in Canada / A. Thomas, N. Diamond. – Paris : UNESCO: IBE, 1973. – 26 p.
6. Tough A. The Adult's Learning Projects: A Fresh Approach to Theory and Practice in Adult Learning / Tough A. – Toronto : Ontario Institute for Studies in Education, 1979. – 207 p.
7. Powly R. Developing an Adult Education Policy Framework: Terminology, Typology and Best Practices / Powly R., Kennedy M., Childs E. – Toronto : CMEC, 2005. – 140 p.
8. Myers K. Too Many Left Behind: Canada's Adult Education and Training System / K. Myers, P. de Broucker. – Ottawa : Canadian Policy Research Networks Inc., 2006. – 89 p.
9. Saunders R. Towards an Effective Adult Learning System: Report on a Series of Regional Roundtables / Saunders R. – Ottawa : CCL-ALKC, 2007. – 22 p.

Поступила в редакцию 05.03.2017 г.

**EVOLUTION OF THE ADULT EDUCATION CONCEPT IN THE CANADIAN PEDAGOGY
(THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY)**

M.V. Borisova

In the given article the scientific works of the Canadian educators of the second half of the XXth – the beginning of the XXIst century (J. Kidd, A. Thomas, A. Tough, R. Powley, K. Myers, P. de Broucker) on the adult education problems are reviewed. The conducted analysis enables to draw conclusion about the existing concept of adult education. Its aim is harmonic development of personality through education, enrichment his / her spiritual world and realization of his / her creative potential. The tasks of adult education consisting in assistance to effective involvement of adults in life of society are investigated.

Key words: adult education, lifelong education, continuing education, learning society, recurrent education.

Борисова Марина Викторовна.

Кандидат педагогических наук.

Автомобильно-дорожный институт ГОУ ВПО
«Донецкий национальный технический
университет».

Доцент кафедры иностранных языков.

E-mail: borisova_marina_79@mail.ua

Borisova Marina Viktorovna.

Candidate of Pedagogy.

Automobile Transport and Highway Engineering
Institute, Donetsk National Technical University.
Associate Professor of the English Language
Department.

E-mail: borisova_marina_79@mail.ua

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, филологии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать 15000 – 20000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (terkulov@rambler.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

Абзацный отступ — 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).
– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год, инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова** (3-5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. А. В. Петров

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сб. / Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

○ название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

○ инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),

○ аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание

по ширине.

Образец.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– В конце статьи обязательно указываются (10 кегль, полужирный, выравнивание по ширине) следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); должность; адрес электронной почты каждого автора.

Образец:

Петров Александр Владимирович.

Доктор филологических наук, профессор.

Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики.

E-mail: liza_nada@mail.ru

Petrov Alexandr Vladimirovich

Doctor of Philology, Professor

Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department

E-mail: liza_nada@mail.ru

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Разумный Виталий Витальевич**, канд.ист.наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонНУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Б. Гуманитарные науки

Научный журнал

2017. – № 1

На русском, украинском и английском языках

Технические редакторы: М.В. Фоменко, В.С. Хитеева

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.

Подписано в печать 05.06.2017 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 15,28
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.